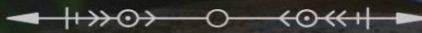

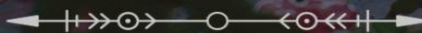

Колдовские
МИРЫ

ДАРЬЯ РАТНИКОВА

Я СТАНУ
ТВОИМ РЫЦАРЕМ

ПРОШЛОЕ НАСТИГАЕТ,
КАК НИ ПЫТАЙСЯ ОТ НЕГО УБЕЖАТЬ

Annotation

Накануне дядиной смерти Джейн встречается профессора Ритара, Читающего Души. Он груб и отвратителен, и она надеется больше никогда не увидеть его. Но эта встреча лишь запустила цепочку событий. И теперь Джейн предстоит обучаться у него. Возможно, только он знает, как вернуть ей потерянные воспоминания, а с ними и нечто большее.

Пять причин прочесть книгу:

1. История детской дружбы, перерастающей в настоящую любовь.
 2. Четыре уникальные касты волшебников, творящие разное по своей природе волшебство.
 3. Интриги, тайны, убийства и прошлое, которое настигает, как бы ты ни пытался от него убежать.
 4. Вечная любовь, над которой не властно время, расстояние и даже сама смерть.
 5. Мрачный главный герой, который не исправляется и в конце. Но ему это простительно.
-

- [Дарья Ратникова](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Эпилог](#)
-

Дарья Ратникова
Я стану твоим рыцарем

Серия «Колдовские миры»

Иллюстрация на переплете *Е. Сова*

© Ратникова Д., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

– Воровка! Вот она! Держите воровку! – кричала, надрываясь, полная женщина в накрахмаленном переднике.

– Но я ничего не воровала. Это ошибка! – Джейн в ужасе смотрела на чужой кошелёк, который держала в руках.

Она его не брала, точно! Правда, и вспомнить не могла, как он очутился у неё. Она ехала в имение дяди, в столицу, после получения письма. Вышла из экипажа, отпустила его заранее и решила немного прогуляться. И вот...

К ней уже спешили стражники.

– Где воровка?

– Вот, вот она! Она украла у меня кошелёк. А выглядит как порядочная женщина. – Толстушка презрительно посмотрела в её сторону и сплюнула.

– Простите, но я не виновата. – Она умоляюще посмотрела на людей, что собрались возле неё полукругом. Все они глядели осуждающе. Но не могли же они не видеть, что она не брала этот несчастный кошелёк, в конце-то концов!

– Виновата, не виновата... В участке разберутся.

Стражники заломили ей руки за спину и хотели уже вести за собой, когда толпа вдруг молча расступилась.

– Что здесь произошло? – Вкрадчивый бархатный голос прозвучал в наступившей тишине неожиданно громко.

Джейн обернулась.

Перед ней стоял мужчина средних лет. Высокий, черноволосый, в чёрном сюртуке и с отталкивающими хищными чертами лица. На бледном лице ярко выделялись тёмные, почти чёрные глаза, а резко очерченные губы, острые скулы и цепкий пронизывающий взгляд дополняли картину.

Вот теперь ей стало страшно.захотелось спрятаться, да так, чтобы он, кто бы это ни был, не нашёл её.

– Как хорошо, что вы пришли, господин профессор! – зачастили стражники. – Вот эту женщину обвиняют в воровстве. А она говорит, что не совершала такого.

– Что ж...

Мужчина посмотрел на Джейн долгим взглядом. У неё перехватило дыхание, словно из груди вдруг выбило воздух.

– Я разберусь сам. Вы свободны.

– Но, господин профессор...

– Есть какие-то возражения?

– Нет-нет. Конечно, нет. – Стражники откланялись и едва ли не бегом бросились прочь от них.

И тут Джейн поняла, что окружавшей её толпы тоже нет. Куда они все подевались и что за человек сейчас стоит перед ней?

– Пойдёшь со мной! – он повернулся к ней.

– Куда? – Запоздалый страх вернулся снова.

Но он не ответил. Джейн била дрожь. Боже, в незнакомом городе, одна, без сопровождения, и сейчас она идёт к незнакомому мужчине! Уж лучше бы её забрали стражники!

Видя, что она стоит на месте, он просто бесцеремонно схватил её за руку и потащил за собой. Джейн вяло перебирала ногами, семеня следом.

Они шли не так долго. Всего с четверть часа, и они оказались у высокого мрачного дома под стать своему хозяину. Профессор открыл калитку, потом дверь в дом. А когда Джейн оказалась внутри, то почувствовала: всё. Для неё нет больше пути назад.

Мужчина захлопнул дверь и повернулся к ней. И снова этот цепкий пронизывающий взгляд.

– Итак, госпожа...

– Фелина, – машинально ответила она.

– Итак, госпожа Фелина, вы утверждаете, что ничего не воровали?

– Да. – Джейн кивнула. От страха её мутило.

– Что ж, сейчас я это проверю! Но если вы мне солгали, лучше признаться сразу, потому что потом будет поздно.

Его голос напоминал ей оживший бархат. Так, наверное, удав зачаровывает своих жертв, чтобы съесть.

– Мне не в чем признаваться, – едва выговорила она, поражаясь тому, каким слабым и дрожащим показался ей собственный голос.

Он шагнул к ней. Джейн отскочила назад и упёрлась в стену. Мужчина схватил её за руку – цепко, так, что не вырваться, – а вторую руку положил на плечо.

Она дёрнулась, но тут же услышала:

– Перестаньте дёргаться. Иначе я за себя не ручаюсь. Я бережному обращению с девушками не обучен.

Джейн закусила губу и выдохнула. И тут же словно провалилась в какой-то омут. Стены вдруг начали быстро вращаться. Перед глазами всё поплыло. Она моргнула, а когда открыла глаза, оказалась в коридоре. Но вовсе не в том, в который её затащили.

Перед ней был длинный серый коридор. Конец его тонул в таком же сером тумане. Она никогда такого не видела. А по обе стороны – двери.

Джейн постояла немного, но ничего не происходило, и тогда она двинулась вперёд. Медленно, очень медленно, дёргая зачем-то за ручки дверей. Тело словно не принадлежало ей, как бывает во сне. Хочешь бежать – и не можешь, хочешь идти – и стоишь на месте. Оживший ночной кошмар.

А потом впереди словно из ниоткуда появился свет. Совсем близко оказалась приоткрытая дверь. Она вошла внутрь и увидела того мужчину, который так бесцеремонно с ней обошёлся. Те же чёрные волосы теперь спутанными прядями спадали на глаза. А ещё он был намного моложе, едва ли не подросток. Худой, похожий на жердь.

Она определённо видела его где-то раньше, таким подростком. Попыталась вспомнить, но, как всегда при этом, от боли начала раскалываться голова.

Подросток прижимал к груди немолодую уже женщину. Её одежда была покрыта пылью, смешанной с кровью. Он раскачивался и шептал как заклинание, повторяя одно и то же сотни раз:

– Мама, пожалуйста! Мама!

И вдруг её словно выдернуло назад. Дверь захлопнулась у неё перед носом. Коридор стал уменьшаться, перед глазами всё завертелось. Миг – и Джейн снова пришла в себя. Она стояла у стены в чужом доме, а напротив неё – этот мужчина.

– Ты что себе позволяешь?! – прошипел он, до боли стиснув её руку.

– Вы о чём? – Джейн затрясло от страха. Что это только что было? Куда она провалилась?

Рука невольно потянулась к шее. Там, под платьем, был спрятан небольшой медальон. Память о родителях. Она всегда теребила его,

когда волновалась.

Мужчина молчал. Джейн подняла голову и успела заметить, что он с таким изумлением смотрит на её руку, что даже ей стало интересно: что он там такое нашёл?

Она сморгнула. Да нет, снова ледяной взгляд. Ей, наверное, показалось.

– Вы невиновны. Надеюсь, у вас хватит ума больше не лезть куда не следует, – наконец произнёс он. Отпустил её руку и отвернулся.

– Да кто вы такой вообще! Как вы смеете?! – выдохнула Джейн. Теперь, когда этот мужчина подтвердил её невиновность, у неё словно гора с плеч упала.

– Я – Тобиас Ритар, Читающий Души и профессор королевского университета.

А, Читающий Души. Всё ясно. Жалко, он раньше не объяснил ей про свой дар. Хотя она правда не думала, что они настолько несносны.

– Я свободна, профессор Ритар? – спросила она раздражённо.

– Разумеется. И надеюсь вас больше никогда не увидеть, госпожа Фелина.

– И вам приятно оставаться, профессор. – Джейн в несколько шагов преодолела расстояние до двери, открыла её и хлопнула, наверное, так, что слышно было во всём городе. Чтоб ему пусто было!

Глава 1

Тобиас

Маленькая девочка идёт по тёмной улице одна. Ей страшно. Красивое дорогое платье всё в пыли, а атласные туфельки покрыты грязью. Она плачет, вытирая слёзы рукой. Он наблюдает за ней из дома, сидя на кровати и поджав ноги. Тот краткий миг тишины. Когда пьяный отец уснул, а мама ушла к Бёртонам помогать.

Девочка почти поравнялась с окном. Она явно из богатой семьи. Вот сейчас можно сказать ей что-нибудь обидное, отомстить за то, как ОНИ обзывают его. Но он почему-то молчит и не отрываясь смотрит на неё.

Вдруг девочка останавливается, поднимает глаза и видит его.

– Ты кто? – задаёт она такой странный вопрос.

– Я – Тобиас.

– Очень приятно, Тобиас. – Ей страшно и холодно, она сильно дрожит, но, увидев его, из последних сил сдерживает слёзы. И это почему-то трогает его. – Я – Кэтрин, – отвечает она. – Я потерялась. Не мог бы ты помочь мне найти дорогу домой?

Она – аристократка до мозга костей. Он должен ненавидеть её, но почему-то не может.

– Я сейчас. – Он взбирается на подоконник, потом спрыгивает на улицу перед ней. – Пойдём. И попытайся рассказать мне, где живёшь.

– Хорошо. – Она серьёзно кивает и как зачарованная смотрит на него своими большими глазами.

И начинает рассказывать. Он, хоть и не ходит в школу, понимает, что речь идёт о Сайн-стрит, не совсем дурак. Это самая большая и богатая улица их захудалого городка.

– Я знаю, где это, – говорит он отрывисто и резко, поправляя непослушные волосы, свисающие на лицо.

– Как замечательно! Я буду тебе очень признательна! – произносит она как взрослая и совсем по-взрослому смотрит на него.

И он теряет и отвечает неожиданно грубо:

– Я – нищеврод и не понимаю таких речей.
– Мне не нравится это слово. Лучше я буду звать тебя Тобиасом, – не реагирует она на его грубость.
И злость словно сама испаряется.
Они доходят до Сайн-стрит.
– Дальше найдёшь дорогу?
– Да, вот мой дом. – И она указывает на самый большой и шикарный особняк на улице, от которого к ним уже спешат люди. Он отступает в тень. – Тобиас!
– Да? – Он оборачивается.
– Где ты живёшь? Я хочу прийти к тебе в гости. – Надменное лицо, поджатые губы. Аристократка.
– Какое тебе дело до меня, богачка? – шипит он и быстро уходит.

Тобиас вскочил, хватая воздух ртом. Проклятье! Он что, заснул в кресле в своём кабинете? Похоже, бессонница и ночные кошмары стали единственным смыслом в его жизни. Как и у всех Читающих Души. Или ему достался свой персональный ад? Он усмехнулся, зная ответ, и подбросил яблоневые поленья в камин.

Раздался стук в дверь.

– Входите! – Тобиас расслабленно развалился в кресле.

Дверь распахнулась, и в неё бочком вошёл директор.

– Тобиас, мой друг, я так и не услышал от вас ответа.

– Вы просто не захотели его слышать, господин директор. – Он поднял голову и посмотрел на него. Директор ступешался и опустил глаза. Как будто он может убить взглядом. – Я предпочитаю всё-таки жить у себя дома, чем в вашем клубке змей. – Тобиас не отказал себе в удовольствии позлить Стефферсона.

– Но у вас слишком мало лекций. Да и от тех, что есть, отказываются ради факультативов по другим предметам. А ведь Читающие Души без обучения – это... это ужасно! – выговорил наконец-то директор.

Ну-ну. Можно подумать в этот университет поступают талантливые Читающие, которые когда-нибудь сумеют прочитать больше нескольких родственников за всю свою жизнь.

– Можете же вы быть к студентам понисходительней!

Голос директора звучал умоляюще, но Тобиас остался равнодушен к его мольбам.

– Чего ради? – Он не сдержал усмешку. – Почему из-за группки оболтусов я должен отказываться от своих принципов?

– Вы ведь знаете, у многих из них есть богатые покровители. – Директор виновато улыбнулся. – Они уже не первый год требуют вашего увольнения.

– Ну так в чём же дело? Удовлетворите это требование. А теперь извините, господин Стефферсон, мне некогда.

Тобиас встал, показывая, что аудиенция окончена, и Стефферсон покинул его кабинет.

Директор не уволит его. Кишка тонка. А если уволит... Что ж, ему давно предлагали место королевского дознавателя. Всё лучше, чем учить бестолковых студентов. Всё равно все они виновны, даже невиновные. Всё равно у них в головах есть целый ряд тайных комнат с мерзкими воспоминаниями. Мерзкими.

Тобиас встал и подошёл к камину. Огонь создавал причудливые узоры. Он видел в них грязные улицы своего детства. У каждого Читающего свой персональный ад и свои тайные комнаты. И так будет всегда.

В окно билась птица. Видимо, пыталась найти прибежище.

– Пошла вон, – мстительно произнёс Тобиас и задёрнул шторы.

Джейн

Уже три дня, как она гостила у дяди в имении. Он был серьёзно болен, а поскольку близких родственников у него не было, Джейн оставалась его единственной наследницей.

После того страшного происшествия на улице, которое она постаралась побыстрее выкинуть из головы, с Джейн больше не произошло ничего необычного. Она сидела в кресле у окна с книжкой в руке и зевала. Столица оказалась скучна до невозможности. Может, всё дело в том, что она никогда и не хотела жить здесь и не искала обычных развлечений девушек из светского общества. После пансиона – сразу место гувернантки в богатом доме с избалованными детьми. Хотя дядя и предлагал ей продолжить обучение. Но она хотела сама

заработать на него. И все эти четыре года упорно шла к цели. Ей некогда было скучать и развлекаться.

Как шутил дядя: «Тебе уже двадцать четыре, старая дева, и ты ни разу не была на балу». Увы. Что ж поделать.

Вообще, жизнь – странная штука. После травмы головы почти семнадцать лет она забыла всё на свете. Никакие лекари и Исцеляющие Тело не помогали. Слава богу, что очнулась она в загородном имении дяди. Тот сразу оказался рядом. И сказал, что в ту ночь случился государственный переворот с попыткой свержения короля Ричарда. Правда, безуспешной. Но половина Исторгающих Энергию перешла на сторону заговорщиков. Улица, где жила Джейн, была стёрта с лица земли, а её родители погибли.

Джейн хотела заплакать, но у неё не получилось: она абсолютно ничего не помнила. И это было ужасно. При попытке вспомнить ей становилось так плохо, что она теряла сознание от боли. А Исцеляющие Тело говорили, что, если она хочет жить дальше – надо отпустить воспоминания. Они придут сами, и тогда, когда будет нужно.

И Джейн сдалась. Все эти годы она жила лишь надеждой. Приезжала, смотрела на могилы родителей. На место, где когда-то стоял дом и где теперь чернело пепелище. На буйно разросший бурьян...

И не чувствовала ничего.

Сначала она ждала, а потом смирилась и начала жить дальше. Хотя что-то мешало. Какие-то воспоминания. Что-то тревожило душу. Как будто она забыла что-то важное, что-то, от чего зависела её жизнь. И это ей никак не вспомнить.

– Госпожа! – Запыхавшись, к ней в комнату вбежала служанка. – Госпожа, господин очень плох и хочет вас видеть.

– Иду. – Она торопливо положила книгу на подоконник и быстро вышла следом за служанкой.

Дядя Уильям действительно был очень плох. Она знала, что он умирает, но при мысли о том, что она совсем скоро расстанется с единственным близким человеком, к горлу подступили рыдания.

– Джейн, я умираю. Я послал за поверенным, он должен прибыть с минуты на минуту. Ты же знаешь, что я назначил тебя единственной

наследницей, у меня больше никого нет. Но есть ещё кое-что... – Дядя закашлялся.

– Что же? – Джейн наклонилась ближе и невольно дотронулась до его руки.

И мир поблёк, потерял краски. Всё вокруг закружилось, и она потеряла сознание.

– Боже, господин Фредерик, что с ней?

– Не знаю. Джейн, вы слышите меня?

Она открыла глаза. Перед ними всё плыло. Она с трудом сосредоточилась на лице, которое увидела перед собой. Это был удивительно красивый молодой человек.

– Я вас слышу, – прошептала Джейн. Ей тяжело дались эти слова, всё горло болело и саднило. А в голову как будто наложили камней. Так она чувствовала себя тогда, когда очнулась в тот памятный день, восемь лет назад. – Что со мной случилось?

– Мы не знаем. Но сейчас придёт господин Лестар. Он один из Исцеляющих Тело и непременно поможет вам.

– А вы кто?

– Я – Фредерик Деверси, сын друга вашего дяди. Может, вы слышали о нас что-нибудь? Хотя вы лишь недавно приехали...

– Да, слышала. – Она попыталась кивнуть, но поняла, что голову от подушки не оторвать.

Молодой человек смотрел на неё с таким участием, что она невольно почувствовала к нему симпатию. Вот никогда не верила в расположение с первого взгляда, а поди ж ты.

Джейн слабо улыбнулась. А потом вдруг вспомнила последние дядины слова.

– А как дядя?

– Он... – Молодой человек опустил глаза. – Он скончался.

– Боже! – Она не заметила, как из глаз потекли слёзы.

– Вот, возьмите, – Фредерик протянул ей платок. – И я очень вам соболезную. Ваш дядя был прекрасным человеком.

– Благодарю вас.

Джейн закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Она ведь знала, что дядя умрёт. Почему же тогда так пусто на душе? Наверное, потому что она помнила его и знала, хотя и так мало видела.

Вдруг она услышала быстрые шаги. Мужской голос спросил:

– Вы меня вызывали?

– Да, господин Лестар. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Она открыла глаза. Господин Деверси отошёл, и над ней наклонился Исцеляющий Тело. Положил руку на лоб и так застыл на несколько секунд. А потом выпрямился.

– Она не больна, – произнёс он.

Джейн облегчённо выдохнула. Валяться в постели совсем не хотелось.

– Но что же тогда со мной? – Голос слушался плохо.

Господин Лестар внимательно посмотрел на неё.

– Что с вами произошло?

Джейн рассказала всё, что вспомнила.

– Так-так... – Исцеляющий Тело вдруг улыбнулся. – Вы ведь нигде не обучались?

– Пансион при монастыре в Элифе.

– А ваш дар вы нигде не изучали?

– Ка... какой дар? – Джейн от удивления широко распахнула глаза.

– А вы разве не знаете? – Тут уже пришёл черёд господина Лестара удивляться. – Вы ведь – Читающая Души.

– Что? Этого не может быть! Вы не ошибаетесь?

– Нет. Я прекрасно вижу ваш дар. И странно, что вы о нём не знаете. Может, что-то случилось в последние дни, что его спровоцировало? Что-то происходило?

А Джейн вдруг вспомнила чёрные глаза и вкрадчивый голос. А ещё – серые коридоры.

– Д... да. Было. – Она вздохнула и начала рассказ.

– Профессор Тобиас Ритар, говорите... – Фредерик подошёл к ней. – Эта крыса! – презрительно выплюнул он.

– Ты что-то знаешь о нём? – Джейн сама не заметила, как обратилась к своему новому знакомому на «ты».

– Ну разумеется! Этот наглый заносчивый тип обучает в университете Читающих Души. Мне не повезло присутствовать на уроках по естественным наукам, преподавательницу которых он замещал. Его ненавидят все студенты! А ещё разные разговоры ведутся у него за спиной. Говорят, что шесть лет назад он был в числе заговорщиков. И при виде его я готов поверить во что угодно. Гадкий тип! – Фредерик презрительно скривился.

Джейн в душе согласилась с такой характеристикой. Ей одного знакомства с профессором хватило за глаза.

– Кхе-кхе, – прокашлялся господин Лестар, о котором все забыли. – Я бы предложил молодой леди срочно поступить на обучение к профессору Ритару.

– Почему? – в один голос спросили Джейн и Фредерик.

– Он считается одним из сильнейших среди Читающих.

– Нельзя ли найти кого-то другого?

– Возможно, – пожал плечами Исцеляющий Тело. – Но пока вы будете искать, госпоже может стать ещё хуже.

– Насколько хуже?

– Не знаю. – Господин Лестар снова пожал плечами. – Зависит от силы дара госпожи. А это сможет определить только профессор.

Джейн вздохнула. Видеть профессора не хотелось. При мысли о нём наружу поднимался какой-то дикий глубинный страх. Он всё о ней знает, и это противно и страшно.

– Я оставлю вам успокоительное. Сутки покоя и полного отдыха. – Господин Лестар встал и двинулся к выходу.

– Джейн... могу ли я тебя так называть? – Фредерик присел возле неё.

– Конечно, – кивнула она.

– Давай я попробую поговорить с профессором. Всё равно мне завтра на занятия. Набор в университет уже закончен, но если профессор за тебя попросит...

– У меня сложилось впечатление о профессоре Ритаре как о крайне неприятном человеке, который не будет ни за кого просить, – усмехнулась Джейн.

– И всё-таки есть вероятность. Ты ведь теперь не просто Джейн, за тобой стоит славное имя Грефонтейлов.

«И состояние», – подумала Джейн, но вслух ничего не сказала.

Глава 2

Тобиас

Он сидит на крыльце и забавляется тем, что кидает тоненькие веточки Бродяге – их дворняге. Бродяга заливисто гавкает, ловит веточку и тут же уничтожает её.

Он улыбается. Потом поднимает взгляд. По улице идёт девочка. Та самая, смешная. Снова.

– Ты! – Она улыбается ему. – Видишь, я всё-таки нашла тебя.

Да. Прошёл целый год. Весна успела смениться новой весной. Девочка повзрослела. Она снова одна, только платье уже идеально чистое, и на лице нет следов слёз.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он изумлённо.

– Пришла к тебе, как и обещала. Эмирансы всегда держат слово. – И она поднимает голову. Гордо. А потом вдруг встряхивает ею, и по плечам рассыпаются непослушные золотые кудри.

– Постой! А как же ты нашла дорогу?

– Увидела, куда каждый день ходит наша Минни – это прачка. У неё здесь семья. Я убежала от няни, пошла за Минни и нашла тебя.

– Но тебе же влетит! – Он смотрит на девочку и не может насмотреться. Такая она чистая и красивая посередине этой грязной и вонючей улицы.

– Ну и что! Я ведь обещала найти тебя, – говорит она упрямо.

И от этих слов ему почему-то становится радостно. Хотя она аристократка, а ещё – совсем малявка.

– Ну вот он я, – улыбается он немного насмешливо. По крайней мере, ему, двенадцатилетнему мальчику, так кажется.

– Может, пригласишь меня домой? Няня говорит, что держать гостей на улице – недостойно для джентльмена.

– Но я не джентльмен! – тут же вскипает он. Вот ещё! Будет она ему указывать, малявка мелкая! – И не смей мне указывать! И не буду я с тобой общаться!

И он специально отворачивается и уходит в дом. И даже дверь за собой закрывает. А потом вдруг возвращается. Девочка не найдёт дорогу домой без него.

Он открывает дверь, боясь увидеть что угодно: от пропавшей девчушки до зарёванного лица.

Но нет. Она стоит и спокойно смотрит на его дом. Такая необычная и красивая. Он такую никогда не видел.

– Ты ещё здесь? – произносит он нарочито грубо.

– Я же сказала, что пришла к тебе.

– Ты хоть думаешь, что делаешь? – шипит он. – Здесь может быть опасно. А если бы я не вышел к тебе?

– А ты мог? – Странная растерянность мелькает в глазах, почти страх.

Боже, неужели она настолько доверчива? Молнией его пронзает дикая мысль: ему хочется защитить её. От кого и от чего, он пока не знает.

– Нет, конечно, не мог, – бурчит он. – Это я просто дурачился.

– Я так и думала, – сияет она.

А потом начинает болтать. Про няню, отца, про подругу Лиззи и маленькую собачонку Виви...

Он слушает её и невольно улыбается.

Снова этот сон. Не было ни дня, чтобы ему не снились сны. Всем Читающим они снятся. Но обычно те видят во снах обрывки чужих воспоминаний, то, что потрясло их больше всего. И только он раз за разом видит свои. Те, что хотел бы забыть – и не может. Те, что хранит как драгоценный камень. Те, что составляют его суть, его самого.

Он наспех позавтракал. Еда уже давно не имела вкуса, а утренний кофе казался горьким.

Как нелепо. Он никогда не любил кофе. Кто бы знал, что этот напиток единственный способен поднять его с утра и заставить идти на работу, которую он ненавидел и к которой привык за эти годы, как привыкают к неудобной одежде.

Дорога до университета заняла ровно тридцать минут пешком. Он засекал. Его уроков сегодня нет. Читающие не горят желанием обучаться у него. И правильно. Дар либо есть, либо его нет. А всё это обучение выеденного яйца не стоит.

Но он всё равно приходил в университет ровно в девять утра. Разбирался с бумагами, готовил отчёты. Его величество король Ричард любил загрузить его работой сверх меры. А работать он любил в своём кабинете, когда никто не отвлекает.

Но сегодня, видимо, не судьба. В дверь постучали.

– Войдите.

Дверь приоткрылась, и вошёл один из студентов, без дара. По крайней мере, на своих уроках он его не видел.

Вошёл и встал молча, переминаясь с ноги на ногу.

– Если вы что-то хотели – выкладывайте, если нет – прошу покинуть мой кабинет и впредь не входить в неурочное время. – Тобиас поднял на мальчишку глаза. Тот стоял, кусая губы, и наконец решился.

– Профессор Ритар, у моей знакомой открылся дар Читающей и лекарь направил её к вам для обучения! – выпалил наконец он.

– А вас не учили, что нужно сначала представиться?

– Фредерик Деверси. – Мальчишка покраснел.

Богатый и знатный род, местная аристократия, чтоб её! Тобиас скривился, словно съел кислое яблоко. Он ненавидел яблоки и глупых студентов. Но, кажется, они действительно несколько раз встречались в университете.

– Господин Деверси, а каким образом это касается меня?

– Ну... – мальчишка замялся. Наблюдать за его попытками объяснить важность возложенной миссии было скучно. – Исцеляющий Тело сказал, что вы один из сильнейших Читающих, и поэтому надо обратиться к вам.

Вот как. А это уже интересно. Кто из Исцеляющих смог признать его силу?

– И что мне это даст? – Тобиас забавлялся, издеваясь над этим мальчишкой.

– Как это? – Деверси выглядел совсем растерянным. А ещё он злился. – Вы – профессор, вы не имеете права отказывать в помощи.

– Иначе что?

– Я буду жаловаться королю! – Мальчишка сжал кулаки.

– Жалуйтесь. – Тобиас отвернулся и отошёл к окну.

Деверси не уходил. Упрямо маячил за спиной.

– Господин Деверси, если вы договорили, идите. Не стоит отнимать моё драгоценное время.

– Значит, ваш ответ – нет? – Мальчишка едва сдерживался, видимо, хотел оскорбить его.

Он знал, что у них в головах и что на языке. Игра «они знают, что мы знаем».

Тобиас откровенно зевнул. Предки, как же ему скучно!

– Мой ответ зависит от разумности ваших доводов. А если вы за столько лет не смогли нажать ума, чтобы найти эти доводы, то это не моя проблема.

Деверси помялся ещё немного, а потом вдруг выдал:

– Но она ведь умрёт, если не начнёт обучение!

– С чего это?

– Так сказал Исцеляющий Тело. У неё вдруг открылся сильный дар.

– Такого не бывает. – Тобиас скривил губы. Вдруг – и сильный дар. Пусть мальчишка дурит голову кому-нибудь другому.

– Неужели вам не жалко девушку? – Мальчишка смотрел на него глазами побитой собаки. За девчонку свою просит? Или за сестру? Что-то кольнуло в груди и пропало. Ему давно уже всё равно.

– Ни капли. Жалость, господин Деверси, – одно из самых вредоносных чувств. Зарубите себе на носу. Эта истина вам ещё пригодится.

– Вы – чудовище! – выдохнул мальчишка.

– За оскорбление преподавателя – штраф и предупреждение. – Тобиас шагнул к нему и встал так близко, чтобы мальчишка его ясно видел. – Хотите вылететь из университета – продолжайте бросаться словами. А не хотите – подумайте головой. Она вам для того и дана.

Деверси сжал губы. Показалось, что этот мальчишка ударит его. Но он просто развернулся и буквально вылетел из кабинета.

Тобиас кинул ему вслед:

– Ваша подружка может подойти ко мне завтра, после уроков. Примерно час я свободен. Если опоздает – пусть ищет другого Читающего.

Если мальчишка услышит – он посмотрит его подружку, если нет – его проблемы.

Она лежала в постели и вертела медальон. Интересно, как давно на нём появилась трещина? Обычно гладкую поверхность камня прорезала трещина. А ещё медальон никак не открывался, хотя небольшая щель в нём была.

Сколько Джейн себя помнит, она всегда его носила. И даже очнулась в тот жуткий день с медальоном на шее. Дядя сказал, что это подарок на память от отца. Он помнит, как отец надевал на неё медальон и наказал никогда не снимать. И Джейн не снимала.

Ближе к вечеру пришёл дядин поверенный с бумагами. Она уже могла полусидеть на кровати, но всё равно отложила бы это дело на несколько дней. Однако бумаги надо было подписать срочно.

После ухода поверенного её никто не беспокоил, оставив на попечение собственных мыслей. И мысли эти были совсем не весёлыми. Встречаться, а тем более брать уроки у профессора Ритара Джейн категорически не хотела. Ей хватило этой встречи на всю оставшуюся жизнь.

Хотя одна встреча ничего не изменит. А об уроках она попросит других Читающих. И всё-таки это было как гром среди ясного неба. Она – Читающая?! Джейн не могла прийти в себя. Всё казалось нелепой шуткой.

Она ведь знала: жизнь Читающих несладка. Дар накладывал сотни ограничений. Она могла дотронуться до кожи, до пальцев, случайно упасть на кого-то и увидеть его всего, целиком, его прошлое и его воспоминания. Но это, конечно, при условии, что у неё сильный дар.

Джейн надеялась, что он малюсенький, словно искра. Она даже представляла эту искру где-то глубоко внутри себя. Про Читающих не говорят лишний раз. Их боятся едва ли не больше Исторгающих Энергию. Но её всегда интересовала эта сила, что является одной из составляющих мира.

Она даже нашла книги по истории. Правда, и там не было сказано, откуда взялись четыре касты, четыре различных по своему типу волшебства: Исторгающие Энергию, Читающие Души, Исцеляющие Тело и Создающие Иллюзии.

И если первые три с завидным постоянством рождались на свет, то Создающие Иллюзии в один прекрасный момент исчезли, растворились в своих иллюзиях.

В этом и была опасность дара. Исторгающие могли исторгать огонь. Немного больше силы – и человек сгорал изнутри, весь, без остатка. Поэтому в большинстве случаев Исторгающие состояли в королевской гвардии и давали присягу королю. Присягу, которую замечательно нарушили шесть лет назад.

Джейн читала об этом, но не вдаваясь в подробности. Думать об этом было страшно. А если бы она не забыла тот день и события до него, то, скорее всего, и вспоминать.

Читающие Души могли заблудиться в коридорах чужого сознания и не вернуться обратно. Про вред Исцеляющих она не слышала. Но их дар был призван исцелять тела, а там ведь тоже можно напутать так, что сделаешь только хуже. Вот и приходилось всем владеющим даром обучаться. Или в частной школе для одарённых, или нанимать учителей.

Но она уже выросла из школьного возраста.

Джейн вздохнула. Ясно, что ничего не ясно. Откуда у неё вдруг взялся дар? Разве он не открывается в детстве? Больше вопросов, чем ответов. И она была уверена, что профессор Ритар не ответит ни на один.

Сутки, как и предписывал господин Лестар, она провела в постели, маясь от скуки и не зная, чем себя занять. А к вечеру пришёл господин Деверси.

– Доброго вечера. – Он улыбнулся, и Джейн снова поймала себя на мысли, что он ей нравится.

– И тебе. – Она кивнула Фредерику. – Ну что, получилось договориться с профессором?

– Он будет ждать тебя завтра после уроков. – Господин Деверси нахмурился. – И даже не спрашивай, чего мне это стоило.

– Почему же, если он так несносен, его не уволят?

– Не знаю. Ты же слышала, что он самый сильный Читающий, – словно нехотя выдохнул Фредерик. – Но это не отменяет того, что, будь оно возможно, я бы первый поставил его на место. – Юноша сжал кулаки.

Он замолчал. Джейн сочувственно посмотрела на него и постаралась перевести разговор на другую тему. Делать ей больше нечего, кроме как обсуждать с утра до ночи профессора Ритара!

И всё-таки спала она плохо. Всю ночь ей казалось, что она бродит по каким-то серым коридорам и никак не может из них вырваться. И в каждом из них она встречала профессора. Вот только вместо того, чтобы помочь, он уходил, оставляя её один на один с серым туманом.

Она встала совсем не выспавшаяся, посмотрела на время и охнула. Чтобы успеть к профессору после занятий, надо было очень сильно поспешить.

Глава 3

Тобиас

– А ты знаешь, что во мне проявился дар? – Они с Кэтрин сидят на берегу речки, на поваленном дереве, и болтают ногами. И у них есть ровно час, прежде чем запыхавшаяся гувернантка прибежит сюда и девочке влетит за своеволие.

А ещё если от его дома пройти ровно двадцать шагов, пролезть под маленькой аркой через дыру в заборе, а потом с разбегу нырнуть в зелёное море листвы, то очутишься в другом мире. Эта грязная вонючая речка берёт своё начало рядом с их бедным кварталом, но если знать, куда идти, то совсем скоро можно увидеть, как она превращается в степенную и чистую лесную речушку в роще неподалёку. Это был их с Кэтрин секрет.

– Правда?! – Кэтрин вскакивает и с восторгом смотрит на него.

Ему очень приятен этот девчачий восторг. Пусть он уже большой, а эта девочка намного младше, но ближе её у него никого нет.

– Это же здорово! – Она хлопает в ладоши и кружится вокруг него. – Я всегда знала, Тоби, что ты такой талантливый!

Эти слова льстят ему и наполняют надеждой. Он робко улыбается, откидывая волосы с лица. И всё же спрашивает с насмешкой:

– Ты знала, что у меня проснётся дар?

– Я верила, что ты обязательно сделаешь что-нибудь этакое, ведь ты такой замечательный! – Она смотрит на него прямо, ничуть не стесняясь. В голубых глазах плещется искренняя радость.

– И ты даже не спросишь, что за дар? – Ему приятно от такого искреннего восхищения.

– Ну и что за дар?

– Я – Читающий Души! – гордо говорит он и испытующе смотрит на подругу.

Но она по-прежнему сидит рядом с ним. Взгляд не по-детски серьёзный, а ещё – доверчивый.

– Ты не испугалась, – наконец говорит он, внимательно изучив её.

– Нет. – Она качает головой. Золотые локоны выбились из причёски и рассыпались по плечам. – Что такого страшного в Читающих Души, что мне надлежит бояться их?

– Ну, например, когда я пройду обучение, смогу прочитать тебя полностью. Увидеть всю твою жизнь, все твои воспоминания. Потому что Наставник говорит, что у меня сильный дар. – И он испытующе смотрит на неё.

– И что? Разве это повод бояться? – Она упрямо поджимает губы. – У меня нет от тебя секретов, ты же знаешь.

– Но ведь будут. – Он отворачивается от неё.

– Не будет. Ты мой друг, Тоби. Навсегда!

Он вздрагивает, когда её маленькая ручка накрывает его.

– Я хотел бы в это верить, – шепчет он. Слишком часто он видел совсем другую жизнь.

– Леди Кэтрин! Где вы? – раздаётся совсем рядом.

– Давай спрячемся. Убежим, чтобы она нас не нашла! – тихо шепчет Кэтрин.

И он, не в силах сопротивляться, прижимает палец к губам и, пригибаясь, ведёт её вниз, к реке. Туда, где берег склоняется к воде, образуя естественную пещеру. Тут тихо и прохладно.

– А тебе предстоит долго учиться?

– Не знаю. Наставник сказал, что расскажет мне всё в следующий раз.

– Ты пойдёшь в школу?

– Таких, как я, в школу не берут. – Он ухмыляется. Ему весело и тоскливо одновременно. Но, держа за руку подругу, он чувствует себя почти рыцарем.

– Хочешь, я поговорю с папой?

– Нет! – Он резко отворачивается, успевая заметить обиду в ясных глазах.

– Почему?

Как ей объяснить, что она аристократка, а он – сын прачки и сапожника? И между ними пропасть.

– Я не знаю, как тебе объяснить. Ты ведь аристократка.

– Ну и что? – Она недоумённо поднимает бровь. – Ты уже говорил об этом.

– Я должен не учиться, а работать, служить таким, как ты.

– Чушь! – Она встряхивает головой, и волосы снова рассыпаются по плечам. – Если ты не хочешь, тебя никто не может заставить.

Он молчит и качает головой. Она не понимает. Как ей объяснить?

Уроки пролетели быстро. Но Тобиас не расслаблялся. Он помнил, что сегодня пообещал дать ещё один урок. И это выводило его из себя. Да ещё погода, как назло, стояла необычно жаркая для сентября. А в кабинете было невероятно душно.

Он наглухо закрыл окна и задёрнул шторы. Правда, в его кабинете и так почти всегда была полутьма, как и в классе.

Тобиас посмотрел на часы и нахмурился. Он подождёт ещё ровно тридцать пять минут. Если в течение этого времени ни одна живая душа его не потревожит, он будет просто счастлив и с чистой совестью отправится домой.

Но нет. Через пару минут раздался стук в дверь.

– Войдите, – сухо ответил он и развернулся.

Господин Деверси пришёл, да не один, а с подружкой. Тобиас заложил руки за спину. Давняя привычка. Подружку эту он узнал сразу. Это её обвиняли в воровстве, и это она обошла его барьеры и смогла проникнуть в его воспоминания. Так не умел даже Наставник. Очень сильная Читающая.

И пусть сейчас девчонка выглядела не такой испуганной, как во время их первой встречи, и одета была поприличнее, как настоящая аристократка, она всё равно посмела явиться!

– Выйдите, господин Деверси. Я хотел бы поговорить с вашей подругой наедине.

Мальчишка бросил несчастный взгляд на подружку, но не посмел перечить. Испарился, только дверь хлопнула.

Он в два шага преодолел расстояние до девчонки.

– Вы издеваетесь?! – Хотелось придушить её прямо здесь. За то, что посмела смеяться над ним.

– Вы о чём, профессор Ритар?

– Я о том, что якобы привело вас сюда. – Спокойно. Это всего лишь девчонка. Безмозглая, как и все здешние студентки.

– Мне сказали, что вы можете определить, какой силы у меня дар и как срочно мне необходимо обучение.

Она говорила спокойно, но он видел, что она всё равно боится. Хотелось схватить её за руку и прочитать всю и целиком, чтобы знала, к кому не следует лезть.

– А то вы не знаете сами?

– Не знаю, именно поэтому и пришла к вам.

Либо она хорошо притворяется, либо просто дура.

– И что же с вами случилось? – Он поймаёт её на лжи. Тобиас чувствовал её, словно запах в воздухе. Стоило лишь немного постоять рядом с человеком. Он мог даже не спрашивать ничего и не смотреть, он просто ЗНАЛ, когда ему лгали.

– Я приехала к дяде. Он был при смерти и вызвал меня к себе. Я присела возле него, случайно дотронулась до его руки и упала в обморок. Исцеляющий Тело сказал, что это проснулся мой дар.

– Такого не бывает! – рявкнул Тобиас, потеряв терпение. Да она издевается над ним!

– Но всё произошло именно так. Зачем мне лгать? – Она недоумённо посмотрела на него.

А он невольно перевёл взгляд на её руки. Девчонка машинально теребила медальон на тонкой цепочке.

Наверное, он сходит с ума. Только одна девушка на свете ТАК крутила в пальцах медальон. Её звали Кэти. И она вот уже семь лет как мертва!

Он смотрел на девчонку не мигая. Подсознание – странная вещь, и иногда оно выкидывает такие странные штуки... Ничем не похожа на Кэти. Тёмные волосы забраны в строгую причёску, невзрачные черты лица, острый нос, тёмные глаза. Ничего примечательного, если бы не эти движения.

– Может, вы преследуете какую-то свою скрытую цель, госпожа... Фелина? – наконец с трудом выговорил он. Надо же, даже имя её всплыло из задворок подсознания.

– Вы же Читающий. – Она посмотрела на него, как ему показалось, с укоризной. – Посмотрите, если не верите. Вы же, кажется, уже это делали.

Ироничная усмешка. Такая знакомая на незнакомых губах. И знакомым движением вздёрнула голову. Да он бредит!

Голова кружилась. Он схватил протянутую руку и погрузился в чужие воспоминания. Отметая ненужные, скользя между них, нашёл то, что хотел. Её изумление, когда она узнала про свой дар. Не лгала. Но как такое вообще возможно?

Мелькнул соблазн проникнуть дальше. Узнать, увидеть. Она ведь необученная, даже не узнает. Несколько секунд – и он начал листать воспоминания всё дальше и дальше. Ему не интересно всё это. Туда, глубже, в детство. Он бежал по коридорам быстрее, быстрее. И вдруг... наткнулся на стену. Его откинуло назад, и он, задыхаясь, вернулся в реальность. Отпустил её руку, словно обжётся.

– Ну как, вы узнали всё, что хотели? – Девчонка нетерпеливо смотрела на него, а в глазах – что-то такое... Страх – не страх... он не мог понять.

– Да. Вы, несомненно, необычный случай. – Как же узнать, что она там спрятала, за стеной?

– У меня сильный дар?

– Очень. – Он не стал лукавить. Тем более что снова почувствовал проникновение. И это его разозлило.

Понятно, что она не хотела. Но вот так вот, попросту, походя, снести все стены, которые он так долго строил, чтобы спрятать то, что даже Наставник не должен был видеть? С таким даром она, пожалуй, сможет превзойти и его, и Наставника, и других Читающих. И стать сильнейшей.

Он внимательно посмотрел на девчонку. Кажется, она расстроилась.

– И долго мне придётся учиться?

– В зависимости от того, как скоро вы сможете усвоить материал. Не могу сказать. Обычно дар просыпается в раннем детстве или подростковом возрасте. Вы не знаете, что могло послужить причиной того, что дар проснулся только сейчас?

– Нет. – Она вздохнула и покачала головой. – Я ничего не помню до семнадцати лет, совсем ничего. Несчастный случай.

– И вам не помогли Исцеляющие? – Лжёт или нет? Но он не чувствовал лжи в её голосе. И всё-таки это было настолько странно...

– Нет. Сказали только, что со временем воспоминания вернутся. Но когда настанет это время, никто не знает.

И это тоже было странно.

– А вы знаете, госпожа Фелина, что между вашими первыми воспоминаниями в семнадцать лет и детством стоит стена? И эту стену не могу пробить даже я.

– Кажется, профессор, я не просила вас это делать!

Она гордо вскинула голову, и у него поплыло перед глазами. Он словно наяву увидел свою Кэти. Нет! Это невозможно.

– Вы пришли ко мне учиться, значит, согласны с моими методами! – Он сказал это резче, чем обычно.

– Я пришла к вам только узнать о силе своего дара! А обучаться я могу у другого Читающего. Что, собственно, и сделаю.

Она сжала губы и таким знакомым движением убрала непослушную прядь за ухо, что он снова почувствовал, как кружится голова.

Что за колдовство! Может, она из последних Создающих Иллюзии и просто пытается подобраться к нему, как уже делали до неё много и много раз? Но кто мог знать о Кэти?

– Я, конечно, могу попросить господина Тавира, главного королевского Читающего, учить вас. – Он ехидно улыбнулся. Девчонка раздражала его, и в то же время он хотел разгадать её тайну. – Но, понимаете, его дар намного меньше вашего по силе. С вашим даром сравнится, пожалуй, дар профессора Магнеррано вам придётся подождать, пока он соизволит приехать в столицу. Профессор уже очень стар. Но в любом случае вам придётся подождать. Только не касайтесь никого руками и другими частями тела, иначе вытащить вас из коридоров разума не сможет уже ни один Исцеляющий.

Она подняла на него глаза. Взгляд – как у раненого животного. Он не оставил ей выбора! Но он не лгал. Её действительно надо было обучать, и чем быстрее, тем лучше.

– Если... – её голос дрогнул, – я соглашусь обучаться у вас, сколько времени будут занимать наши занятия?

– А это уже как я решу. А соглашаться или нет – это ваше дело, госпожа Фелина, – он подчеркнул её имя.

Она согласится, никуда не денется. И он обязательно разгадает, в чём тут дело.

Она машинально перебирала пальцами цепочку медальона. Да кто он такой и почему посмел решать за неё? И всё-таки он не оставил ей выбора. Она это знала. Ещё тогда, когда Исцеляющий Тело сказал идти к профессору. Знала, и всё равно пошла. Потому что жить хотелось. В конце концов, не совсем же он скотина.

Эксцентричный, вредный, противный, желчный, замешанный в грязных делишках... Её это всё не касалось. Она будет только ходить к нему на занятия. И всё. Дальше она свободна. И университет ей теперь, пожалуй, не нужен. Даже больше: опасен для неё. Точнее, это она опасна для окружающих, пока не научится владеть собой.

Но она ведь не ребёнок и не подросток. Научится всему, чему нужно, и навсегда расстанется с этим человеком.

– Я согласна, – наконец заставила она себя произнести эти слова и поджала губы.

В конце концов, раз он здесь работает, значит, его обязанность – учить. Она не осмеливалась даже в мыслях называть его «профессор Ритар». Это словно бы облечь страх в плоть. А вот безликий «он» как раз то, что нужно. К тому же этот «профессор» не намного старше её самой.

Джейн подняла глаза и наткнулась на его взгляд. Станный, пугающий и завораживающий одновременно, как будто он изучает её.

– Вот и замечательно, госпожа Фелина. Надеюсь, вы знаете, что такое дисциплина? Потому что не важно, сколько учеников у меня на занятии: один или три десятка. Я произвола не потерплю.

Да он издевается?! Он словно специально выводил её из себя. Словно желая чего-то добиться. Чего? Она не знала. Хотелось плюнуть ему в лицо и выбежать из кабинета. Слова, тон и взгляд – всё было направлено на то, чтобы указать ей её место. Но всё внутри её протестовало.

Невыносимый человек!

Джейн поджала губы.

– Я могу идти?

– Зачем же так сразу? Вы ведь пришли на занятия? Вот и давайте заниматься, пока у меня есть для вас время. – Он усмехнулся, обнажив острые зубы.

И почему он напомнил ей ворона? Из-за одежды, в которой было слишком много чёрного? Или из-за хищного, словно нечеловеческого взгляда? Она сама толком не могла сказать.

Джейн боялась его, этого безликого профессора, и в то же время почти ненавидела, а ещё – жалела. Да-да, именно так. Наставница в пансионе часто вздыхала, что она слишком доверчива и добра для девушки её возраста. Но тут уж как есть. Она жалела и животных, и людей. Часто.

И ей было жалко – совсем немного, совсем чуть-чуть – человека, что сейчас стоял перед ней. Жить с таким характером, наверное, нелегко.

Впрочем, жалость тут же сменилась возмущением, когда профессор начал задавать ей вопросы. Его голос и тон были такими, словно ей делают великое одолжение.

– Что вы видите, когда я читаю вас?

– Серые коридоры и двери, – нехотя начала рассказывать Джейн.

Она вовсе не готова была к занятию сегодня. Её мысли метались, как испугнутая стая птиц. Честно говоря, она вообще не была готова к тому, что другой человек будет видеть её жизнь, её мысли и чувства. Причём тот, которому она не доверила бы это даже под страхом смерти. Вот господину Деверси – да. Он деликатен и тактичен. И никогда не стал бы использовать увиденное против неё. Но Фредерик, увы, совсем не Читающий.

Подумав о нём, Джейн невольно покраснела.

– Витать в облаках, госпожа Фелина, вы можете, но не на моём уроке. А то я быстро узнаю ваши мысли. – И профессор протянул руку, словно желая её схватить.

Джейн увернулась. К йордам такие уроки!

– Я не витаю в облаках. А о чём я думаю – вас не касается. Или вы читаете всех своих учеников?

Сердце колотилось от страха. В то же время она чувствовала какой-то азарт. Так странно. Она никогда не жила этим. Ровно до позавчерашнего дня её не интересовали Читающие. Ну, почти. И вот теперь её словно несло волной, и она не знала – куда. Может, всё это шутки проснувшегося дара?

– Не смейте дерзить преподавателю, госпожа Фелина!

Профессор шагнул к ней почти вплотную. Ещё шаг – и схватит. Но он тут же отошёл, держа руки за спиной.

– Итак. Расскажите, что конкретно вы чувствовали и видели, когда находились в этих серых коридорах. Всё, без утайки. Это очень важно.

Джейн сжала губы, прикрыла глаза и попыталась вспомнить. Но воспоминания о коридорах ускользало, оставалось только размытое нечто. И это пугало. А ещё она помнила, ЧТО видела за одной из дверей. И боялась сказать об этом профессору. Но... он ведь просил вспомнить всё. Это важно...

И она начала рассказывать, путаясь в словах и запинаясь. Рассказав всё, замолчала, задумчиво перебирая пальцами цепочку от медальона. И подняла глаза.

Профессор стоял молча. Бесстрастное лицо, взгляд устремлён куда-то сквозь неё.

Наконец он заговорил.

– Я понял. Вы просто сносите все защитные стены. Что ж, тем тяжелее будет научить вас ставить свою защиту. – Он помолчал, а потом вдруг добавил: – Не уверен, правда, что справлюсь.

Джейн вздрогнула, как от удара. Что это значит?

– Вы уж постарайтесь, господин профессор! – И едва не прикусила себе язык. Но в моменты волнений слова всегда вырывались у неё прежде, чем она могла подумать над ними хоть немножко.

– Постараюсь, будьте уверены.

Он хищно усмехнулся. И почему ей вдруг, в эту же минуту, захотелось, чтобы он не старался?

– На сегодня ваши занятия окончены. Приходите завтра в это же время. Если опоздаете – ждать не буду.

Джейн только молча кивнула, развернулась и вышла. В груди словно огнём жгло. Хотелось одновременно и ударить этого профессора чем-то тяжёлым, и исчезнуть так, чтобы он никогда её не нашёл.

Глава 4

Тобиас

- А вот и он!*
- Держи его, Бенджи!*
- Заходи справа!*
- Решил, что он умнее всех! Ну я и задам ему сейчас!*

Голоса раздаются всё ближе и ближе. Он мечется в поисках выхода. Наконец прячется туда, где ему кажется безопасно, где его никто не найдёт. Он юркает в старую, полуразрушенную лачугу возле самой реки, открывает люк в подпол и прыгает туда.

Люк громко стучит, закрываясь. Он больно падает, обдирая колени. И оказывается один в полной темноте.

Бенджамин ненавидит его. Потому что сам он – аристократ, сын мэра, а Тобиас – просто грязь под его ногами. Грязь, которая посмела вступить за щенка, которого эти твари хотели утопить.

Такие забавы у Бенджамина Бартона. После учёбы он с одноклассниками любит тайком от отца и слуг сбежать в бедный квартал и там вдоволь поиздеваться над нищими, сирыми и убогими. Людьми или животными – без разницы.

С возрастом его игры заходят всё дальше и дальше. Отец это только поощряет. Зачем нужен бедный квартал – клеймо на славном лице столицы?

А как же его величество? А король далеко. Так безнадёжно далеко, что и понятия не имеет, чем занимается его любимый мэр.

Тобиас сидит на сырой земле. Здесь темно и холодно. Да и, чего уж там скрывать, – страшно. Но выходить нельзя: Бенджамин – он там. Вместе со своими прихвостнями. Вот они ходят, перекрикиваются, стучат чем-то наверху. Он молится об одном: только чтобы его не нашли. А ещё – отстали.

Но они не уходят. Садятся наверху, смеются о чём-то, говорят. Если бы у него были силы, он сжёг бы весь этот город с его домами и улочками. Пусть горит. Горит!

Тобиас вскочил с бешено бьющимся сердцем. Ему всё ещё казалось, что он чувствует запах гари и видит, как горят дома и улицы, как огонь пожирает целые кварталы.

Он пошарил рукой по тумбочке. Да где же проклятая вода! Стакан упал, а потом скатился на пол, гулко стукнув. Вода полилась с тумбочки, медленно и раздражающе капая. Кап. Кап. Кап.

Проклятие! Он схватил стакан с пола и с размаху запустил им в камин. Потом встал и направился вниз, в столовую. Выбор стоял между бессонной ночью (какой уже по счёту?) и снотворным. Вот только в последнее время и оно перестало помогать.

А скоро ведь тот самый день, двадцать седьмое сентября. Выжженный в его памяти, словно рабское клеймо. И не срежешь ведь вместе с кожей. Только смерть может заставить забыть. И то он не уверен.

Тобиас тяжело вздохнул и подошёл к окну. Ясная светлая ночь словно насмеялась над ним, тем, у кого в душе было всегда темно.

Он резко задёрнул шторы и вернулся в комнату. Уселся в кресло и бездумно уставился на тлеющие в камине угли. И тут же перед глазами, словно наяву, встали воспоминания.

– Хочешь стать сильнее их? Сильнее всех? – Наставник вкрадчиво тянет слова, специально, чтобы он подумал.

И он думает. Сидит и жадно смотрит на Наставника, как на спасителя.

– Я ведь знаю, что над тобой издеваются.

– Вы прочитали меня? – Он вскакивает, задетый равнодушной бесцеремонностью, роняет стул.

– Сядь!

Тоби поднимает стул и падает на него, словно этот приказ отнял все силы.

– Разве обязательно нужно читать кого-то, чтобы узнать очевидные вещи?

Наставник вытягивает ноги к огню. На улице холодно, ноябрь, метёт метель. Зима наступила раньше времени. Он сидит в тепле, в богатом доме, сытый и согретый. Мелькает мысль узнать, как там матушка, но тут же исчезает. Что может случиться?

– Так ты хочешь стать сильнее? – Наставник вливается в него глазами.

– Очень хочу, – говорит он медленно. И чувствует, как теряет что-то важное, неуловимое. И всё-таки продолжает: – Что надо делать?

– Прежде всего – слушаться меня, – говорит Наставник. – Ещё год обучения, и, думаю, ты сможешь выполнить ту работу, для которой предназначен.

– И стать сильнее? – вырывается у него.

– Разумеется, – усмехается чему-то Наставник.

Знать бы, к чему приведёт это «стать сильнее».

Тобиас помотал головой. Он не хотел вспоминать и не мог забыть. Да и если бы забыл, это был бы уже не он. Воспоминания – это единственное, что все эти годы не давало сойти с ума. Тем более что он ничем не мог помочь и никак не мог искупить.

Джейн

– Ну, как прошёл урок? – Фредерик пришёл к ней с визитом только на следующий день, справедливо полагая, что она захочет отдохнуть после общения с профессором.

– Ужасно, – честно ответила Джейн.

– Что сказал Ритар? У тебя сильный дар?

– К сожалению, да.

Джейн нахмурилась, вспомнив слова профессора. Ей всё ещё не верилось, что это правда. Казалось, что она спит, и стоит только открыть глаза – всё вернётся на круги своя. Дядюшка жив, всё в её жизни хорошо и никакого профессора никогда не было.

Но увы.

Она вздохнула и кратко обрисовала Фредерику то, что услышала.

– Да быть такого не может! – Он вскочил с кресла, куда присел перед этим, и заходил по комнате. – Может, проверить у других Читающих?

– Он сказал, что это бессмысленно. Другие Читающие не помогут.

– И ты поверила, верно? Ему ведь выгодно, чтобы ты так считала.

– Зачем? – Джейн посмотрела на Фредерика.

Всё-таки ей очень нравился этот милый юноша. Вроде знакомы всего ничего, а ощущение, как будто всю жизнь. С ним было легко и просто разговаривать. Она никогда ничего такого не чувствовала. Правда, при слове «никогда» стало не по себе, как будто она забыла о чём-то жизненно важном. И так уже не первый раз.

– Ну... – Фредерик замялся. – Ему ведь, наверное, платят за учеников. Чем больше учеников, тем больше денег. И престижа.

Хм. Действительно, у профессора должна быть своя выгода, так сказать. И как она вчера об этом не подумала?! Может, всё это вообще чушь и её дар вовсе не такой сильный, как кажется профессору?

– И что делать?

– Давай так. – Фредерик остановился. – Я попробую попросить старшего королевского Читающего посмотреть тебя. Только профессор ничего не должен знать. Ходи к нему на занятия как ни в чём не бывало, а там будет видно.

Джейн поблагодарила Фредерика. Это был бы замечательный выход. Профессор назначил занятия через день, но какое-то время она его потерпит. Особенно ради надежды на избавление.

Тобиас

Чем ближе подходил заветный день, тем тяжелее становилось жить. Даже воздух, казалось, густел, и дышалось с трудом. Его величество обычно освобождал его от занятий на неделю. Потому что эту неделю он с трудом владел собой. И едва ли смог бы удержаться от желания прибить очередного тупого переростка-студента. А теперь ещё эта девчонка по его душу... И ведь не отвяжешься!

В дверь кабинета постучали.

– Войдите!

А вот и она, явилась – не запылилась! Он встал, громко отодвинув стул.

– Ну что, госпожа Фелина, за эти дни с вами не случилось ничего стоящего моего внимания?

– Нет. – Она покачала головой.

– Тогда продолжим занятия.

Сегодня она была более собранной. Никакой растерянности или страха. Самоуверенная. Наследница большого состояния. Весь город шептался о смерти её дядюшки. Считает, наверное, что ей все должны.

Но он быстро собьёт с неё эту спесь.

Снова прикосновение, и он снова почувствовал, как она сносит все барьеры. Вот так, походя, не желая этого сама. И это разозлило. Найти, вытащить на свет её мерзкие тайны. Они есть у всех, надо только поискать. И показать ей, кто здесь главный.

Тобиас сжал её руку, сметая подобие барьера, которое она попыталась выставить. Надо сказать, что уже со второго занятия её успехи впечатляли.

И всё же он шагнул дальше. Обычно брезговал. Настолько противно было видеть и слышать череду одинаковых мыслей безмозглых студентов... О нарядах и женихах у девушек, о картах и лошадях – у мальчишек. А тут он шагнул нарочно. Вытащить, вытрясти на свет, уязвить побольнее.

Почему она так взбесила его, Тобиас не мог сказать. Аристократка. Гордая, богатая, наглая. Этим всё сказано. Он ненавидел их с детства. Всех, кроме Кэти. И всё же он шагнул в один из коридоров.

Маленькая комната, скромная, уютная, просто обставленная. Похоже, девичья спальня. Три девушки сидят каждая на своей кровати.

– Прекрати, Джейн. Неужели, тебе не хочется вырваться из этого пансиона, разбогатеть и выйти замуж? – говорит самая высокая девушка из трёх. Её иссиня-чёрные волосы убраны под чепец. А чопорное, почти монашеское платье смотрится нелепо. Видно, что она уже переросла его.

– Да, неужели ты откажешься, если тебе предложат выйти замуж? – говорит вторая – рыжеволосая, смешливая, с ямочками на щеках.

– Если просто предложат – откажусь, – спокойно отвечает Джейн. В её руках вышивание, и игла так и мелькает в пальцах. – Я надеюсь после пансиона пойти гувернанткой и вернуть дяде те деньги, что он потратил на моё обучение.

– И что, неужели тебе вовсе не хочется иметь свой дом, экипаж с выездом, много нарядов и танцевать на балах? Неужели совсем не хочется? – с придыханием спрашивает рыжеволосая. Видно, что она озвучила свои самые горячие мечты.

– Я не хочу выходить замуж ради дома и балов. Для меня важнее то, кто хозяин этого дома. Даже если этот домик будет в самом бедном квартале. А ещё... – Она делает паузу и добавляет, уже тише: – Я хочу вспомнить, что со мной было до семнадцати лет. Мне кажется, будто я забыла что-то важное и никак не могу вспомнить.

Она замолкает и отворачивается, успевая увидеть краем глаза, как черноволосая крутит пальцем у виска, показывая на неё.

Тобиас словно вынырнул на берег, едва не хватая воздух ртом, как рыба. Он отпустил руку госпожи Фелины и невольно отшатнулся.

– Вы плохо ставите барьеры, госпожа Фелина.

– Может, это вы плохо объясняете?

И снова этот поворот головы.

– А может, это вы не так упорно упражняетесь, как хотелось бы?

Она почти пугала его. Точнее, то, что ему в ней виделось.

– Попробуйте ещё раз.

Она сжала губы.

В этот раз Тобиас не церемонился. И снова барьер, но слабый, слишком слабый.

– Ты сильно скорбишь по родителям, Джейн?

– Не знаю. Я их совсем не помню.

Джейн стоит молча, разглядывая надпись на надгробном камне:

«Господин и госпожа Фелина. Обрели покой в одну тёмную ночь.

Пусть Создатель будет к ним милостив».

– Ничего. Думаю, пройдёт время, и ты всё вспомнишь. – Дядя Уильям участливо хлопает её по руке.

Джейн поднимает глаза и успевает увидеть печальную улыбку дядюшки.

– Может, тебе стоит развеяться, отдохнуть? Давай съездим куда-нибудь к морю. Я, правда, стар и уже не могу быть тебе полноценным сопровождающим. Но хочешь, пригласим твоих подруг?

– Не надо, дядя, спасибо. Я предпочитаю заработать сама. И на жизнь, и на поездку к морю.

– Почему ты так упорно отказываешься от помощи и от отдыха, девочка?

Дядя вздыхает, а Джейн отворачивается. Ей кажется, что у неё что-то отобрали, лишили чего-то важного. И она вот уже семь лет после того памятного дня живёт с этим ощущением.

Тобиас отпустил руку Джейн. Обычная пустоголовая девчонка, каких много. Ничего выдающегося.

– Ваш барьер никуда не годится. Надо больше упражняться.

– А пока я буду упражняться, вы будете читать меня?! – Госпожа Фелина возмущённо вскинула голову.

Тобиас вздрогнул. Снова почувдалась совсем другая девушка на её месте. Может, после двадцать седьмого станет легче?

– Для вас это будет дополнительным стимулом побыстрее научиться и закончить наши занятия.

– Интересные у вас методы. Вы всех так учите?

Такую наглость не стоило спускать, и всё же Тобиасу было с ней интересно. Он чувствовал ложь и страх. А она не лгала и не боялась его.

– У меня к каждому свой подход.

– Да? Я не заметила этого.

– И не заметите, если будете болтать вместо того, чтобы заниматься на моих уроках, госпожа Фелина.

Она нахмурилась и сжала губы. А ему вдруг нестерпимо захотелось схватить её за руку, усадить на стул и попробовать взломать ту стену в её воспоминаниях, чего бы ему это ни стоило. Пусть даже его величество потом упрячет его в тюрьму пожизненно. Он даже заложил руки за спину, чтобы сдержаться – настолько сильным было искушение.

Полчаса. Ещё полчаса он показывал ей, как ставить барьер. С каждым разом получалось всё лучше и лучше. Но он, разумеется, не скажет ей об этом. Слишком много чести. Похвала учеников не входила в его методы обучения.

Когда закончилось время урока, девчонка быстро попрощалась. Он видел, как её распирает от злости. Ничего, злиться полезно. Злость

и ненависть придают сил. Только благодаря этим чувствам он сам ещё жив.

Тобиас хмыкнул и тут же скривился. Возле двери её ждал этот мальчишка – Деверси. Ещё немного – и она поменяет свои мысли о замужестве. А впрочем, какое ему до этого дело?

– Джейн, будешь яблоко? – донеслось до него.

– Прости, но я терпеть не могу зелёные яблоки.

Зелёные яблоки...

Тобиас обхватил голову руками, потом подошёл к двери и с силой её захлопнул.

– Кэтрин, будешь яблоко?

– Ты снова стащил незрелые яблоки в саду? – Девочка улыбается и смотрит на мальчика.

– Ну это всё же лучше, чем ничего, – философски замечает он, грызя яблоко.

– Благодаря тебе, когда я вырасту, наверное, буду говорить, что терпеть не могу зелёные яблоки.

И она заливается смехом. Тобиас откладывает яблоки и присоединяется к её хохоту. У неё такой заразительный смех!

Глава 5

Джейн

После нескольких занятий с профессором Ритаром Джейн абсолютно точно могла сказать, что терпеть его не может. А местами даже ненавидит. Она не знала и не хотела знать, какие её воспоминания он читает, когда взламывает барьеры. Но одно она знала точно: дар Читающих Души вовсе не так прекрасен, как она когда-то думала. И никакого очарования он не несёт.

Просто когда-то давно, в пансионе, она размышляла о том, как прекрасно было бы пожениться двум Читающим Души. Ведь это полная открытость перед любимым. Не надо, например, думать, что любимый хочет или почему он грустит. Одно прикосновение – и ты уже всё знаешь.

Но до встреч с профессором она никогда не задумывалась о том, что воспоминания и мысли чужого человека могут быть не такими спокойными, как у неё. И что не все мысли и воспоминания даже близкого человека надо знать. А чтение при взаимной неприязни просто мучительно. Вот почему Читающие Души настолько тяжёлые люди.

Другое дело – Фредерик.

Джейн улыбнулась при мысли о нём. Господин Деверси встречал её с занятий и провожал. Сначала – чтобы показать дорогу, а потом – просто потому, что им вдвоём было о чём поговорить. Она отдавала себе отчёт в том, что ей нравился Фредерик. Пока как друг, а там время покажет.

Вот и сейчас она ждала его с ответным визитом в саду.

Если быть честной с самой собой, кроме занятий у профессора и решения вопросов с дядиным наследством ей абсолютно нечего было делать. Она мечтала заработать на учёбу в университете, а после неё, возможно, найти себе работу. Вернуть дяде средства, потраченные на её обучение. Потом, возможно, купить маленький домик где-нибудь у моря, в провинции. И спокойно наслаждаться тишиной и уютом. А

может быть, открыть пансион для сирот и стать там директрисой и учительницей. Дальше её планы не шли.

А получилось, что дядино наследство и открывшийся дар спутали все планы. И теперь она откровенно скучала одна в своём новом и поистине огромном доме. Раз она не прошла в университет, может, нанять частных учителей? Или она и для них теперь опасна?

Пока Джейн и по улице ходила в перчатках. Риск, конечно, был, но самый маленький. Может, потом, когда она научится ставить барьеры...

Хотя уверенности в том, что его величество будут долго держать в неведении насчёт появления нового Читающего, у неё не было. А если король Ричард узнает про неё, вряд ли он просто так отпустит её в домик у моря. Тем более если её дар действительно таков, как сказал профессор.

– Добрый день! – Скрипнула калитка, и в саду появился Фредерик.

Джейн встала со скамейки.

– Добрый день! Ну что, добился чего-нибудь от королевского Читающего?

– Нет. – Фредерик покачал головой. – Он пока в отъезде. Потерпи немного. Может быть, профессор научит тебя всему и наконец-то закончит занятия?

– Скорее, прочитает. – Джейн вздрогнула, вспомнив его пронизывающий взгляд и вкрадчивый голос.

– Он читает тебя?! Да это же возмутительно! – Фредерик сжал кулаки. – На него надо пожаловаться его величеству!

Джейн улыбнулась. Ей была приятна такая забота. Даже льстила немного. Но она тут же опомнилась. Она уже взрослая девушка и может сама о себе позаботиться.

– Думаю, к королю не так просто попасть. Легче, наверное, к Читающему. И то пока ещё мы дождёмся ответа.

– Но это нельзя спускать ему с рук!

– А что ты сделаешь?

Джейн отвернулась. Почему-то после того, как у неё проснулся дар, она всё чаще и чаще ощущала какую-то тоску. Как будто она что-то забыла и пытается вспомнить, но это никак не получается.

Нет, она действительно забыла свою жизнь до семнадцати лет. Но раньше это не мучило её настолько сильно. Почему-то тоска утихала только рядом с профессором. Наверное, потому что рядом с ним ей точно не было скучно. Ненависть, злость, возмущение – гремучий коктейль, после которого чувства бурлили, требуя выхода.

Ничего. Она завершит обучение и найдёт, чем себя занять.

– Говорят, профессор не только был связан с заговорщиками, но и до сих пор общается с ними, – вместо ответа вдруг заговорил Фредерик. – Ты же знаешь, что не всех уничтожили. Может, проследить за ним? И заговорщиков найдём, и профессор получит по заслугам. Честно говоря, не понимаю, почему его величество вообще оставил его в живых. – Фредерик наклонился к ней и уже шёпотом добавил: – Ты не смотри, что он ненамного старше нас с тобой. У него руки по локоть в крови. Благодаря ему Сайн-стрит теперь стёрта с лица земли.

Сайн-стрит. Сайн-стрит... Джейн прижала руки к внезапно заломившим вискам. Что-то вертелось в памяти.

– Что с тобой? Тебе плохо? – Фредерик участливо склонился к ней.

– Нет. Ничего страшного. У меня бывает. Скоро пройдёт. – Она облокотилась на ствол дерева и прикрыла глаза. Если попытка вспомнить приносит такую боль, зачем тогда вообще вспоминать? И всё-таки, раз за разом она пыталась. Если бы не ощущение того, что она забыла что-то важное, Джейн сдалась бы. Ведь дядюшка достаточно много рассказывал ей и о родителях и о её прошлой жизни, о том, что она любила или не любила, с кем дружила или, наоборот, враждовала. Но ей жизненно необходимо было именно вспомнить. Потому как ей казалось, что с этими воспоминаниями к ней вернётся частичка себя.

Приступ скоро прошёл. Она продолжила болтать с Фредериком. И всё-таки прежней радости и лёгкости уже не было. Интересно, остался кто-нибудь из тех, кто помнил её семью? Дядя уверял, что та ночь унесла всех. Тем более если была уничтожена целая улица. Но если покопаться, поискать? Возможно, с помощью своего нового дара она сможет увидеть. Возможно...

– Мне не нравится компания, с которой ты связался. Неужели ты не видишь, что теперь общаешься с теми, кого раньше терпеть не мог?! Чем отличается Бенджамин от твоих новых друзей?

Она стоит, поджав губы, с гордо поднятой головой. Такая красивая в своём новом платье, что у Тобиаса захватывает дух, и он не сразу находится с ответом.

– Они понимают меня. И принимают как своего.

– Но ведь я тоже тебя понимаю.

– Ты – не то!

– Как это? – Девочка поворачивает голову, и в её глазах – настоящее изумление. Ему физически становится больно от её боли. Он отдал бы всё, чтобы она никогда не узнала такого, и вот сам причиняет её.

И всё-таки он молчит. Только упрямо ковыряет землю мыском ботинка.

Она смотрит на него, долго. Потом вздыхает и отворачивается. Ему даже кажется, что он слышит всхлип. И он не выдерживает.

– Кэти, прости! Прости меня, пожалуйста!

Он пытается взять её за руку, но она вырывает её и отворачивается.

– Кэти! Ну хочешь, я встану на колени, чтобы ты меня простила? – И он бухается на колени прямо в весеннюю грязь.

– Перестань! – Она поворачивается к нему и украдкой стирает слезу. – Ну что ты делаешь?!

– Я обидел тебя, и нет мне прощения, – уже дурашливо продолжает он, видя, что она простила.

– Я не могу на тебя сердиться, но ты делаешь мне больно. Вот здесь. – И она совсем не детским жестом кладёт руку себе на сердце.

– Послушай! Посмотри на меня! Я больше никогда не сделаю тебе больно, – говорит он серьёзно и смотрит на неё. Снизу вверх, стоя на коленях. – И не допущу, чтобы кто-то причинил тебе боль.

– Как ты это сделаешь? – Она смотрит с недоверием. И всё-таки улыбается.

– Я стану твоим рыцарем.

– Как в книгах?

– Ну конечно!

– И надолго?

– *Навсегда!* – отвечает он тихо и склоняет голову.

– *Подожди. Я сейчас.*

Девочка серьёзно смотрит на него, потом срывается с места. Через несколько минут она возвращается с большой корявой палкой.

– *Я принимаю твою присягу и посвящаю тебя в рыцари, сэра Тобиас Ритар.* – И она кладёт ему палку на голову. А потом, рассмеявшись, выкидывает. – *Вот и всё. Теперь ты от меня никуда не денешься.*

– *Как будто я хотел,* – говорит он нарочито хмуро, а в душе почему-то всё поёт.

«Я больше никогда не сделаю тебе больно», – звенело в ушах, делая жизнь почти невыносимой.

Он пробовал напиться. Не помогало. Не было забвения от её голоса, который проникал в душу. Голоса, который он не смог бы забыть, даже если бы захотел.

Тобиас заставил себя встать с кровати. Время не лечит и не приносит успокоения. Его величество Ричард говорил, что он сильный, другой бы сломался.

Льстит. Просто он нужен Ричарду сейчас. Он ведь сломался. Только этого не видно снаружи. Никому не видно, что он давно уже сломлен.

Осталось ровно восемь дней до двадцать седьмого. Сегодня последнее занятие. И такой нежеланный, но необходимый отдых. Краткий перерыв. Зачем он об этом думает? Зачем живёт воспоминаниями? Да потому что не может и не умеет по-другому!

Джейн

Сегодняшнее занятие с профессором не сулило ровным счётом ничего хорошего. С каждым занятием он становился всё злее и злее и всё больше лютовал. И не только с ней. Нет, он, конечно, не опускался до рукоприкладства или открытых оскорблений, но даже дышать в его присутствии становилось тяжело.

– Ну что, госпожа Фелина, вы наконец-то научились ставить барьер? Или я должен потратить на ваше обучение не один год?

Профессор поднялся ей навстречу. Всегда одетый во всё чёрное, сегодня он выглядел намного старше своего возраста. Даже она это заметила. Скулы обозначились резче, под глазами залегли тени. А наглухо зашторенные окна лишь усиливали эффект. Как он сам-то живёт здесь?

Когда он подошёл, Джейн невольно подавила желание отшатнуться. Сегодня он внушал ей страх. Но потом она сжала губы. Она взрослая девушка. Ничего он ей не сделает! Наоборот, это она ему покажет! Надоело быть никчёмной ученицей!

Она взяла его за руку и снова провалилась в серые коридоры. Только на этот раз они промелькнули очень быстро.

Тёмная комната отделана богато и со вкусом. Портьеры задёрнуты наглухо. Тобиас стоит возле камина. Больно! Как же больно! Казалось, он забывает, как дышать. Глаза снова щиплет от слёз. Хочется кричать, но нет сил. Он оставил все свои силы там, на пепелище, которое было её домом.

– Ты не убивал её. Это сделали Исторгающие. Перестань!

Его величество трогает его за плечо. Он отмахивается от его руки, как от назойливой мухи. Лучшие бы это он умер вместо неё. Лучшие бы его сожгли в том доме на Сайн-стрит.

– Она умерла из-за меня. – Он качает головой. – Этого не изменить. Как и то, что я предатель. Убийца! Скотина! Последняя тварь!

С каждым словом боль, вопреки всему, не уходит, а становится только сильнее. Если бы он мог не только клеймить себя словами, а причинить себе такую боль, какую причинил ей!

Но это всё равно бесполезно. Это не вернёт её. Ничто не вернёт Кэти!

– Я мог спрятать её, я мог послушаться её. Она знала, видела, к чему всё идёт. Она пыталась предупредить меня. Но я не поверил. Не поверил ей! А она просила меня! Просила!

Поток бессвязных слов. Но, может, выговориться – и станет легче? Или уже не станет никогда?

– Почему же ты не попросил Наставника оставить её в живых?

Насмешливый голос его величества сводит с ума. Зачем он церемонится с врагом? Почему не посадит за решётку или не убьёт, в

конце концов? Что ему надо от него?

– Я не знал! Я ничего не знал! Я думал, что он хочет покончить с властью аристократов... Я знал их мысли. Я читал их всех... Я рассказал ему всё.

– И ты получил то, что хотел. Или тебе нужна ещё и моя смерть?

Его величество нависает над ним. Но Тобиасу всё равно. Он смотрит на короля безумными глазами.

– Я не хотел ничьей смерти. Я не думал, что это будет вот так.

– Государственный переворот всегда «вот так», – передразнивает его король. – И что мне с тобой делать?

– Убейте! – отрывисто говорит он.

– Это слишком легко для тебя! За свои грехи надо платить, – усмехается его величество.

Джейн вынырнула из воспоминаний, хватая воздух ртом. Что она только что увидела? Что это было? Профессор, чью руку она наконец отпустила, нависал над ней.

– Вы... вы... – Она запнулась, пытаясь сказать, кто он. Не читать его больше никогда! Не видеть его! Слишком много боли. Так много, что она задохнётся, если почувствует это ещё раз!

– Чудовище, – спокойно ответил он. – Продолжайте, госпожа Фелина. Да, я чудовище. Вам есть что ещё сказать мне? Или думаете, я слышу это в первый раз?

Обычно вкрадчивый голос сегодня звучал надтреснуто и устало. Профессор вдруг замолчал, болезненно поморщился и дотронулся до лба, словно у него болела голова. Потом отвернулся от неё и шагнул к своему столу.

– Вы свободны, госпожа Фелина. Я слишком устал для сегодняшних занятий. Боюсь, сегодня больше ничем не смогу вам помочь. Ах да, следующее занятие будет через неделю.

Джейн выскользнула за дверь и, уже прикрывая створку, увидела, как профессор буквально упал на стул и уронил голову на руки.

Сегодня Фредерик не смог встретить её – у него всё ещё шли занятия. И, наверное, это к лучшему. Она могла подумать о том, что увидела. И чем больше думала, тем тяжелее ей становилось. Всё-таки жизнь Читающих – не сахар, особенно если они читают таких людей.

Она должна была чувствовать ненависть, потому что Фредерик был прав и профессор участвовал в перевороте в ту роковую ночь. Возможно, из-за него погибли её родители. Но она не могла его ненавидеть. Так странно было осознавать, что и у него была та, которую он любил и которая, судя по всему, любила его. И, Создатель, как же это ужасно – причинить боль тому, кого любишь!

Она сама ещё ничего не знала. В её жизни не было боли. А если была, то она её не помнила. И это было милосердно.

А семь лет (именно столько прошло с той памятной ночи) жить с этими воспоминаниями – слишком жестоко даже для такого невыносимого человека, каким был профессор Ритар. Она должна была ненавидеть его, да. Но почему-то жалела.

И теперь, когда прочитала его воспоминания, жалела ещё больше.

Глава 6

Тобиас

Заветный день приближался. Напиться и забыться не получалось. Как и заснуть. После обеда он побредёт во дворец. Так сложилось за эти семь лет. Они не сдружились с королём Ричардом, нет. И роль заботливого дядюшки или отца ему не подходила. Но нечто похожее на уважение и сотрудничество между ними образовалось.

Зачем-то он был нужен его величеству, хотя незаменимых людей нет. И ему в каком-то смысле нужен был хоть кто-то, с кем можно было поговорить. Особенно сейчас.

– Наставник говорит, что мы изменим мир. Нам это под силу.

– Кто – мы? – Кэтрин больше не улыбается. Решительная, взрослая, губы сжаты. Сколько лет он терпеливо учился, чтобы скоро, уже совсем скоро исполнить то, чему пришло время.

– Мы... – Тобиас мнётся. Он не должен говорить никому. Тем более такие секреты опасны для неё самой. И всё же.

– Не хочешь говорить мне, значит.

Она понимает всё правильно, схватывает на лету. Такая красивая и умная. Он не может ею налюбоваться, смотрит с жадностью. Так редко видит её. И только её одну. Больше никто не нужен.

– Ну как знаешь.

Она отворачивается и встаёт со скамейки, собираясь уходить. И он снова не выдерживает.

– Стой, Кэти! Я состою в тайной организации. Мы изменим мир. Совсем скоро. Наставник обещает. Просто я не имею права говорить тебе. Никому не имею права говорить. Потому что это опасно для тебя, пойми же ты!

Она снова поворачивается к нему и теребит медальон. Странно. Он не помнит у неё раньше медальона.

– Что это?

– Медальон. – Она недоумённо смотрит на него. – Отец подарил. – Потом, видимо, понимает, в чём дело. В глазах появляются смешинки. – На, – протягивает руку.

– Что? – Он не понимает, чего она хочет.

– Прочти меня. Ты же не веришь мне. У тебя появились от меня секреты. Прочти меня. Я никогда не прятала от тебя свои мысли и не буду. – Она решительно встряхивает головой, как в детстве, и золотые кудри рассыпаются по плечам.

Ох и скандал был, когда Кэти спросили, куда она уходит пару раз в неделю и для чего, и та честно призналась отцу! Он сидел в саду. Не хотел подслушивать. Просто думал вступить за неё, если что. Но так получилось, что услышал.

И всё-таки она добилась у отца разрешения. Да, пока только встречаться с ним. Само собой, помолвку ещё не объявляли. До неё ещё долгие три года. Но она добилась, и он восхищался ею. Такая упрямая. И только его.

– Я верю тебе. – Он улыбается. – Всегда только тебе.

Тобиас открыл глаза. Дремать в кресле было не в его принципах. Но сейчас от этого никуда не деться. Он слишком устал. А от этих изматывающих полуснов-полувоспоминаний устал ещё больше. И бороться надоело. Сдаться. Отдаться на милость воспоминаний, что год за годом незаживающей раной живут внутри и сводят с ума.

– Ты куда-то собираешься? – Наставник странно смотрит на него и крутит в руках массивный посох с головой льва.

– Да, к невесте.

Он не замечает этого взгляда. Он полностью там, мыслями с Кэти. Сегодня бал, и он скажет Кэти то, что так давно хотел сказать. И даже кольцо заказал для неё. Красивое. Он больше не тот оборванец, которым был много лет назад. Вот только жаль, что с Кэти они видятся всё реже и реже, да и то урывками. Но сегодняшним день должен изменить всё.

– Иди, конечно. Только не забывай о деле.

Ну конечно же, он не забудет! Ему вообще несвойственно забывать, как и всем Читающим. Вот только он всё чаще и чаще

просыпается, хватая ртом воздух – снятся кошмары, в которых он видит отголоски мыслей других людей.

И если бы только мыслей.

Кэти не надо знать, чем он занимался последние два года. Точнее, чем его просил заниматься Наставник. Куда он должен использовать свой дар. Но всё во имя благой цели.

Он отворачивается и слышит вслед:

– Молодо-зелено. – Наставник усмехается.

Так странно... На миг мелькает предчувствие. Но Тобиас только отмахивается от него. Ну подумаешь, предчувствие. Чушь всё это.

Тобиас встал и запустил пальцы в волосы. Чёрный сюртук растёгнут, ворот рубашки душит, мешая дышать.

Он дёрнул за него. Пуговица укатилась на пол, стало немного легче. Почему никчёмный он жив, а Кэти мертва?! Его величество сказал, что своей жизнью он может всё искупить. Что искупить, а главное – как? Из помнивших её в живых не осталось никого. Только чёрное пепелище на месте улицы. Исторгающие стёрли её с лица земли.

Помочь уничтожить Наставника? Так ведь ловушка почти захлопнулась. Ещё несколько месяцев, и он уже будет не нужен. И что потом? А главное – зачем?

Тобиас шагнул к окну и распахнул его. На улице смеркалось. Та самая ночь. Плюнув на всё, он подошёл к столу и нажал на кнопку вызова разговорника. Секретная сеть. Личная разработка его величества на основе исследований последних Создающих Иллюзии.

На том конце откликнулись сразу. Тобиас узнал голос его величества.

– Ну что, не спится?

– Ты знаешь, – буркнул он. Сил терпеть уже не было.

– Стой, не пори горячку. Эбнис твой в конюшне?

Тобиас по привычке кивнул, а потом вспомнил, что король не видит его, и процедил:

– Да.

– Тогда садись на него. Через ворота тебя пропустят. Я в кабинете.

И отключился.

Король всегда так. Играл им, вертел, использовал так, как ему одному было нужно. А он... позволял себя использовать. По крайней мере, они на одной стороне. Один раз он уже выбрал неверную сторону...

Он сжал губы, сдёрнул со стула плащ и направился в конюшню. Ночь предстояла долгая. И хотелось скоротать её. Забыться хоть как-то. Король Ричард предложил интересный способ: оружие. Кинжалы, мечи, сабли. До одури, до ломоты в мышцах, пока не свалишься от боли. Но и тогда перед глазами вставали те самые воспоминания, которые он хотел бы забыть, но не мог.

– Кэти, вот ты где! – Сквозь все эти танцующие пары он пробирается на балкон и находит её.

Столько лет прошло. Наставник действительно не обманул. Его дар открывает все двери. Кто-то из страха распахивает их перед ним, кто-то – из-за власти. Теперь он знает все их секреты. И хранить эту мерзость в себе уже нет сил. Но и деться некуда.

Может быть, поэтому на балу все шарахаются от него? Он попал в высшее общество, но так и не стал здесь своим. Это невозможно, как ни мечтай. Волк никогда не будет своим среди овец. И только Кэти ничего не замечает.

Она поворачивается к нему, и её лицо сразу озаряется улыбкой.

– Тоби, ты всё-таки пришёл!

– Как будто я мог отказаться! – бурчит он.

– Пойдём потанцуем!

– Нет. – Он качает головой. – Ты же знаешь, Кэти, я не танцую.

– А мы как в детстве, помнишь? – Она улыбается и подмигивает ему, а потом прикрывает рукой дверь на балкон и манит его туда, в зимний сад.

Там необыкновенно тихо. Только из залы долетают отрывистые звуки оркестра. Она зовёт его за собой, и он не может отказаться.

Тобиас принимает её руку и неуклюже крутит её, невесомую, как пушинку, по тропинке между диковинных цветов. Кэти счастливо смеётся, а он любуется ею, такой красивой и нежной. Вот сейчас или никогда!

– Кэти!

Она поднимает глаза.

– Я... – Он мнётся. Потом всё-таки решается и достаёт из-за пазухи маленькую шкатулочку. – Вот... Выходи за меня замуж.

Она зачарованно смотрит, как на кольце играет и переливается всеми цветами радуги маленький бриллиант. Яркая броская роза как оправа, а внутри – драгоценный камень. Он заказывал кольцо у лучшего ювелира города. Она – его роза, его бриллиант.

Он пытается сказать ей это, но от чувств перехватывает дыхание. Он только и может, что стоять и глупо улыбаться.

– Какая красота! Спасибо тебе! – Кэти бросается ему на шею. Миг – и она робко прижимается губами к его щеке, потом смущённо отстраняется, но в глазах сверкают маленькие бриллиантики. – Я согласна, конечно. Только это ведь помолвка, ты понимаешь? Отец не согласится на брак раньше чем через пару лет.

– У нас может не быть этой пары лет... – Он вспоминает, зачем пришёл сегодня сюда.

– Как это? – Кэти внимательно смотрит на него. Уже не ребёнок, но такая же милая и доверчивая, как в детстве.

– Вам лучше уехать с Сайн-стрит, а ещё лучше – из столицы на время, – говорит он медленно. – Наставник готовит переворот.

– Тот самый новый мир? – хмурится Кэти.

Она помнит, она всё помнит.

Он нехотя кивает.

– И ты думаешь, отец оставит свой дом, бросит людей, которые от него зависят, и сбежит, как последний трус? – Она смотрит на него с таким возмущением, что ему даже на мгновение становится больно. – Я о тебе по-другому думала, Тобиас.

Кэти пытливо заглядывает ему в глаза, и он не может вынести этот взгляд, отворачивается.

– Ты стал другим, – тихо говорит она.

– А ты всегда была другой! – Он чувствует, что эти слова изменяют всё, и всё равно говорит их.

Она просто не понимает, что их с Наставником союз способен изменить этот мир. Мгновенно и без крови уничтожить всю верхушку. Вот что обещал ему Наставник. Да, только тех, кто будет сопротивляться. Но он боится, что это – родители Кэти...

– Я всегда была откровенна с тобой, Тоби. А вот ты, как открылся дар, стал совсем другим. Зачем ты связался с этой

компанией?

– Чтобы изменить жизнь! Чтобы никогда такие, как Бенджи, никому не смогли её отравить. – Он распаляется всё больше. Она просто не понимает.

– Такие, как Бенджи, будут всегда, – тихо говорит Кэти и тоскливо смотрит на него. – Ты просто поменяешь одного Бенджи на другого.

– Значит, ты с отцом не уедешь из столицы? – Он отказывается говорить с ней дальше. За все эти годы они не говорили об этом серьёзно. Потому что он боялся потерять её. И вот сейчас...

– Нет. – Она качает головой.

– Я ведь предлагаю вам спасение! – почти кричит он.

– А десяткам других семей ты тоже предложишь спасение? – взрывается Кэти.

– Там нечего спасать! Я читал их мысли. Это мерзость. Ты даже не знаешь, какая там мерзость!

– А ты возомнил себя Богом, который вправе решать, кто должен жить, а кто умереть?! – кричит она.

Тобиас смотрит в её лицо, на волосы, убранные в модную причёску, на глаза, губы, жадно впитывая каждую чёрточку, словно видит в последний раз. Он не рад, что заговорил с ней. Надо было просто попросить Наставника оставить их в покое, их дом. Ей ведь нечего скрывать. У неё в душе нет никакой мерзости. Наверное, он сможет.

Кэти молчит и решительно смотрит на него, а потом так же молча снимает его кольцо с пальца.

– На, возьми. Я не хочу иметь с тобой ничего общего, Тобиас Ритар, пока у тебя в голове бродят такие мысли.

Она разворачивается и решительно выходит из сада, громко хлопая дверью. Он остаётся один, оглушённый. Его Кэти только что ушла от него.

В кабинете его величества полумрак. Сколько Тобиас себя помнил, эта обстановка не менялась. Камин из мрамора в углу, возле камина – кресло. А в центре – массивный дубовый стол. Всё осталось точно таким же и на тех же местах, что и семь лет назад. И это ещё

больше сводит с ума и доказывает, что ничего нельзя изменить, круг замкнулся.

И всё же... Сегодня всё не так, как обычно.

Глядя на этот камин, он вдруг вспомнил эту девчонку, госпожу Фелину, которая вот так, походя, снесла его барьеры. И увидела...

Он догадывался, что она увидела. И почему отшатнулась, и почему хотела назвать чудовищем. Но было ещё что-то, что ускользало от него. Почему-то рядом с ней он чувствовал себя внезапно живым, даже в эти дни.

– Ты задумался о чём-то. – Его величество, как всегда бесшумно, появился за спиной.

Но Тобиас даже не вздрогнул. Привык. Если бы королю Ричарду вздумалось ударить в спину, он бы никак не смог этому помешать. А может, даже был бы рад.

– Ни о чём. – Тобиас не знал, имеет ли он право скрывать от короля появление новой сильной Читающей. Но так хотелось разобраться в этом самому.

– Врёшь, – усмехнулся король. И шагнул ближе, так, что его фигура словно выросла в бликах огня в камине.

Любит Ричард эффектные появления. Этого у него не отнять.

– Я наблюдал за тобой семь лет подряд. И сейчас ты другой.

– Тебе только кажется, – хрипло ответил Тобиас.

Снова навалилась усталость. Придавило воспоминаниями. Какая разница, что эта девчонка так похожа на его Кэти? Она – не Кэти и никогда ею не будет. Если верить иллюзиям, то потом можно закончить как Создающие Иллюзии. И это будет вовсе не тот конец, о котором он мечтал.

– Ну не хочешь – не говори. Я всё равно узнаю, хоть это ты здесь – Читающий. – Король усмехнулся. – Где тренировочный зал, ты знаешь. Лови ключи. Охрана тебя пропустит.

Тобиас поймал ключи на лету. Молча кивнул королю и почти бегом бросился в зал.

Он идёт по городскому парку. Просто бредёт, как в детстве, пиная носком ботинка опавшую листву. Дом Наставника потерял вдруг всю свою прелесть. Кэти больше не хочет его видеть. Он не

может бросить её и не может отказаться от того, чем жил столько лет. Где-то же должна быть правда.

Тишина окутывает парк. Только редкие прохожие чинно прогуливаются по освещённым аллеям. Вдруг раздаётся грохот. В небо вырываются клубы дыма.

Что это? Сердце щемит от дурного предчувствия.

Тобиас срывается с места и бегом преодолевает несколько улиц, чтобы увидеть, что дом Наставника пуст. Окна не горят. Они все ушли. Сегодня! Это случилось сегодня!

Он снова срывается с места. Найти! Упросить, чтобы Кэти не трогали. Почему сегодня? Наставник ведь обещал!

Мысли мечутся. Тяжело дышать. В груди разрастается пожар. Кэти! Он бежит вперёд, туда, где клубы дыма, где горят дома. Прохожие шарахаются от него.

– Дурень! Куда несёшься?! Там всё горит!

Кто-то хватает его за рукав. Тобиас вырывается. Конечно, как он мог не подумать об этом?! Сегодня – самый лучший день. Вся аристократия, вся Сайн-стрит на балу у Эмирансов. Он сам рассказал Наставнику про этот бал.

Задыхаясь, петляя на пределе сил, он подлетает почти к самому дому Кэти. Всё охвачено огнём. Он видит чёрные фигуры в плащах. Они мгновенно уходят в тень, стоит только кому-то появиться рядом. Но он знает, кто это. Наставник всё-таки нашёл Создающего Иллюзии, как и хотел.

Он подходит ближе. Дым режет глаза, огонь почти невыносим. Кажется, кто-то зовёт его по имени. Он должен пройти туда, должен! Он кашляет, задыхается, но упорно пытается найти лазейку. В дом! Кэти должна быть там!

Кажется, он слышит крики. А за спиной пылает ещё один дом, и ещё... Вспыхивают как спички. Исторгающие Энергию суровы и не знают пощады.

Он шагает вперёд. Разбить окно, залезть внутрь!

Несколько секунд. В дрожащем мареве он даже видит Кэти. Её платье. Она кричит и тянет к нему руки. От дыма слезятся глаза и мутится в голове. А может, это и не Кэти вовсе. Последним решающим мгновением он разбивает окно и... рушится крыша. Горящая балка, выбивая из груди воздух, отбрасывает его назад.

Ускользящим сознанием он из последних сил цепляется за её образ. Кэти. И всё тонет в чёрном мареве.

Взмах, и ещё взмах. Меч ложился ровно, превращая набитое соломой чучело в труху. Он рубил жёстко, вкладывая всю силу, изматывая себя до последнего. Если бы он тогда успел сделать последний рывок, то, по крайней мере, погиб бы вместе с ней. Попросил бы прощения. Сказал бы последнее слово. А так она умерла, уверенная, что он её предал.

Тобиас рубил ожесточённо. Когда чучело превратилось в пыль, он с силой воткнул меч в деревянное основание, вогнал по самый эфес. А сам взял кинжалы. И опять всё по новой.

Он не мог забыть, но хотя бы попытаться в его силах.

Утро не приносит успокоения. Он с трудом приходит в себя. Всё тело болит. Голова кружится. И только через несколько секунд настигает горькое осознание, что он здесь – живой, а Кэти – там, её больше нет.

Он вскакивает, закусывая губу от боли, и смотрит вперёд, туда, где был дом семьи Эмиранс. Теперь перед ним пепелище, из которого торчат, как иссохшие руки, остовы колонн.

– Кэти, – шепчет он пересохшими губами.

Как невероятно тихо. Не слышно ни звука. Не видно ни королевских гвардейцев, ни мятежников. Наверное, они перебили друг друга.

«Туда им и дорога», – отстранённо думает он.

Он заставляет себя идти туда, вперёд, на пепелище. Под ногами хрустит пепел, быть может, ещё вчера кем-то бывший. Исторгающие Энергию беспощадны. От них не скрыться.

Он примерно помнит расположение комнат. Теплится одна, едва живая надежда, что это лишь дурной сон, что Кэти удалось спастись. И тут же исчезает под порывом ветра. Под ногой что-то хрустит. Он наклоняется. Заколка в виде розы с ярко-красными рубинами. Такие носила только Кэти. Теперь эти рубины блестят как кровь.

Тобиас делает ещё несколько шагов, а потом как подкошенный падает навзничь и прижимает заколку к губам. Слёз нет, есть только

боль, пронизывающая насквозь. И леденящий холод. Он окутывает его всего, медленно вытекая из сердца.

Кэти. Боль раздирает на части. Он хочет кричать – и не может, захлёбываясь в молчаливом крике, сгибаясь пополам от боли. Он предал её. Сердце мертво – высохло и не может пролиться слезами. Он царапает лицо, падая в пепел, превращаясь в прах.

И как насмешку, ветер доносит голос мальчика-газетчика:

– Срочно! Мятеж! Сайн-стрит стёрта с лица земли! Никто не уцелел!

«Никто не уцелел», – эхом отдаётся в голове.

Никто!!!

Тобиасс с силой метнул кинжал в стену. Помогло, боль ненадолго отступила. За эту ночь она вернётся ещё не раз и не два. И он никуда от неё не денется. А завтра, как и все эти долгие семь лет, он отправится туда, где будет ближе к ней: на погост.

Он скривил губы в гримасе и снова метнул кинжал.

Глава 7

Джейн

Почему-то без занятий с профессором Ритаром дни потекли однообразно и скучно. Словно он вносил что-то новое в её жизнь. Да, конечно, он – чудовище и заслуживал ненависти. Но стоило Джейн на секунду представить, что он ощущал тогда, когда она его прочитала, и ей сразу становилось плохо. Она должна была ужасаться и содрогаться от таких воспоминаний, но чувствовала только жалость и боль.

И вообще, как-то слишком много она думает об этом несносном профессоре. Может, дело в том, что она впервые встретила такого неоднозначного человека? В любом случае она не могла найти ответ на этот вопрос. Поэтому решила, что подумает об этом завтра.

В конце концов, на улице светило последнее осеннее солнце, а Фредерик заходил с визитом каждый день. Наверное, местные кумушки уже судачили о них. Странно, но ей было всё равно. Она не сделала ничего предосудительного и не дала (она надеялась) Фредерику ни единого повода. За все эти годы её сердце не тронул никто. Конечно, Джейн думала о прекрасном рыцаре или о принце из старинных баллад. Но живую никогда и ни в ком не видела этого рыцаря. Господин Деверси нравился ей, но пока только как друг.

Сегодня ей не сиделось дома. Узнала бы директриса пансиона, что она, незамужняя девушка, гуляет по улице без сопровождения, – посадила бы на хлеб и воду. Но здесь не пансион, а она – богатая наследница. Всё-таки в этом есть свои плюсы.

Поэтому Джейн с чистой совестью решила прогуляться до ближайших лавок. Рыночную площадь, на которой её обвинили в воровстве, она обходила стороной. Пока не было нужды, появляться там не хотелось. Тем более что никто так и не поймал настоящего воришку и не выяснил, почему подставили именно её. Наверное, в этом было виновато наследство дядюшки.

Лавка с готовым платьем, лавка цветочника, книжная лавка, лавка шляпника...

Глаза разбегались. Захотелось купить всё и сразу, хотя вроде нужды не было. Но как же давно она не прогуливалась вот так, свободно! Когда можно идти куда хочешь и никто не торопит. Если бы не пансион, дядюшкино наследство вскружило бы голову. Но она понимала, что есть то, что важнее денег, а самого главного не купишь никогда.

Поэтому Джейн заставила себя отвлечься от созерцания красивых, но абсолютно ненужных ей сейчас предметов одежды и заглянула в книжную лавку. И вот тут осталась надолго. Через полчаса она с трудом смогла оторваться от нового и такого увлекательного романа, купить пару книг (как тяжело было ограничиться всего лишь парой!) и выйти на улицу.

Яркий свет после полутьмы книжной лавки ослепил, а когда глаза привыкли к нему, Джейн повернулась и вздрогнула, сразу увидев знакомую фигуру на другой стороне улицы. Конечно, это был профессор. А кто же ещё?! Почему-то она даже не удивилась. В памяти воскресли все предостережения Фредерика, и вопреки здравому смыслу Джейн решила проследить за профессором. Тем более он отказался от занятий на целую неделю. Кто знает, что он скрывает и что он вообще может как сильный Читающий? Может, он просто водит её за нос со всеми этими воспоминаниями! Может, всё вовсе не так, как она видела.

Подозрительность не была в её характере, но Джейн вспомнила слова Фредерика и направилась вслед за профессором.

Особо не скрываясь, но и не показываясь, она медленно, прогулочным шагом брела по другой стороне улицы, надеясь, что профессор не заметит её. Но он, кажется, вообще ничего не видел вокруг, шёл, едва ли не спотыкаясь, не глядя по сторонам. Через несколько минут Джейн уже настолько запуталась в хитросплетениях улиц и переулочков, что, наверное, без Ритара вряд ли выбралась бы обратно.

Это был бедный район, в котором приличным леди – да и не только леди – бывать не пристало. Но профессор шёл вперёд так целенаправленно, словно знал здесь всё как свои пять пальцев. А может, и знал, Джейн ни в чём не могла быть уверенной.

Отступить было поздно. Вот он свернул в какой-то совсем уж тёмный проулок между домов.

Джейн немного помедлила, а потом всё-таки шагнула следом.

Ещё несколько долгих минут, и она едва не выдала себя, увидев, КУДА её привёл профессор Ритар.

Они были на кладбище. Старые могилы вперемежку с новыми. А между ними росли тополя и ясени, словно смерть и боль были обыденностью, сквозь которую уже пробивались ростки новой жизни.

Теперь точно поздно было идти назад. Джейн медленно, крадучись и прячась за деревьями, продолжила преследовать профессора, у которого здесь явно была какая-то цель.

Он четко знал, куда шел. Ещё пара минут – и прямо возле старого ветвистого ясеня он резко свернул вправо. И оказался перед надгробием, изображавшим плачущую девушку. С её наблюдательного поста хорошо было видно, как профессор склонил голову, видимо, что-то шепча, а потом как подкошенный упал на колени.

Это было настолько странно и настолько лично, что она отвернулась, сразу поверив во все воспоминания, что видела. Если бы она не стала Читающей Души, никто и никогда не заставил бы её лезть в души к другим. Слишком это больно, тяжело и... неправильно.

И всё-таки Джейн не могла уйти, хотя теперь видела, куда и для чего шёл профессор. Ноги словно приросли к земле. Ей было до боли интересно: что за имя написано на том надгробии? Кого оплакивал профессор? Знала она этого человека или нет? Пусть это неправильно, пусть это её не касается, но она чувствовала, что просто должна увидеть это имя. Почему – не понимала сама.

Джейн не помнила, сколько так простояла, но холодный порывистый ветер и начавшийся мелкий дождь заставили её опомниться. Если профессор сейчас не уйдёт, она сама попробует вернуться. Не нужно, чтобы он видел её.

При мысли о том, что он скажет и сделает, если узнает, что она за ним наблюдала, её бросало в дрожь. Самое важное она узнала, а имя можно увидеть и позднее. Например, заложить экипаж, приехать сюда завтра, одной, и посмотреть.

Но профессор, видимо, почувствовал начинающийся дождь. Он с трудом встал с колен, и Джейн была даже рада, что не видит его лица. Это не её тайна. Она не чувствовала себя вправе лезть в прошлое других людей и беречь незаживающие раны. Она была уверена, что

даже профессор Ритар, при всей своей несносности, никогда не читал людей просто так.

Пока она раздумывала, профессор, накинул капюшон плаща на голову и медленно зашагал прочь от одинокой могилы.

Как только его фигуру загородили раскидистые ветви ясеня, Джейн бросилась к могиле. Интерес затмевал здравый смысл. Она только посмотрит. Сама не зная, зачем ей это надо. Но чувство было таким, словно от этого зависела её жизнь.

Плачущая девушка была высечена из мрамора так искусно, что казалась живой. Но Джейн заметила её только мельком. Её внимание привлекли имена, высеченные на надгробии:

«Здесь покоятся Джордж, Рея и Кэтрин Эмиранс. Да откроет им Небо свои Врата».

Эмиранс... Что-то знакомое, до боли знакомое. Виски пронзила прежняя боль, настолько сильная, что в глазах потемнело. И Джейн не выдержала, закричала, медленно оседая на землю.

Сначала вернулись звуки: шелест листвы, завывание ветра... И уже потом – ощущения. Лежать было неудобно. Рука затекла, чулки, кажется, промокли, а голова болела.

Она открыла глаза.

– Ну что, госпожа Фелина, вы очнулись?

Такой знакомый голос едва не заставил её подпрыгнуть. Над ней, загораживая свет, стоял профессор Ритар.

– Очнулась, – кивнула Джейн. Почему-то смотреть на него было стыдно.

Она огляделась. Могилы, возле которой она потеряла сознание, видно не было. Значит, профессор услышал крик, поднял её и отнёс в сторону, на траву. Над ней шелестел ветвями большой раскидистый ясень, а сбоку от него притулился боярышник.

Джейн отдавала себе отчёт в том, что обязана профессору жизнью. Интересно, сколько бы она так пролежала, не приди он на её крик? Не хотелось даже думать об этом.

Она попыталась сесть и оперлась спиной на ствол дерева. Но даже такое простое действие отняло уйму сил. Да... Интересно, что с ней произошло?

– Так что же с вами случилось, госпожа, которая лезет не в своё дело? – Профессор смотрел на неё с нескрываемой насмешкой. Словно

не его она только что видела на коленях там, возле могилы. Только в глазах его виднелся отголосок боли.

– Я... – Она потупилась. Солгать ему? Так ведь он – Читающий.

Джейн поборола минутное смущение. Надо отвечать за свои поступки.

– Я следила за вами. – Она немного помолчала, пытаясь собраться с мыслями. Не накинулся на неё, не кричит, не угрожает, хотя какой уже раз она находится рядом с ним один на один.

Рука машинально потянулась к медальону. Она подняла глаза и заметила пристальный, почти пугающий взгляд профессора. Но, как ни странно, это придало ей сил.

– Фредерик сказал, что вы помогали мятежникам. И то, что я видела... ваше воспоминание... Короче говоря, я решила проследить за вами.

Она замолчала, чтобы перевести дух. Профессор возвышался над ней, но, что странно, не перебивал. Просто молча смотрел.

– А потом я увидела это надгробие и...

Ей было больно говорить, а ему, наверное, слушать. Если бы за ней кто-то так проследил, Джейн была бы в ярости. А он просто молчал.

– Я почувствовала, что просто должна увидеть, кому оно принадлежит. Прочитала имена, и у меня случился приступ. Он всегда случается, когда дело касается воспоминаний. Я ведь чётко знаю, что эти имена мне знакомы, но не могу ничего вспомнить... – Она убрала с лица выбившийся из причёски волос, накрутив его на палец. Такая не совсем приличная для леди привычка. А потом тихо добавила: – Но такой сильный приступ у меня в первый раз.

Джейн замолчала. Интересно, почему профессор ничего не говорит. Она подняла глаза. Он смотрел на неё не отрываясь, так, словно изучал каждую чёрточку. И ей почему-то стало жарко под этим взглядом. Его тёмные, почти чёрные глаза затягивали, как в омут, в котором то и дело вспыхивали огоньки.

– И ни один Исцеляющий не сказал вам, что с вами происходит? – наконец заговорил он.

Этот голос, неожиданно хриплый, заставил Джейн вздрогнуть.

– Нет. – Она покачала головой.

И опять повисло странное молчание.

– Вы до дома одна дойдёте? – спросил он.

И тут Джейн осознала, что уже вечерет, она продрогла и устала, и у неё кружится голова. К тому же снова начинал накрапывать мелкий дождик. Она попыталась встать и едва не упала: перед глазами поплыло.

– Всё ясно, – выдохнул профессор. – Возьмите, госпожа Фелина. – Он протянул ей свой плащ. – Я провожу вас до дома. И можете не благодарить! Терпеть не могу эти лживые заверения!

Она едва не рассмеялась на его тираду. Профессор снова превратился в того, кого она знала: желчного и ироничного Читающего, которого ненавидели, наверное, все ученики, кроме неё. А она? Как она к нему относилась теперь, сама не могла бы сказать.

Она встала. Постояла немного, подождала, пока голова перестанет кружиться. Потом закуталась в плащ профессора и случайно взглянула вниз, на ноги. Подол платья был весь заляпан грязью.

Джейн достала носовой платок и попыталась оттереть грязь. Ужасно, конечно, но лучше, чем ничего. Она подняла голову, готовая идти, и снова наткнулась на пристальный, изучающий взгляд профессора. Да чем она его так привлекла?! Ему что, больше некого изучать?!

Профессор подал ей руку, как ни странно – в перчатке. Видимо, он не испытывал желания, читать кого-либо вне занятий, несмотря на все ходившие о нём истории.

Джейн думала, что он съязвит по этому поводу, но он был необычно молчалив.

Дорогу до дома она едва запомнила. Голова кружилась, идти было тяжело, она промёрзла насквозь, да и стемнело как-то неожиданно быстро. Если бы не профессор, она бы там, на кладбище, и осталась. Будет чудом, если она не заболеет.

– Мы пришли, госпожа Фелина. Плащ принесёте на занятие.

Он отпустил её руку и растворился в темноте так быстро, что Джейн даже не успела его поблагодарить.

Он брёл по городу. В темноте и тишине голова работала необычно ясно. А ещё не хотелось идти домой. Могло ли это быть совпадением? Странная реакция госпожи Фелины на имена на могиле, все эти привычки... Мелочи, но они были свойственны только Кэти. И она ведь не лгала, нет. Он читал её.

Может, он просто сходит с ума? Надо было наказать госпожу Фелину за наглость, ведь то, что видела она, не видел никто. И не имел права смотреть. Слабость – это позор, это он прочно усвоил с детства. И всё же если он прав, то по-другому и быть не могло. Её просто тянуло туда, как и его.

Тобиас остановился, откинул с лица прядь волос. Хотел набросить на голову капюшон и вспомнил, что плащ он отдал госпоже Фелине.

Снова она. Откуда она взялась на его голову?! И может ли существовать на свете сила, способная превратить знакомого и до боли родного человека в неизвестного? Голос, внешность, глаза, губы, рост, фигура – ничего общего с его Кэти. Почему же с того момента, как он впервые увидел госпожу Фелину, ему всё чаще кажется, что это она, родная и давно знакомая? Невозможно, немыслимо! Сумасшедшая надежда!

И всё же он вспомнил, как она крутила медальон. Точно так же, машинально пропуская цепочку сквозь пальцы. А как она накручивала прядь волос на палец? Сколько раз он наблюдал за тем, как так делала Кэти? А как она оттирала платком подол платья? Слишком много совпадений. Любой другой сказал бы, что он сошёл с ума. Любой, кто знал Кэти меньше времени. Только не он.

Надо точно узнать, возможно ли такое, чтобы его Кэти стала совсем другим человеком. Госпожа Фелина ничего не помнит со времени своего семнадцатилетия и потеряла память именно в ту роковую ночь. Может, всё это время она была жива? Это, конечно, ничего не меняет, особенно сейчас, но сумасшедшая надежда заставила сердце гулко биться в груди. Впервые за семь лет Тобиас почувствовал себя живым.

И он знал, что будет сейчас делать.

Почти бегом бросился домой, чтобы вскочить на коня. Его величество Ричард может знать больше.

– Что стряслось? – Король встретил его в своём кабинете, равнодушно-расслабленный, но только с виду.

Тобиас знал, насколько этот вид обманчив. В противном случае в кабинете его величества сейчас сидели бы заговорщики, а сам король лежал бы в фамильном склепе.

– Есть ли возможность изменить человека до неузнаваемости? Голос, фигуру, рост? – Голос едва слушался и казался самому себе хриплым карканьем.

– Никогда не слышал о таком. – Король внимательно посмотрел на него.

На миг возникло глупое желание прочитать его величество. Но, во-первых, Ричард был обучен ставить барьеры. Тобиас лично учил его. А во-вторых, ему не было смысла лгать.

– А что случилось? Не удивлюсь, если втайне от меня велись какие-то секретные разработки. Как выяснилось, я многого не знал о своём народе, – усмехнулся Ричард.

Тобиас вздохнул. Не было никакого желания рассказывать о госпоже Фелине. Он боялся. Такой суеверный страх. Словно она принадлежит только ему. И он не хотел ни с кем делиться этой тайной.

Но он переборол себя.

– Я нашёл новую Читающую. Случайно. Дар у неё открылся только сейчас, в двадцать четыре года. До семнадцати лет она ничего не помнит. Воспоминания заблокированы, там стена. Я не могу пробиться. И она не лжёт. Она действительно ничего не помнит. Я читал её. Самое странное в том, что она читает меня. Она сильнее меня. И... – Он помолчал немного. – Она ничем не похожа на Кэти, но всё-таки это она.

Король хмыкнул, потом посмотрел на него внимательнее и потребовал:

– Расскажи.

И даже не назвал сумасшедшим. Тобиас признавал, что ведёт себя как последний дурак, хотя и привык держать себя в руках. Но мысль, что это действительно может быть она, заставила почувствовать себя живым. В который раз за день. И мучение вдруг обратилось в надежду.

Когда он закончил, Ричард заговорил не сразу.

– Я бы сказал, что ты сошёл с ума, но не буду, – усмехнулся король. – Полагаю, ты и сам об этом думал и пришёл к выводу, что это не так. Если то, что ты рассказал, действительно правда, то твоя

госпожа Фелина-Кэти действительно уникальна. Вот тебе моё королевское задание: понаблюдать за ней как можно пристальнее.

– Глаз не спущу, – усмехнулся Тобиас.

И это действительно было правдой. Он собирался назначить госпоже Фелине дополнительные занятия. Просто для того, чтобы убедиться.

И всё-таки это невозможно! Он не хотел надеяться. Это было бы слишком жестоко. В последние годы его жизнь превратилась в кошмар, бессмысленный и бесполезный. И вот сейчас, когда, возможно...

Тобиас не хотел даже думать об этом. Как и о том, что должен быть кто-то, кто сотворил с ней это. Но если госпожа Фелина действительно Кэти, то он сделает всё, чтобы с ней никогда больше не случилось ничего плохого. Он ведь обещал. И он жизнь отдаст за это.

Глава 8

Джейн

Плащ профессора висел на спинке стула. Джейн скинула его с плеч почему-то именно сюда. И не захотела убирать. Он необычно уютно смотрелся в комнате. Как будто так и надо, чтобы мужской плащ находился здесь.

Утром она встала абсолютно здоровая, словно ничего и не случилось. И всё же ей показалось, что её жизнь изменилась полностью. Теперь она знает про профессора то, что вряд ли знает кто-то ещё, то, что он скрывал от всех. И как теперь смотреть ему в глаза, Джейн не знала. А ещё упала в обморок вчера при нём...

Вспомнив об этом, она почему-то покраснела. Что он о ней подумает? А главное, какое ей до этого дело? Какое ей вообще дело до того, как к ней относится этот профессор Ритар? Но почему-то это было очень важно. И она сама не знала почему.

Конечно, надо было бы узнать, кто эти люди, чьи имена она вчера видела на надгробии. Но Джейн боялась. А вдруг она снова упадёт в обморок, стоит только подумать об этом? И вряд ли рядом окажется добрый профессор Ритар.

Добрый... Джейн усмехнулась. Доброта и профессор казались несовместимыми. И всё-таки он по-своему добр. Ведь не убил же её, не съел и даже не отругал, хотя, если по-честному, она этого заслуживала. Только смотрел так странно...

Джейн почему-то вздрогнула, вспомнив его взгляд. А в ушах словно слышался его голос: мягкий и вкрадчивый. Наваждение какое-то! Она ведь терпеть его не могла! Что же изменилось?

Джейн даже потрясла головой. Ей нет до него никакого дела, абсолютно никакого!

Она медленно оделась и спустилась к завтраку. Сегодня она будет только отдыхать и ничего больше, ровным счётом ничего.

Правда, завтракать в одиночестве в пустом доме – та ещё радость. Со времени своего семнадцатилетия и до последних событий Джейн

никогда не была одна. Рядом всегда находились либо пансионерки, либо учительницы, либо дядя.

И вот он умер, пансионерки далеко, а ей нечего делать, кроме как размышлять и читать.

Немногочисленные слуги в этом доме идеально вышколены дядей. Они были, и в то же время их словно не было. Они появлялись и исчезали, оставляя на столе еду, а в шкафу – новую одежду.

Её никогда не учили вести хозяйство и заниматься домом, поэтому Джейн боялась лезть со своими непрошеными советами в заведённый механизм этого дома.

Огромные напольные часы в гостиной пробили десять. Джейн даже вздрогнула – так и не смогла привыкнуть к этому звуку. Да она здесь с тоски зачахнет! Пойти, что ли, попросить аудиенции у его величества о зачислении в университет? Или нанять частных учителей? Пожалуй, учителей. Надо спросить у Фредерика, к кому следует обратиться.

В дверь постучали, и чопорный слуга доложил, что пожаловал господин Деверси. Джейн уже ждала его в малой гостиной нетерпеливо постукивая костяшками пальцев по спинке кресла.

– Фредерик, можешь посоветовать мне хороших частных учителей?

– Джейн, у меня получилось попасть к королевскому Читающему!

Фразы они выпалили одновременно, а потому посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Так как, поможешь? – спросила Джейн, отсмеявшись. – А то со скуки я скоро на стены полезу.

– Конечно, я могу посоветовать тебе учителей, но... – Фредерик замялся.

– В чём дело?

– А ты не хочешь, например, посещать публичные уроки при городской библиотеке? Их проводит профессор Сквол, очень уважаемый и известный в городе человек. И развеешься заодно. На них ходят те, кто по каким-то причинам не попал в университет.

– Ну, если он даёт достаточно знаний... – протянула Джейн.

– Да брось, какие знания? – ухмыльнулся Фредерик. – Как будто тебе придётся зарабатывать на жизнь после окончания университета.

Конечно, теперь не придётся. Но это высказывание Фредерика почему-то обидело её глубже, чем она могла бы себе признаться. В жизни ведь всякое случается.

– Джейн, я обидел тебя? – Минутная пауза – и он бросился к ней и заглянул в лицо. – Джейн?

– Нет, ничего. – Она через силу улыбнулась.

Может, публичные уроки – это действительно выход. Правда, девушкам вроде неё скорее полагается учиться музыке, а не наукам. Но музицировала она из рук вон плохо, и поэтому без зазрения совести перестала тренироваться ещё в пансионе. Не хватало только людей смешить своей игрой и пением!

– А я ведь попал к королевскому Читающему! – повторил Фредерик.

– Вот как! Расскажи! – улыбнулась она.

А на сердце почему-то стало тоскливо. Вот сейчас королевский Читающий скажет ей, что дар её вовсе не так силён, как ей сказали, и профессор Ритар окажется обычным лжецом.

– Да ничего особенного. Я просто получил аудиенцию и наконец-то рассказал ему про тебя. Он сказал прийти к нему завтра утром. У тебя ведь завтра нет уроков с профессором Ритаром?

– Нет, – покачала головой Джейн.

– Ну вот и замечательно! Значит, сходим и посмотрим, что он скажет.

Джейн, конечно, кивнула Фредерику. Но почему-то это показалось ей вовсе не таким уж замечательным. И когда господин Деверси ушёл, обещая прийти завтра, она поднялась в свою комнату и долго смотрела на плащ профессора Ритара.

И почему ей так не хочется его возвращать?

Утром Фредерик зашёл за ней. Они договаривались встретиться около десяти часов. Но Джейн уже в девять была на ногах и полностью одетая.

Так жить невозможно! Надо срочно идти на курсы или куда там ещё. А может, если её дар вовсе не так велик, как говорил профессор, и учиться осталось совсем чуть-чуть, она сможет открыть свой пансион. Не здесь, в столице, а где-нибудь у моря. И тогда точно будет при деле.

Мечты-мечты... Джейн улыбнулась, поправила шляпку и чинно направилась вместе с Фредериком ко дворцу.

– Разве королевский Читающий живёт во дворце? – удивилась она, когда поняла, куда они идут.

– Ну, я так понял, что он как бы отстранён от дел. И его услугами пользуются крайне мало. Его величество во всём советуется с профессором Ритаром, – выплюнул Фредерик.

А у Джейн вдруг возникло странное, необъяснимое желание рассказать всё господину Деверси. Всё, что она узнала про профессора. Объяснить. Почему-то ей было больно оттого, что его считали чудовищем. Сама она видела в нём только усталого и несчастного человека.

Но она сдержалась. Это не её тайна. Если бы профессор хотел, он мог бы обелить себя сам. В конце концов, будь у него другой характер, ученики относились бы к нему лучше.

«Но тогда он бы не был профессором Ритаром», – поймала она себя на мысли. К тому же, судя по всему, ему просто было всё равно.

Да опять она думает о нём! Джейн даже остановилась на секунду, чтобы отвлечься.

– Джейн, что-то случилось? – Фредерик тут же повернулся к ней. Он был добр и участлив, но почему-то сегодня её это только раздражало. Наверное, от профессора заразилась, не иначе.

– Ничего, всё хорошо. Просто задумалась, – проговорила она через силу.

Они свернули ко дворцу, прошли немного вперёд и встали у кованых ворот.

– Стой! Кто идёт?

Они с Фредериком назвались, и один из стражников вызвался проводить их.

Как оказалось, королевский Читающий жил всё-таки не во дворце, а в домике на его территории. Строго говоря, это был не домик, а особняк, похожий на унаследованный ею. Как оказалось, это был дом для государственных служащих. Его величество не горел желанием держать во дворце чужих людей. И, наверное, правильно.

– Проходите, господа, проходите. Ко мне так редко захаживают гости!

Королевским Читающим оказался суетливый пожилой мужчина. И, глядя на него, Джейн никогда бы не подумала, что он может оказаться Читающим Души. Внешность-то, оказывается, обманчива!

Хотя, если судить по внешности, главным врагом всего королевства смело можно считать профессора Ритара.

Опять она о нём думает! Джейн сжала губы и представилась:

– Джейн Фелина. – Она не хотела связываться с именем дяди. Оно не принадлежит ей. Только состояние. И то досталось ей случайно. Если бы у дяди были наследники... Но никого. Только какие-то четвероюродные племянники, седьмая вода на киселе.

– Очень приятно. А я – Лизас Тавир, королевский Читающий. – Он вздохнул так скорбно, словно рассчитывал вызвать жалость. А Джейн невольно вспомнились слова профессора про слабый дар королевского Читающего. – Ну, что у вас там стряслось? Рассказывайте!

Джейн вкратце рассказала про то, как у неё открылся дар.

– Дар, значит! Хорошо, очень хорошо! Молодой человек, выйдите пожалуйста. Подождите в соседней комнате. А вы, госпожа Фелина, садитесь сюда. Вот так.

Господин Тавир усадил её в кресло, а сам встал рядом. Когда Фредерик покорно вышел (слишком уж покорно, на взгляд Джейн), господин Тавир прикрыл дверь, а сам взял её за руку.

Джейн понимала, что это всего лишь его работа, но королевский Читающий, который стоял за креслом и нависал над ней, заставлял её нервничать. Наверное, поэтому она невольно усилила барьер. Всё-таки профессор Ритар учил её. И не сказать чтобы тщетно.

Читающий взял её за руку. От его липкого прикосновения Джейн едва не отдернула руку. Спокойно. Это всего лишь его работа. Но после того, как у неё открылся дар, она с трудом терпела чужие прикосновения. Наверное, такова особенность дара.

Она снова провалилась в серые коридоры. Правда, не сразу. Ей не хотелось ничего видеть и ни в одну комнату заходить. Но её ли это беда, что он не поставил барьер?

«Ваш барьер слишком слаб», – услышала Джейн словно наяву голос профессора Ритара, и это помогло ей. Она не успела ничего прочитать и вынырнула, словно рыба из воды, на сушу из воспоминаний. Открыла глаза, и увидела, как королевский Читающий нежно поглаживает её руку своей.

– Что вы делаете?! – Джейн вскочила, брезгливо сбросив его ладонь.

– Пытаюсь вас прочитать. – Господин Тавир даже не смутился. Словно так и надо. Это он всех пытается так прочитать? Тогда понятно, почему его величество обращается к профессору Ритару. И кто здесь злодей, выходит?

– И что? Я вижу, у вас ничего не получилось!

– Ну почему это ничего? Я только начал. – Королевский Читающий расплылся в сальной улыбке.

А Джейн вдруг перестало хватать воздуха. Она просто представила, ЧТО она могла прочитать в его воспоминаниях и ЧТО увидеть. И этого человека она должна спрашивать?

– Тогда скажите, какой у меня дар, и мы пойдём.

– Достаточно сильный. Но дополнительные занятия точно покажут насколько.

– Простите, но дополнительные занятия я у вас брать не собираюсь. – Джейн с трудом сдержалась, чтобы не наговорить этому господину Тавиру гадостей.

– Ну что ж... Жаль, очень жаль. Однако если вдруг надумаете, вы знаете, где меня найти.

И он подмигнул ей. А Джейн вдруг почувствовала, что словно сходит с ума от этого липкого взгляда. Читать другого человека – это мучение, но видеть чужую мерзость и прикасаться к ней мучительней вдвойне!

Она выскочила из комнаты.

– Джейн, стой! Куда ты? Ну, что он тебе сказал? – Фредерик бросился за ней.

Будь её воля, она никогда в жизни не стала бы Читающей! Никогда бы не прикоснулась ни к одному человеку! Чужие воспоминания – это так мерзко!

Теперь Джейн отчасти понимала профессора Ритару. Она на ходу надела перчатки.

– Джейн! – донеслось до неё словно сквозь вату.

– Он сказал мне, что у меня сильный дар. Профессор Ритар прав, – произнесла она нараспев, не оборачиваясь. – Прости, но мне надо побыть одной.

Сегодня Тобиас снова увидит госпожу Фелину. Он не хотел признаваться даже себе, что ждал занятий с ней, как глотка свежего воздуха. И даже в мыслях не мог назвать её по имени – боялся обмануться. А временами даже начинало казаться, что он сходит с ума. Тобиас никогда не чувствовал себя так странно, так зыбко. словно всю жизнь спал и только что проснулся, чтобы очутиться в ещё более глубоком сне.

– Добрый день, госпожа Фелина. Надеюсь, вы наконец-то научились ставить барьер?

Не привыкать к ней, только не привыкать! Даже если это его Кэти, она-то ничего не помнит. И так даже лучше.

– Посмотрите сами. – Она протянула руку.

Странно. Не спорит с ним, не ругается. Что-то случилось? Он читал её, не читая.

Он взял её руку. Почему-то прикосновение обожгло, как огнём. Захотелось взломать её барьер, эту дурацкую стену, прижать её к себе, дотронуться до волос... Может, на ощупь они такие же, как были у Кэти?

Тобиас сжал губы и заставил себя прочитать её. Он не хотел лезть ей в душу. Но они связаны уже настолько сильно, что дальше уже некуда. Пусть она видит, пусть знает всё. И пусть лучше ненавидит, чем жалеет.

В этот раз он почувствовал сопротивление. Пусть слабое, но оно было. Барьер. Она хорошо усвоила урок и училась на глазах. И раз она сильнее его, то скоро он не сможет её читать. Это стало для него даже облегчением.

Несколько секунд. Он хотел отпустить её руку и вдруг вздрогнул, уловив фигуру Тавира. Что она забыла у этого мерзкого старикашки? Ричард не зря отстранил его, хотя официально Тавир всё ещё являлся главным королевским Читающим.

Просто за Тавиром слишком многое стояло. И насколько подозревал Тобиас, он был связан с Наставником. Поэтому его нельзя было спугнуть. Не сразу.

Но что она делала у этого старого потаскуна?

Он нырнул внутрь и почувствовал липкую мерзость. Госпожа Фелина не доверяла ему. И правильно. Он сам давно отвык доверять

даже себе. Особенно себе. Но неужели она не могла найти никого лучше? Неужели не знала, какие слухи ходят о Тавире?

Хотя откуда она могла знать? Светлая девочка.

Он выпустил её руку, как только понял, что Тавир ей ничего не сделал. В груди росло дикое желание удушить этого королевского Читающего собственными руками. Глухая ярость затопила разум.

– Так что там, профессор Ритар? – с трудом расслышал он.

Захотелось схватить её за руку, сжать до боли и спросить, какого йорда она делала у Тавира. Вся его выдержка летела в пропасть.

– Я дам вам совет, госпожа Фелина. – Тобиас заставил себя говорить ровно. Он не хотел никого пугать, видит бог. Но они всё равно его боялись. Наставник был бы им доволен, узнав, что он достиг своей цели, которая вдруг стала пустым звуком. – Если вы согласились на мои занятия, ходите только на мои занятия. А то ведь я могу рассердиться и перестану с вами заниматься.

Поймёт? Кэти бы поняла. Он сказал бы прямо, но разве имеет право? Да и как? Не ходите к Тавиру – это старый развратник. И что? Она ненавидит его и только сделает наоборот.

– Я хожу на занятия только к вам. – Она покраснела. – Просто хотела узнать у кого-то... другого, – она запнулась, – настолько ли велик мой дар, как вы говорите.

– То есть вы хотите уличить меня во лжи?

– Не во лжи! – Она знакомым жестом вскинула голову и посмотрела на него. – Просто хочу услышать подтверждение вашим словам.

– То есть всё-таки не верите? – Тобиас хищно усмехнулся. Правильно не верит. Он и сам себе не верил. – Правильно. Доверяй, но проверяй. Вы усвоили урок. И поняли, надеюсь.

– Поняла. – Она так знакомо покраснела и опустила глаза.

Какой же мерзавец этот Тавир!

– Хорошо. А то ваш барьер до сих пор никуда не годится. Я как раз хотел назначить вам дополнительные занятия.

– Дополнительные занятия? – переспросила она.

Задумчивая. Ему казалось, что он сходит с ума, но в ней с каждым разом всё больше и больше проступали черты его Кэти. Не нечто неуловимое – походка, жесты, взгляды, – а именно черты. И красивая! Какая же она всё-таки красивая!

– Да. Вы имеете что-то против? – Он ждал, что она скажет. На самом деле заставлять её он не имеет права. Но и выпускать не хочется. Видеть её каждый день, разговаривать с ней... И знать, что всё равно придётся отпустить.

– Я хотела записаться на публичные уроки при городской библиотеке.

– Зачем? Разве это женское дело – забивать свою голову знаниями? Вы – богатая наследница и желанная невеста для любого молодого человека.

– А разве это мужское дело – унижать женщину? – Она сжала губы и вздёрнула голову.

Всё. Тавир забыт. Тобиас усмехнулся. Это точно Кэти. Её характер.

– А разве я унижал вас, госпожа Фелина? Я лишь сказал правду. Или вы считаете, что это ложь, и пойдёте к господину Тавиру, чтобы проверить?

Он делал ей больно сознательно. И её боль отдавалась в нём самом. Но так нужно. Пусть она ненавидит его, пусть злится и ругает. Что угодно, лишь бы не жалела.

– Я считаю, что это унижение – намекать женщине на её положение. – Она даже покраснела. – Я не просила этого наследства у дяди и хотела совсем по-другому проводить свою жизнь.

– И как же? – Ему действительно было интересно. Он никогда не говорил с Кэти о будущем. По правде говоря, после того, как связался с Наставником, он до безумного мало проводил времени с ней. Девочка выросла в прекрасную девушку, а он даже не знал, чем она живёт и чем дышит.

– Я хотела устроиться в пансион учительницей или гувернанткой. Потом подкопить и, может быть, открыть свой пансион... – Она вдруг замолчала и поджала губы. Наверное, поняла, что слишком много ему наговорила.

– Вряд ли его величество позволит вам такую роскошь, учитывая силу вашего дара, госпожа Фелина. И я его в этом поддерживаю. Вы ведь до сих пор так и не научились ставить барьеры. И можете быть опасны как для себя, так и для человека, которого можете прочитать. Или вы думаете, что у всех в душе ясно и светло? О нет! Там спрятаны такие скелеты, которые вам и не снились. И больше всего на свете

каждый человек боится, что его мерзость выйдет наружу и станет известна всем.

Он замолчал. Госпожа Фелина тоже, как ни странно, молчала. Он сделал ей больно? Но правду надо говорить, даже если нет желания её слушать. Правда – она такая.

Тобиас поднял на неё глаза и натолкнулся на странный задумчивый взгляд. Госпожа Фелина рассматривала его. Встретилась с ним взглядом и потупилась. Потом снова посмотрела на него и вдруг выпалила:

– И ваша мерзость тоже, профессор Ритар?

Он задохнулся, словно получил удар. В его жизни было много мерзости. То, что он хотел забыть, то, чего он сам до боли боялся. Его кладбище с надгробием. Знала ли она, что он похоронил там и оплакивал её саму?

– И моя. – Он кивнул в ответ. И прочёл в её глазах изумление и даже ужас. Да, его надо бояться, как Тавира. Бояться и ненавидеть. Иначе он не сдержится и сделает всё, чтобы она осталась рядом.

Глава 9

Джейн

После урока с профессором Ритаром Джейн чувствовала себя как рыба, которую выдернули на сушу из воды. Все эти разговоры... Как будто он хочет казаться хуже, чем он есть. Но зачем?

Джейн видела его воспоминания, и с каждым разом – всё больше и больше. Она задыхалась от боли вместе с ним. Но ни разу не испытывала презрения, как при встрече со стариком-дознавателем. Профессор Ритар никогда не позволял себе даже намёков.

Желчный, острый на язык, ироничный, жёсткий... Может быть, даже жестокий.

Но ей почему-то казалось (может, благодаря его воспоминаниям), что она знает его очень давно, всю жизнь. И знает, почему он такой. Точнее, она тешила себя надеждой, что знает. И не боялась его больше. Только не сейчас.

Уже дома Джейн заметила, что его плащ так и остался сиротливо висеть на стуле в её комнате. Наваждение, не иначе. И ещё эти дополнительные занятия! И угораздило же её так попасть! Наверное, профессор Ритар хочет загнать её до смерти. Потому что каждый раз после занятий она чувствовала себя такой уставшей, словно целый день скакала на лошади или танцевала.

Интересно, если она будет читать других людей, ощущения будут такими же? Но что-то подсказывало ей: нет. Она уставала от самого общения с профессором. Изматывающего, словно она ходила по мостику над пропастью, который качался туда-сюда. Но ей самой будто бы доставляло удовольствие такое качание.

И эти занятия... Где-то в глубине души Джейн была даже рада им. Словно она вот-вот раскроет какую-то тайну. Будто она стоит на пороге чего-то увлекательного, какой-то новой жизни.

Джейн теребила кулон, на котором так и осталась трещина – не ширилась, но и не уменьшалась. На мгновение промелькнуло желание снять его и отдать ювелиру, чтобы починил такую прекрасную вещь.

Но она тут же его отбросила. Рассказывая об отце, дядя передал его слова, что она никогда не должна снимать кулон. Это был последний наказ отца. Почему – дядя не объяснил, но это было и не важно. Неужели она не исполнит такую малость?

На следующее занятие с профессором Джейн захватила плащ. Наверное, он на чём свет стоит костерит её за то, что она забыла его тогда. Но лучше поздно, чем никогда, как говорится.

Перед выходом из дома она взглянула на себя в зеркало. Критически.

И вздохнула. Интересно, эта Кэти, которую любил профессор, была красивая?

Джейн пригладила выбившийся из причёски локон, накинула шляпку и, сжав губы, быстро отвернулась от зеркала. Она привыкла к своему отражению, хотя сознавала, что не соответствует канонам красоты. И этого не изменить, как ни старайся.

Профессор ждал её. Неизменный кабинет, неизменно зашторенные окна. Всё как всегда. Вот только здесь ей почему-то дышалось так свободно, как нигде до этого. Словно она только сейчас живёт, а до этого существовала.

– Итак, госпожа Фелина, приступайте. Я хочу понять, чему вы всё-таки научились. – И он протянул ей свою руку.

Джейн дотронулась до неё и снова провалилась туда, в серые коридоры. Наверное, она могла хотя бы попытаться не читать его. Но кому ей лгать? После того, что она видела на кладбище, ей хотелось знать и читать его воспоминания, хотелось видеть.

Он говорил про мерзость? Но вряд ли в его жизни имела место такая мерзость, что была у господина Тавира. Хотя что она знает о жизни?

Джейн показалось, что она усмехнулась.

Попадая в чужие воспоминания, она не помнила, что делала в этот момент, и не знала, что видит она и что видят другие. Наверное, это первый шаг к тому, чтобы овладеть собой и своим даром (или проклятием), но тут как посмотреть. Интересно, а что чувствует в этот момент профессор?

И у неё вдруг появилось дикое и абсолютно глупое желание расспросить его об этом. Ответит ли он ей честно? Почему-то

казалось, что ответит. Только вряд ли она будет рада его откровенности.

Джейн шагнула в серый коридор и позволила себе заглянуть в одну из комнат.

Тобиас сидит за столом. Наставник был так любезен, что выделил ему одну из своих комнат. Здесь уютно и чисто, не в пример тому, что творится дома. Но ему всё равно даже в голову не пришло бы приглашать сюда Кэти. Он стесняется, наверное, себя и за себя. И всё же каким-то непостижимым образом она терпит его и любит.

Любит ли? Он никогда не задумывался над этим. И всё же... Иначе что держит её рядом с ним? Его Кэти...

– Кэти! – Он пробует на вкус её имя. И оглядывается. Но ни Наставника, ни кого-то из его людей до сих пор дома нет.

Светлая и такая красивая. Она даже не догадывается, в какой мерзости ему приходится купаться и ЧТО читать в душах других людей. Иногда он думает, что его дар – сродни проклятию. Иногда он сам себя ненавидит. А ещё до дрожи боится того, что она это узнает. Боится увидеть отвращение на её лице.

И всё же ей не место рядом с таким человеком, как он. Кэти – это лучик света. Яркая, красивая, нежная. А он...

Тобиас усмехается, зло сжимает губы. Потом достаёт перо, обмакивает в чернила и пишет, с силой надавливая, так что почти режет бумагу:

Чай давно остыл. За окном капает дождь. Ты ждёшь меня у окна, Целый вечер ждёшь. И видишь только мрак. А где-то светит луна...

Я не приду, прощай. Я теперь далеко. Я не ушёл с другой И так же люблю тебя.

Но я – это мрак, А ты – светлый луч в темноте. Я – вечный свой враг И вечный друг тебе.

Только ты полюбила меня, Эту грязь, эту тьму, что во мне. «Я опасен» – твердил я себе, уходя, Видя стынувший чай у тебя на столе.

Я надеюсь, что ветер и капли дождя, Что вокруг меня ткнут мириады смертей, Эту боль мою, волчью, донесут до тебя. Верь мне, верь! Так никто не полюбит, как я.

Он перечитывает стихи и сжимает перо, сажая на лист бумаги огромную кляксу. Всё не то! Чушь! Он комкает лист и кидает на пол. Потом с силой ударяет по столу, так, что подпрыгивает чернильница. Нет! Он не покинет свою Кэти, не уйдёт. Никогда!

Джейн вынырнула из этого мира воспоминаний, который уже не в первый раз показался ей более реальным, чем настоящий. Открыла глаза и неожиданно встретила взглядом с профессором. Он смотрел на неё странно и неотрывно, а его и так почти чёрные глаза стали ещё темнее. Похожие на грозовые тучи, что вот-вот готовы разразиться грозой.

Она хотела отвести взгляд, отойти, отшатнуться. Да что угодно! И не могла найти в себе сил. Она – не его Кэти. Разум кричал о том, что она должна держаться от профессора подальше, уйти, но Джейн не могла отвести глаз.

Интересно, замечал ли кто-нибудь, что профессор Ритар красив? Думал ли хоть кто-нибудь об этом? Нет, у него была не обычная красота. Он не походил на Фредерика, который соответствовал всем канонам. Но нечто притягательное было и в этом высоком лбе, и в резких чертах лица, и в острых скулах, и в цепком взгляде чёрных глаз, и в чёрных волосах, что в беспорядке свисали на глаза, и в первых морщинах, так рано прорезавших лоб.

– Что вы видели сегодня, госпожа Фелина?

Голос профессора прозвучал неожиданно глухо. И он не отвернулся. Так и стоял напротив неё.

– Оказывается, вы умеете писать стихи! – выпалила Джейн и только потом подумала, что сказала.

– Стихи, значит... – Он помедлил.

Джейн показалось или в глазах его мелькнуло что-то странное, что-то горячее и яркое?

– Что ж... – Профессор немного помолчал. – Думаю, учить вас ставить барьер таким образом – пустое занятие. В следующий раз мы будем заниматься немного по-другому.

Он отвернулся. И Джейн могла бы точно сказать, что видела мимолётную улыбку на его губах. Не усмешку, а именно улыбку. И она понятия не имела, что её вызвало.

Она ушла. Такая красивая и такая похожая на его Кэти, что он даже диву давался, как не узнал её раньше, когда только встретил. Ведь внешность – всего лишь оболочка, а самого главного глазами не увидишь. Кто бы ни был тот человек, который сотворил с ней это, он не брал в расчёт одного: его самого.

Тобиас улыбнулся. Не зло. Нет, в первый раз.

Она видела те стихи, что он написал подростком. Глупость, но он так и не отдал их Кэти, постеснялся. Где она и где он? И вот теперь она прочитала. Может быть, когда-нибудь она всё-таки вспомнит? Может быть, стоит дать шанс? Она ведь читает его, и рано или поздно прочитает всю его жизнь (а он проследит, чтобы занятия не завершились слишком рано). А потом он осторожно объяснит ей, не сразу, правда, что она и есть его Кэти. Что у них когда-то были одни воспоминания на двоих.

Одни воспоминания... Он помрачнел. Разве он сможет объяснить то, что виновен в смерти её семьи и целой улицы? Разве сможет объяснить, что благодаря ему целая Сайн-стрит пропала с лица земли? Понять-то она поймёт, но это всегда будет стеной стоять между ними. И вряд ли даже время в силах это изменить. Если он сам не простил себя, то сможет ли простить она?

Тобиас не знал и не хотел даже думать об этом. Лучше всего было остановить эти мучительные занятия, оборвать все ниточки между ними. Но она нуждается в нём, и никто не сможет ей помочь управиться с этим даром лучше его. И он отдавал себе в этом отчёт.

И всё же он построит занятия по-другому. Ей надо учиться, а не пить этот сладкий яд воспоминаний. А ещё было какое-то предчувствие, что Наставник скоро выйдет из тени. Почему? Тобиас сам не мог сказать. Просто семь лет слились для него в одинаковое серое марево, прорезанное вспышками боли, когда он думал о ней. И теперь начало что-то происходить. И он был уверен, это – то, чего они с Ричардом так долго ждали.

Утром его величество вызвал его через разговорник.

– Как дела, профессор? – Голос короля звучал немного насмешливо. А он ведь говорил, что профессор из него никудышный.

Но это была идея Ричарда – вытащить его из его тёмной конуры в университет, чтобы было больше поводов ненавидеть людей.

– Лучше некуда, – буркнул он. И не солгал ведь. И спал действительно неплохо. И яркий свет за окнами уже не раздражал до того, что хотелось закрыть ставни и наглухо задёрнуть шторы.

– И почему я не удивлён? – хмыкнул Ричард на том конце. – Ну, как продвигается ваше общение с госпожой Фелиной?

Надо же, даже имя запомнил. Его величество вообще производил на всех обманчивое впечатление: слишком мягкий, изнеженный. И только несколько человек знали, каков он на самом деле. Несмотря на кажущуюся мягкость, Ричард имел железную хватку, а временами был даже жесток. И лучше не попадаться у него на пути. Достаточно того, сколько он выслеживал Наставника и всех тех, кто стоял за этим переворотом семь лет назад. Допустив ошибку, едва не стоившую ему жизни, он не успокоится, пока не исправит её. Поэтому, наверное, король и приблизил его к себе. Всё-таки он как никто понимал его самого.

– Ничего нового. – Он действительно не узнал ничего нового. А в личные переживания он не собирался посвящать даже его величество. Хватало тех дней каждый год, после которых Тобиас презирал себя за слабость.

– Ты по-прежнему уверен, что это – твоя Кэти?

– Более чем, – хмыкнул Тобиас. Вспомнился какой-то отчаянный взгляд глаз госпожи Фелины. Так могла смотреть только она.

– Вот как... – Его величество немного помолчал, затем добавил: – Я пока тоже ничего не нашёл. Но мне и в голову не приходило искать выживших после той резни. Я думал, что это невозможно. – В его голосе звучала досада. – Но теперь я, по крайней мере, знаю, где это делать. Есть сведения, что всё случится совсем скоро. Твой знакомый снова воспрянул духом и собирает своих людей.

– Я понял, – ответил Тобиас, и король отключил разговорник.

Услышанное не радовало. За свою жизнь он не дал бы много, зато постарался бы, чтобы Наставник больше никогда и никому не навредил.

Но сейчас, когда от него зависела Кэти...

Тобиас сжал кулаки. Она снова заставляла его чувствовать себя живым, ощущать, как кровь бежит по жилам, как бьётся сердце. И он

сделает всё, чтобы она уцелела в этой схватке, даже ценой его собственной жизни. Слабость может слишком многого ему стоить.

На занятие он, как всегда, пришёл вовремя. И, как всегда, она ждала его.

– Входите, госпожа Фелина.

Она вошла и сразу подняла на него глаза. И он больше не видел в них страха. Она не боялась его.

– Я так понимаю, ничему новому вы не научились?

– Мне не с кем дома упражняться, – тихо ответила она.

«Ну как это – не с кем?!» – захотелось ответить. Пусть возьмёт хотя бы этого мальчишку – Фредерика. Они ведь дружили. И хотя он не видел в её воспоминаниях ничего такого, они могли бы...

Он сжал губы. Стоило представить, что она будет читать этого мальчишку, как его, как в груди заворочался гнев. Он не имеет на неё прав. Сейчас не больше, а даже меньше, чем тогда, семь лет назад. И всё же он промолчал.

– Что ж, тогда давайте упражняться здесь. Я вижу, у вас не получается ставить барьер. Вы всё равно с лёгкостью сметаете мои барьеры и разрешаете мне читать вас.

Госпожа Фелина вскинула голову. На секунду ему показалось, что она хотела что-то сказать, но она только посмотрела на него и промолчала.

– Давайте поступим по-другому.

Он помолчал. Потом шагнул к ней. Запах роз и ещё чего-то знакомого заставил остановиться. Она даже пахла как его Кэти – цветами.

– Так как мы будем заниматься? – Её голос вывел его из оцепенения.

Не думать о ней! Пусть лучше ненавидит, иначе он уже не сможет держать себя в руках.

– Помните, я говорил о мерзости, что прячется в душе у каждого? А у Читающих, как правило, достаточно неприятная работа: вытаскивать всю эту мерзость на белый свет. У вас ведь тоже наверняка есть то, что вам стыдно вспоминать. И вот сегодня моя задача – вытащить это ваше воспоминание и прочесть его, а ваша задача – не дать мне это сделать.

Он думал, что она будет возражать. Вскинет голову в знакомом жесте и посмотрит в глаза, гордо и немного надменно.

Но госпожа Фелина его удивила.

– Мне нечего стыдиться, – сказала она тихо. – И нечего скрывать. Если хотите – смотрите. – И протянула ему руку таким знакомым жестом.

«У меня нет от тебя секретов», – вспомнилось вдруг. И рука, протянутая в таком же жесте.

Тобиас застыл на месте. Больше всего на свете ему хотелось, наплевав на всё, шагнуть к ней, сжать её руку и позволить прочесть всего себя до дна. Все мысли. Пусть она знает о том, что она – его Кэти. И пусть все катятся куда подальше.

Но он боялся. Боялся её жалости и ненависти. Боялся, что не сможет уберечь её снова. Она больше не для него. Так будет лучше. И всё-таки ещё секунда – и он не выдержит и позорно сбежит отсюда.

Несколько минут борьбы, и он всё-таки ответил, придав голосу нужную невозмутимость:

– Вполне верю вам, госпожа Фелина. Но в таком случае вы никогда не научитесь ставить барьер и можете распрощаться со своей мечтой об учёбе и пансионе. Я ведь уже говорил вам мнение его величества. – Он усмехнулся. Наверное, смотрелось жалко, но Тобиас попытался. – Так что представьте на моём месте Тавира. Ему вы тоже хотите показать всё?

Он издевался и знал это, он провоцировал специально. Тобиас привык так жить и говорить, привык к ненависти и шепоткам за спиной. И только с госпожой Фелиной ему впервые за много лет не хотелось обижать и делать больно.

Но он не мог по-другому!

– Да как вы смеете? – рассерженно прошипела она.

– Не забывайте, что я чудовище, я могу. – Он хищно усмехнулся. Нет, она никогда не узнает о том, чего ему стоит обижать её, тогда как её боль отдаётся болью в нём самом! – Ну так что? Представьте на месте меня господина Тавира, и начнём занятия.

Глава 10

Джейн

Джейн не могла сказать, помог ли её занятиям с профессором Ритаром новый подход, потому что упорно отказывалась представлять на его месте Тавира. Не могла – и всё тут. И пусть профессор был зол и насмешлив, пусть он издевался над ней, он ни разу не переступил ту грань, что могла бы отвратить её от него.

Когда он вёл занятия, когда насмехался над ней, ей порой хотелось его прибить, но эти чувства никак не могли называться отвращением. Наверное, у неё получалось не очень хорошо, наверное, она его разочаровывала.

Почему-то для Джейн это было важно. Она хотела, чтобы профессор её похвалил, и сама не знала, откуда исходит это дикое иррациональное желание. Он никогда не говорил ей ничего хорошего. Только эти его колкие слова. Но она ведь не слепая.

Джейн мало что понимала в интригах, но то, что она читала профессора, помогало ей как нельзя кстати, и почему-то ей казалось, что он говорит не то, что думает. Хотя, возможно, это были лишь её домыслы.

И конечно, после его занятий, которые теперь проходили почти каждый день (дополнительные занятия, чтоб его!), она приползала домой такая уставшая и выжатая, что ни о каких публичных уроках и речи не шло. У неё оставались силы только погулять по саду или отдохнуть с книгой в кровати. Да иногда прокатиться в экипаже по улицам города и прогуляться по лавкам.

– Джейн тебе обязательно надо зайти к Исцеляющему Тело. Ты выглядишь очень усталой, – как-то сказал ей обеспокоенный Фредерик.

Но Джейн только отмахнулась.

– Когда только начинаешь использовать дар, поначалу всегда сильно устаёшь, – отвечала она.

Отчасти так и было. Об этом она прочитала в книгах. Но она была уверена, что не только дар тому виной.

В один из дней, когда она пришла домой после уроков, пообедала и присела было отдохнуть, слуга доложил, что к ней посетитель.

Кто это может быть? Джейн до сих пор мало знала (и, честно говоря, мало интересовалась) местное общество. С ней горел желанием познакомиться цвет аристократии – как же, богатая наследница! – но она пока не спешила заводить новые знакомства. Благо усиленные занятия позволяли ей не принимать приглашения. Ну и ещё – пущенный кем-то слух, что она очень сильная Читающая. Всё-таки их побаивались. Поэтому ей даже самой было интересно, кто нанёс ей визит.

Джейн отложила книгу и медленно спустилась по ступеням. Слишком большой дом угнетал. Здесь не слышно было ни смеха, ни весёлой болтовни о нарядах, ни топота ног. «Идеальный особняк холостяка, такого, как дядя», – подумалось вдруг ей.

В прихожей её ждал мужчина, который поклонился, когда она вошла.

– Госпожа Фелина?

– Да, это я, – кивнула Джейн. – С кем имею честь?

Да, это было не по правилам, но слишком уж интересовало её, кто этот человек и что ему нужно.

– Я – Джонас Флегг. Мой господин узнал, что вы интересовались вопросом, велик ли ваш дар. – И он замолчал, хитро поблёскивая глазами, словно заставляя её саму задавать вопросы. Для слуги господин Флегг был слишком хитёр.

Но всё же она спросила о том, чего от неё ждали:

– И чего ваш господин хочет?

– Мой господин хочет вам помочь, – улыбнулся мужчина.

Джейн рассмотрела его. Маленький, щуплый, незаметный весь такой, с хитрым взглядом. Такого увидишь – и не запомнишь, мимо пройдёшь.

– Каким образом?

– Он поможет оценить, насколько силён ваш дар. А дальше всё зависит от вас, – туманно выразился господин Флегг.

– И где этот ваш господин обитает? – Джейн сама не узнавала себя. Куда делась та скромная девушка из пансиона? Наверное, с кем

водишь общение, на того и становишься похожей.

– Если вы хотите поговорить с ним, то пойдёмте, он ждёт вас.

Джейн думала недолго. Нет, в силе своего дара она теперь не сомневалась, так же как и в словах профессора Ритара. Но что-то подсказывало пойти. Может, этот таинственный господин расскажет ей что-то новое.

– Хорошо, я отправлюсь с вами. Только возьму с собой служанку.

– Разумеется.

Через десять минут Джейн вместе с горничной Мэри сидела в экипаже. А господин Флегг, видимо, устроился на облучке и показывал кучеру дорогу.

Джейн выглянула в окно, но поняла только одно: они проехали через центр города и свернули в бедный квартал, тот самый, где она была всего один раз – следя за профессором Ритаром. А потом кучер запетлял, и она совсем потерялась в хитросплетениях улочек.

Наконец экипаж остановился. Мэри помогла ей выйти, а господин Флегг уже ждал её.

– Нам придётся немного пройти пешком, госпожа, уж не обессудьте.

Джейн осмотрелась. Она даже и не знала, что в столице есть такие места. Тёмная узкая улочка, облепленная с двух сторон полуразвалившимися хибарами, в которых определённо кто-то жил, но этот кто-то не торопился показываться им на глаза. А ещё здесь просто невероятно воняло. И Джейн даже не хотела думать, чем именно.

– Госпожа, мне здесь не нравится, – подала голос горничная.

И Джейн в кои-то веки была с ней согласна. Но, увы, раз приехала, отступить уже поздно.

– Госпожа, можно я пойду с вами? Всё-таки вам поспокойнее будет. – Кучер, кажется, его звали Томас, спрыгнул с козел и подошёл к ней.

Джейн едва не расплакалась от такого внимания. Она была никем для слуг, и всё же они переживали за неё.

– Да, конечно. – Она кивнула ему.

Флегг обернулся на них, усмехнулся, но ничего не сказал.

Они прошли пару кварталов, когда он наконец свернул в какую-то подворотню и остановился возле очередной хибары. Этот дом щеголял

провалами окон. И всё же Джейн была уверена, что в нём теплилась жизнь.

– Пойдёмте, госпожа.

Флегг нырнул в проём двери. Джейн шагнула за ним следом.

Они спускались куда-то вниз, в подвал дома по узенькой лестнице. Несколько раз у неё под ногами что-то пробежало, верно, крысы. Джейн уже тридцать раз пожалела, что послушала этого Флегга, всё существо твердило ей о том, что здесь опасно. Но увы, теперь она ничего не могла с этим поделать.

Наконец они спустились и оказались перед дверью. Флегг толкнул её.

– Прошу.

Джейн шагнула внутрь, в комнату. В темноте горела только одна лампа, стоявшая на столе. Она освещала человека в тёмном плаще с капюшоном и часть комнаты перед ним. Углы же комнаты тонули во мраке.

– Добрый день, леди. А вы не из пугливых, смотрю, – заговорил человек, и у Джейн невольно мурашки пошли по коже. От него исходило ощущение опасности.

– А чего мне бояться? Вы же не причините мне вреда, – усмехнулась Джейн.

– Разумеется, вы правы.

Говорить с человеком и не видеть его было не так уж и приятно. Но Джейн чувствовала, как сзади переминался с ноги на ногу Томас и шумно дышала Мэри. Какая-никакая, но поддержка.

– Дайте мне свою руку, – потребовал человек.

– И вы даже не будете спрашивать, когда у меня открылся дар?

Что она несёт? Надо убегать отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Пусть этот человек проверит её и отпустит на все четыре стороны.

– Зачем? Я знаю ответы на свои вопросы.

Откуда? Конечно, она не делала секрета из своего дара. Но в том, что ею заинтересовался такой человек, было что-то странное. Откуда-то он ведь узнал о ней.

Почему-то Джейн была уверена, что не от профессора Ритара точно. Значит, оставался Тавир. Или просто кто-то из студентов проболтался. Но в совпадения она не верила.

– Так что, дадите мне руку?

Джейн наклонилась над столом и поспешно протянула руку, выстроив все мыслимые и немыслимые барьеры.

Всё получилось без её усилий. Если с профессором она хотела открыться, не чувствуя от него опасности, то этому человеку она не желала доверить ни крупинки себя. И читать его воспоминания тоже не горела желанием.

Она как наяву вспомнила профессора Ритара, его насмешливые слова, и это сработало, как с Тавиром. Она лишь на секунду провалилась в серые коридоры – и тут же вынырнула обратно. Сжала губы и посмотрела на свою руку, которую всё ещё держал таинственный незнакомец.

Через мгновение он отпустил её, и Джейн с радостью отпрянула от стола.

– У вас действительно очень сильный дар. – В его голосе ей послышалось изумление. – Даже не припомню такого. Очень интересный случай. Откуда вы умеете им управлять?

– У меня хороший учитель, – не смогла промолчать Джейн.

– И кто же?

Наверняка он знал, а спрашивал, просто чтобы проследить её реакцию. Джейн чувствовала себя так, словно её взвешивают и проверяют. И это ощущение ей ой как не нравилось.

– Профессор Тобиас Ритар.

– Вот как! – Незнакомец, казалось, не был удивлён. – Что ж, это недурно, вполне себе, – произнёс он вполголоса и добавил: – Госпожа Фелина, я готов с вами заниматься. И поверьте, мои занятия понравятся вам больше, чем занятия с профессором Ритаром. А главное, принесут больше пользы.

– Нет, – вырвалось у Джейн, прежде чем она сообразила, что говорит. – Не хочу.

– Что ж, это ваше право. Но если решите всё же брать у меня уроки – я буду ждать вас.

– А... – Джейн хотела спросить, как его найти. Может, для профессора это важно. Она начала что-то такое подозревать, что-то такое знакомое было в образе этого незнакомца. Но вот что?

– Пошлите служанку или приходите сюда, в бедный квартал, и спросите Наставника. Рано или поздно я найду вас. А теперь... до скорой встречи, госпожа Фелина.

И это его прощание очень сильно не понравилось Джейн.

Тобиас

Дом горит. Его дом, в котором он не был уже несколько месяцев, полыхает. Пламя вздымается до неба. Какие-то люди бегают вокруг, как потерянные. Кто-то передаёт вёдра с водой, кто-то кричит, а он просто стоит и смотрит. Несколько минут, а потом срывается с места. Там мать. Она не успела убежать.

Он рвётся вперёд.

– Пустите меня! Пустите!

– О, сынок Ритаров!

– Давно тебя не было.

– Где шлялся-то, пока мать твоя тут корячилась?

– Наверное, уснула, забыла погасить свечу, вот дом и загорелся.

– Пустите!

Он расталкивает людей и пробирается к дому. Дом полыхает так, что уже не видно ни дверей, ни окон. И всё-таки там мама. Его мама. Он виноват. Он должен был навещать её, но не делал этого. Всеми виной открывшийся дар. Сейчас он почти ненавидит и себя, и дар, и Наставника.

Тобиас обходит дом и видит маленькую лазейку, приоткрытое кухонное окошко, из которого пока ещё не рвётся пламя. Обычно в это время мама сидела на кухне.

– Мама! – Он залезает в приоткрытое окно, цепляясь штанами и обдирая голые руки в кровь. – Мама!

В кухне ещё нет огня, но уже нечем дышать. Это плохо. Он ещё не понимает почему. Но, возможно, он ещё найдёт её, успеет.

Он делает несколько шагов и видит на полу её. Мама лежит возле кухонной двери. Наверное, она рванулась к выходу, когда начался пожар, и не успела.

– Мама! – Воздуха уже не хватает. Он кашляет, задыхается, потом снимает рубаху и обматывает лицо. Надо было намочить перед тем, как лезть сюда. И почему он не сообразил?

Он трясёт маму за руку, но она остаётся без движения. А над головой уже опасно трещат потолочные балки и прорываются искры.

Надо уходить.

Тобиас взваливает мать себе на плечи и пытается идти. Очень тяжело. От дыма почти ничего не видно. И голова раскалывается. И всё-таки он успевает добраться до окна. Выталкивает мать туда, наружу, на улицу. И падает следом. А за спиной обрушивается балка, обдавая его снопом искр.

Несколько секунд – и вот он сидит возле матери на траве.

К нему бегут со всех сторон.

– Смотрите, Ирэн Ритар.

– Сынок-то нашёл её и вынес.

– Живая?

– А ну-ка, отойдите! – Высокий полный мужчина отодвигает всех и проходит к ним.

Тобиас вскакивает ему навстречу. Это – лекарь для бедняков с соседней улицы. Он точно поможет.

Лекарь наклоняется над матерью, щупает пульс, потом зачем-то дотрагивается до шеи и поворачивается к нему. И за долю секунды Тобиас понимает, что вот сейчас произойдёт что-то неотвратимое и страшное.

– Прости, мой мальчик, но твоей мамы больше нет с нами.

– Нет! Мама, нет!

Кажется, он падает на колени и плачет. Он не смог уберечь мать! Он не помог.

Тобиас проснулся и резко сел на кровати, хватая воздух. После общения с госпожой Фелиной кошмары почти перестали его мучить. И тут – на тебе. Он даже не мог понять, что послужило причиной. Давно уже он не просыпался в поту от собственного крика. Да, его дар стал его проклятием. Сначала, заигравшись, он не уберёг мать, а потом послужил виновником смерти Кэти. И только чудо спасло её.

Сегодня у него нет уроков, кроме занятий с Кэти. И всё же он пришёл заранее. Была особая радость в том, чтобы наблюдать за тем, как госпожа Фелина спешит в университет, к нему на занятия. Он никогда не признался бы даже самому себе, что ему давно уже не нужны зашторенные окна, что он мечтает глотнуть свежего воздуха, а яркое солнце больше не кажется насмешкой над его горем.

Но он не хотел, чтобы госпожа Фелина видела его, не хотел, чтобы она знала, что он думает о ней. Он не хочет быть ей помехой. Он

не подарок, Тобиас осознавал это. И если Кэти не изменилась за эти годы, то он превратился в человека, которого ненавидят и боятся, с таким прошлым, которое он не имеет права разделить с Кэти.

Она вошла, как обычно поздоровавшись. И он сразу увидел, что она чем-то обеспокоена. За эти годы он прекрасно научился читать людей и без дара, считывать эмоции, как книгу.

Захотелось подойти, спросить, что случилось, успокоить. Но госпожа Фелина не нуждалась в нём.

– Начнём занятия?

– Да. – Она смотрела словно сквозь него, как будто думала о чём-то своём. Волосы, обычно ровно уложенные, сегодня лежали небрежно. Словно у неё не было сил сделать причёску или мысли были заняты другим.

Как странно, что он уделяет так много внимания женской причёске. Сказал бы кто ему об этом ещё год назад, Тобиас бы не поверил.

Он усмехнулся своим мыслям и взял протянутую госпожой Фелиной руку.

И тут же провалился в воспоминания. Словно она хотела показать ему что-то важное. А может, и правда хотела. Тобиас увидел разговор со слугой, который показался ему странно знакомым, и Джейн, которая не побоялась отправиться за неизвестным человеком в самый опасный район столицы. А потом человек в плаще и голос...

Он отпустил её руку. Ну вот и всё. Наставник вышел из тени. Он знал, что Тобиас прочтёт воспоминания госпожи Фелины. Игра началась. И ставки в этот раз слишком высоки, чтобы он смог проиграть.

– Вы показали мне всё, что хотели?

В этот раз она не стала отпираться.

– Я подумала, что это может быть важно.

– А о том, что в одиночестве разъезжать по трущобам столицы может быть опасно, вы не подумали? – Он разрывался между желанием взять её за руку и как следует встряхнуть и просьбой, почти унижением, не подвергать свою жизнь опасности. Он бы нанял ей охрану. Но кто сможет справиться с Наставником, если он действительно решит взяться за госпожу Фелину? Одна надежда на то, что она ему не интересна, а это – лишь послание для него.

Мысли в голове мешались, ему бы сесть и подумать.

– Он читал вас? – спросил Тобиас резко.

– Нет. Я поставила барьер, как вы учили.

– Хорошо. – Он ей верил. Жаль, что она пока не умеет закрываться полностью, читать другого, не открываясь сама. – Надеюсь, вы не собираетесь соглашаться на занятия с ним?

– А что не так? – Она снова вскинула голову и знакомым жестом поправила медальон.

Несколько секунд он стоял и смотрел на неё. Но сейчас было не то время. Он не имел права упустить её сейчас.

– Вы знаете, кто такой Наставник? – Он понизил голос до шёпота, почти пугая. Пусть она боится.

– Кто?

– Вы же видели в моих воспоминаниях смерть. – Он сглотнул, так и не решившись назвать вслух имя той, что сейчас стояла перед ним. – Виной тому был Наставник.

Да, он сам виноват не меньше, если не больше. Но госпожа Фелина видела всё. По крайней мере, он надеялся, что она успела увидеть в его воспоминаниях то, что ему было нужно.

Он поднял глаза. Джейн вздрогнула, как от удара.

– И вы хотите отомстить ему?

– Не только я, госпожа Фелина, не только. Его величество король Ричард очень желает поймать нашего неуловимого злодея. И вот, кажется, он наконец-то объявился. И ради бога, больше никогда не соглашайтесь на встречу с ним.

Он посмотрел на неё, и почему-то ему не понравился странный блеск её глаз.

– Госпожа Фелина? – Тобиас шагнул ближе, словно преодолевая пропасть, разделявшую их.

Шаг, ещё шаг... Подошёл близко и взял за рукав платья, так, чтобы не прочесть.

Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. Казалось, время остановилось. Тобиас смотрел в её глаза и видел Кэти, наивную и доверчивую, такую чистую и родную.

Он не выдержит! Находиться рядом с ней и не иметь возможности признаться, чтобы услышать ответ. Казалось, он сходил с ума. Надо отойти, отпустить её...

Но он не мог.

– Госпожа Фелина, пообещайте мне, что никогда и ни под каким предлогом вы не будете больше искать встреч с Наставником.

Она сжала губы и упрямо молчала. И тогда он решился.

– Джейн!

Она вздрогнула, как от удара.

– Пожалуйста!

Он готов был встать перед ней на колени, если бы это помогло.

– Обещаю, – тихо сказала она.

Глава 11

Джейн

Ей казалось, что кружится голова. А ещё словно не хватало воздуха.

«Джейн!»

Ей ведь не послышалось?! Джейн не могла уснуть. Ворочалась в кровати, но сон не шёл. Нет, она просто обманывается. Но его голос... Неужели профессор Ритар... Неужели он переживает за неё?

Даже подумать об этом было странно. Да может ли он вообще переживать?! И всё же она знала, что может. Просто он привык держать всё в себе. А ещё, кажется, она уже не представляет себе жизни без его уроков. Это глупо, безумно глупо! Но так хочется увидеть его снова. Услышать снова её имя из его уст.

Джейн боялась даже подумать, что за чувство испытывала сейчас. И не хотела давать ему название. Всё, что она чувствовала, безумно само по себе. Кто его мёртвая любимая – и кто она! А ведь живые никогда не выдерживают состязания с мёртвыми.

И всё же его глаза не лгали. И голос... Такой мягкий, глухой, завораживающий – мурашки по коже.

Джейн даже помотала головой, словно избавляясь от наваждения. Она просто хотела видеть профессора, хотела, наверное, разгадать его тайны, хотела читать его. И как бы он ни пытался оттолкнуть её, она хотела быть рядом, несмотря ни на что.

Почему он привлекает её больше, чем такой добрый и милый Фредерик, Джейн не знала и даже думать не хотела об этом. Ей было достаточно того, что есть сейчас. О большем она боялась думать и надеяться. Это было слишком хорошо и... больно.

Проворочавшись до утра, она встала с постели невыспавшаяся. Но даже мысли не было не идти на занятие. Ей почему-то казалось, что профессор Ритар нуждался в ней больше, чем она в нём, отчаянно нуждался. И Джейн не собиралась делать ему больно.

Позавтракав, она собралась и, отчаянно зевая, отправилась в университет, надеясь, что холодная погода поможет проснуться.

– Ну, госпожа Фелина! – Он усмехнулся. – Чем вы меня порадуете сегодня?

А Джейн вдруг подумала, что действительно хотела бы его порадовать. И более того: сделать всё, чтобы он снова улыбнулся. Хотелось разгладить морщины на его лбу и убрать тени, что залегли под глазами.

Она с трудом отвела глаза, успев поймать его какой-то жадный взгляд. Словно он смотрел на неё и не мог насмотреться. Да что он увидел в ней?!

Джейн смело взяла профессора за руку, даже не думая строить барьер. Ей хотелось его читать. Пусть это неправильно, пусть эти занятия не помогут ей, но ей хотелось, чтобы это сладкое сумасшествие продлилось как можно дольше.

Он сидит за столом. Перед ним в беспорядке разбросаны бумаги. Тобиас думает и вспоминает. Столько времени прошло, а он не может или не хочет забыть. Ричард говорил не держаться за прошлое. Вот только само оно держится за него крепко и не отпускает. Оно проросло в него. И, наверное, это даже нужно для того, чтобы не сойти с ума.

Его Кэти... Тобиас нащупывает на шее цепочку и вытаскивает её, чтобы ещё раз рассмотреть то, что на ней висит. Рассмотреть и не забыть. Кольцо. То, что осталось у него от Кэти. Только это кольцо, которого касалась она и которое она отвергла. Да ещё воспоминания, сущая малость. И всё же он не забудет её, пока не умрёт.

«Пока смерть не разлучит нас».

Он усмехается.

– Вот ведь как глупо, – говорит Тобиас вслух, и сам почти пугается собственного голоса. В пустом доме тот звучит глухо и надтреснуто. Словно он болен. Да, так и есть – он давно и глубоко болен, глубже, чем может показаться. Только болит у него душа, а не тело. – Все они говорят – пока смерть не разлучит нас. Не разлучит, пока есть память.

Он свято верит в то, что говорит. Иногда от этих слов становится легче. На какое-то время он почти забывает... И поэтому разрешает себе говорить. А ещё – смотреть.

Тобиас жадно вглядывается в кольцо, что так ярко и радостно блестит, словно вся радость ещё впереди, а потом вдруг прижимается к нему губами.

Джейн опять словно вынырнула из воспоминаний и отшатнулась. Ей было больно и тяжело. И в то же время накрыл почти восторг. Так любить, до боли! Это ведь надо уметь! Кажется, она сошла с ума! Безумие профессора заразно. Иначе почему она в восторге оттого, что он любит не её? Словно ей надо, чтобы её любили. Нет, не любили, а любил один он.

Джейн сжала губы. Она боялась признаться себе в том, что не мыслит больше жизни без профессора Ритара. И ей это совсем не нравилось!

– Так что у вас там получилось, госпожа Фелина? Барьер ваш никуда не годится.

Джейн кивнула, как зачарованная глядя на профессора.

– Я знаю, – тихо ответила она.

Хотелось подойти и дотронуться до него, просто прикоснуться и не провалиться в воспоминания, убрать прядь волос с лица, ту самую, тронутую сединой.

Он нахмурился после её ответа. Складка пролегла между бровей. Наверное, думает, как с ней быть.

Она и сама не знала. Но профессор удивил её. Он ничего не ответил, только покачал головой, а потом отвернулся и отошёл к окну.

– Госпожа Фелина, если так пойдёт дальше, я не смогу вам больше помочь, и наши занятия надо будет прекратить.

Джейн вздрогнула как от удара. Да, она знала, что этим занятиям рано или поздно придёт конец, но за возможность видеть его цеплялась как за что-то жизненно необходимое. И когда он только успел так сильно прорасти в её сердце? Она пыталась найти ответ – и не находила. Но так рано... Или для него эти занятия с ней тоже мучение?

Она подняла глаза и встретила с профессором взглядом. Несколько секунд Джейн терялась в его тёмных глазах, а потом он

добавил:

– Вы, без сомнения, очень способная ученица. Но далеко ещё не полностью овладели своим даром. Задача наших занятий – помочь вам это сделать. Если вы продолжите упорно не хотеть заниматься, вам придётся подыскать другого учителя. И я думаю, как бы его величество не посоветовал вас в ученицы господину Тавиру. Или, может быть, вы уже не против? – И профессор Ритар усмехнулся. Зло так.

Джейн сжала губы. Вот специально он!

И всё же она не могла его ненавидеть. Хотела – и не получалось. Хотя своими колкими намёками он выходил за рамки дозволенного. Хотелось вклеить ему пощёчину и убежать.

Вот только в его глазах ей чудились отголоски боли. Словно он сам говорил: ну давай, разозлись на меня, убеги. Давай. Словно он хотел этого.

А может, ей всё это только казалось? Может, она только придумала всё это себе?

– Я поняла, – кивнула Джейн.

Надо доказать ему, что она самая способная ученица. А читать... Читать его она сможет и потом. Почему-то Джейн была в этом уверена.

Тобиас

Всё пошло не так. Он больше не мог держать госпожу Фелину на расстоянии. Не мог грубить ей, когда сердце разрывалось от желания прижать к себе и сказать то, что не успел договорить тогда. Он просто не мог насмешничать и иронизировать. С кем угодно, только не с ней. Он думал, эта грубость проросла в нём, да так сильно, что с корнем не выдерешь. Но с Кэти он снова становился самим собой – влюблённым подростком, с обожанием смотревшим на золотоволосую девочку.

Тобиас ненавидел себя за это, но ничего поделать не мог. Его жизнь дала трещину ещё тогда, когда он назвал её по имени. Ей больше шло милое и скромное Джейн, чем аристократическое Кэтрин. И сама она была неброской, скромной. Не такой, как его Кэти внешне.

И всё же это была она. Словно две стороны одного человека.

С этим надо было что-то делать!

Он с силой стукнул кулаком по столу. Так, что подпрыгнула чернильница, а листы бумаги вспугнутыми птицами разлетелись в разные стороны. И отпустить её сейчас так просто он не мог. Особенно теперь, когда Наставник вышел из тени. Хотя Тобиас был больше чем уверен, что тот не тронет госпожу Фелину. Не сейчас.

И всё-таки он поставил бы на что угодно, что ждать осталось недолго. Только вот с какой стороны Наставник нанесёт удар, Тобиас не знал. И это пугало. Потому что Наставник не разменивался на мелочи. Если ему почти удался захват власти тогда, неужели он не повторит то же самое сейчас, учтя все свои ошибки? И как бы не было поздно...

Одно успокаивало: Ричард ненавидел его почти так же сильно, как и сам Тобиас. А у короля всё-таки побольше возможностей.

Тобиас оделся и вышел из дома. В университет он не опаздывал никогда. Ему самому доставляла удовольствие собственная пунктуальность. По сути, ещё одна попытка утереть носы аристократам, с которыми он соревновался всю свою жизнь, чтобы доказать... что?

Он и сам не знал. А главное теперь: и зачем?

Открыв ключом дверь в свой кабинет, он едва не споткнулся. Что-то или кто-то лежало прямо под дверью, загораживая проход.

Тобиас переступил это нечто, закрыл кабинет на ключ и зажёл светильники, чтобы понять, что игра началась. Возле двери лежал студент университета, Дерек Авени, мелкий аристократ. И он абсолютно точно был мёртв.

Джейн

Она самым безобразным образом проспала. Джейн спешила в университет, почти бежала, так быстро, как только возможно. Немного притормозила у входа и едва не столкнулась с Фредериком.

– Джейн, – улыбнулся он. – Я так рад тебя видеть.

– Извини, я спешу на занятия.

Джейн действительно спешила. Дни летели для неё безумным хороводом, так что она почти позабыла Фредерика. И уж точно не

помнила, когда они последний раз встречались и вот так просто гуляли. Она не хотела давать ему лишних надежд.

– Боюсь, занятий не будет.

– Как это? – Джейн резко остановилась, словно налетела на стену.

– Профессор Ритар заперся у себя в кабинете и никого не принимает. Сегодня занятия у Треверса и Мартинса с пятого курса. Но он им из-за двери ответил, что занятий не будет, и отправил домой.

– Быть такого не может! – поразилась Джейн. На её памяти никогда такого не было. Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. – Может, ему плохо?

И тут же страх змеёй заполз в сердце. А вдруг профессора отравили или что ещё похуже? А он... С него станется умереть и отправиться вслед за своей Кэти. Из увиденного в его воспоминаниях вполне можно сделать вывод, что профессор был бы только рад такому исходу.

– Да что ему сделается! Просто занят небось! – отмахнулся Фредерик.

Но Джейн уже его не слушала и бросилась к кабинету профессора.

– Профессор! Профессор Ритар! Откройте! – Она постучала в дверь, надеясь, что, как обычно, дверь откроется и покажется он. Невозмутимый, как всегда.

Джейн всё бы отдала, чтобы было действительно так. Вот только почему-то в душе росла уверенность, что так просто уже не будет.

Конечно, никто ей не открыл. Постепенно вокруг собралась толпа любопытствующих студентов. Кто-то откровенно злобствовал, кто-то насмеялся, но Джейн не услышала ни одного хорошего слова о профессоре.

– Откройте, профессор! – Она постучала снова, впрочем, без особой надежды. Если он не откроет, она выломает дверь.

Но как ни странно, щёлкнул замок, и дверь бесшумно отворилась. Профессор Ритар осмотрел толпу и хмыкнул.

– Боюсь, госпожа Фелина, занятия всё-таки придётся отменить.

– Почему?

Вместо ответа он отошёл, и Джейн увидела лежащего на полу человека. Он абсолютно точно был мёртв. Её замутило.

А кто-то из студентов вдруг крикнул:

– Да это же Дерек Авени! Королевских гвардейцев сюда!

– Не трудитесь! – усмехнулся профессор Ритар. – Его величество уже в курсе случившегося.

– В курсе того, что вы приложили руку к убийству Дерека? – нашёлся кто-то, самый смелый из студентов.

Джейн по голосу не поняла – кто. Она плохо знала друзей и однокурсников Фредерика.

Джейн думала, что профессор ответит, огрызнётся, но он молчал. Неужели он и правда убийца? Исходя из его прошлого – вполне может быть, особенно если этот студент как-то связан с Наставником. В своей мести профессор не остановится ни перед чем.

И Джейн не знала, имеет ли право судить его. Может, конечно, он невольный убийца, но...

Она сама не поняла, почему при мысли об этом почувствовала не страх, а тоску. Подняла голову и встретилась взглядом с профессором. Он пристально смотрел на неё. Ей даже показалось, с той же тоской во взгляде.

Джейн первая отвела взгляд, не в силах смотреть на него. Потому что если это правда, то она... не знает, как тогда дальше жить.

Студенты не спешили расходиться. Все ждали гвардейцев. И те не замедлили явиться. Прошло всего-то, наверное, с четверть часа. Но профессор Ритар не стремился никуда сбежать и в целом не выглядел так, словно убил человека. И Джейн постепенно успокаивалась. Так что к прибытию гвардейцев она уже взяла себя в руки.

– Что здесь произошло?

– Убийство, господин капитан. – Один из студентов вышел вперёд и показал на тело несчастного Дерека. – И профессор был в кабинете вместе с убитым. – Осмелев, он ткнул пальцем в профессора.

Да, его не просто не любили в университете – ненавидели. И если честно – он не сделал ничего, чтобы избежать этого.

Джейн ожидала чего угодно: что профессора заключат под стражу и уведут или что будут допрашивать его... Но не того, что действительно произошло.

– Мы уже знаем об этом происшествии. Родственники господина Авени уже оповещены.

– Отнесите тело господина Авени к его родным, – приказал гвардейцам профессор так, будто ничего и не случилось. Он был

абсолютно спокоен. Словно перед ним не лежал мёртвым один из его студентов.

Джейн и понимала это, и в то же время не могла принять. Смерть – это всегда больно. Она старалась не смотреть на тело того, кто ещё совсем недавно ходил по земле. И хотя она никогда раньше не видела этого студента, ей всё равно было тяжело.

– Хорошо, господин профессор. – Капитан чуть ли не честь отдал профессору. Словно они были хорошо знакомы (а может, и были).

Тело унесли. Гвардейцы развернулись, чтобы уйти.

– А как же профессор? Вы даже не заключите его под стражу?

Спросивший явно сильно ненавидел профессора Ритара. Хотя чему она удивляется? Сложнее найти того, кто бы не ненавидел его.

– Профессор Ритар вне подозрений, – равнодушно ответил капитан гвардейцев, даже не повернувшись.

– Вы так хотите моего ареста? – Профессор шагнул к толпе студентов и хищно усмехнулся.

Сейчас Джейн поверила бы во что угодно, настолько пугающе он выглядел.

Естественно никто ему не ответил. Наоборот, втянули головы в плечи.

– Так чего тогда стоим? У меня здесь не бесплатный цирк. А вас, госпожа Фелина, прошу на занятие, раз уж вы так настойчиво этого желали. – И профессор приглашающим жестом распахнул дверь.

Джейн шагнула вперёд. Только шаг – и тут же остановилась.

– Джейн! – окликнул её Фредерик. – Ты останешься с ним? Один на один? – Он говорил так, словно профессор Ритар не мог их слышать. Так, словно имел на это право, а она дала ему какую-то надежду.

И это разозлило её.

– Это всего лишь занятия, – мягко ответила она.

– А если он действительно убийца? – Фредерик произнёс это слово негромко, но и не шёпотом, не таясь. Так, словно он совсем не боялся профессора Ритара. Хотя, как знать, может, действительно не боялся

– Если я действительно убийца, господин Деверси, и захочу убить госпожу Фелину, вы меня не остановите. – Фигура профессора Ритара возникла в проёме двери. Весь в чёрном на фоне едва освещённого

провала кабинета он действительно внушал ужас. – Но вы можете подождать окончания занятий снаружи. Прошу!

И он отступил, приглашая внутрь.

Джейн немного замешкалась. Нет, она не боялась. И не думала, что профессор Ритар действительно виновен. Он всё-таки не такой человек, чтобы убивать без причины. Но на какое-то короткое мгновение она вдруг представила, что он действительно убил этого несчастного, и ей стало плохо.

Она подняла глаза и встретилась со взглядом профессора. И он так смотрел на неё, что Джейн едва не задохнулась. Боль и тоска...

– Джейн... – почти прошептал он. Так тихо, чтобы не расслышал Фредерик. – Вы можете не бояться меня. Я не причиню вам вреда.

Сердце забилося, застучало как сумасшедшее, а в груди вдруг стало жарко. Джейн шагнула внутрь, даже не обернувшись на Фредерика. И дверь захлопнулась за ней, словно отделяя от всего остального мира. Мира, в котором были все люди, но не было профессора.

– Сейчас у вас будет новое задание. – Его голос и тон – ничто не напоминало о том, что он только что сказал. И всё же глаза говорили совсем другое. Словно ему было важно... – Возможно, вы тоже думаете, что убийца – я.

– Нет, – покачала головой Джейн.

Он не ждал ответа и, может быть, даже не поверил ей. Но она должна была ответить. Подняла глаза – и снова этот его взгляд. Чёрные глаза-омуты затягивали, проникали в душу. А ещё тоска и снова эта жадность.

– Смотрите. – Он протянул ей руку. – Найдите моё воспоминание и посмотрите, убивал я, или нет.

Для него это почему-то было важно. И она абсолютно точно не ошиблась. Ему было очень важно знать, как она о нём думает.

Джейн схватила его руку, которая сегодня обжигала, словно огнём, и провалилась в серые коридоры. Но сегодня она не блуждала бесцельно, а знала, что хотела найти там. События последнего дня – почти на поверхности. Несколько мгновений – и она нашла то, что искала.

Он действительно не убивал. И не скрывал этого от неё. И ему было важно, чтобы она знала правду.

Джейн отпустила его руку. На душе было весело, хотелось петь, словно птичка.

– Ну, вы нашли то, что я попросил? – Голос звучал глухо.

Отойти, отодвинуться от него, не привыкать.

Но поздно. Джейн понимала, что уже поздно. Она не могла не любить профессора Ритара. Он словно пророс в ней самой, в её душе, во всём её существовании. Любить его было больно, но не любить – означало не существовать.

– Нашла, – тихо ответила Джейн.

– Это хорошо!

Он не дотронулся до неё, просто стоял рядом. Но в его глазах ей читалось облегчение и что-то ещё странное. Что-то, чему она не могла дать названия.

– Что ж, продолжим занятия.

Глава 12

Джейн

После случая с несчастным Авени прошло несколько дней, таких быстрых, словно и не дни были вовсе, а минуты. Джейн окрылённая летала по дому и с нетерпением ждала занятий с профессором. Ей казалось, что для него тоже важны эти занятия и важна она сама. Иногда даже казалось...

Но она останавливала себя. Не хотела лишний раз надеяться и всё же надеялась.

И на фоне этих занятий терялось главное событие года, которого с нетерпением ждали все первокурсники: Королевский бал. Так уж повелось с момента основания университета, что его величество устраивал бал в честь первокурсников. И на этот бал можно было попасть лишь раз в жизни: на первом курсе университета.

Джейн даже не думала о празднике. Формально она никоим образом не относилась к университету, и ей не стоило ждать приглашения. Но если бы она даже получила его... Пойти на бал без профессора Ритара... танцевать там и веселиться, зная, что он в это время сидит один в своей мрачной комнате и предаётся воспоминаниям, было выше её сил. Вольно или невольно, но она всё время думала о нём, пыталась угодить ему и понравиться, если это вообще возможно.

Он пугал её. Пугал не так, как раньше, в самом начале их занятий, а тем, что вдруг становился мрачен или насмешлив. Словно он носил маски, и она никогда не могла сказать, где заканчивается очередная маска и начинается он настоящий.

А ещё она малодушно боялась того, что профессор вдруг скажет о завершении занятий. Что она тогда будет делать?

После того случая и Фредерик отдалился от неё. Словно он всё понял. Да, наверное, все уже поняли, что она влюблена в профессора Ритара. Все, кроме него самого.

Джейн мрачно усмехнулась. Либо он изменится, либо она скоро станет похожа на него. Она отдавала себе в этом отчёт, но не знала, что и как можно изменить.

– Добрый день, профессор, – улыбнулась она, войдя в его кабинет. Ей так хотелось увидеть улыбку на его лице! Джейн ведь знала, что он умеет улыбаться.

– Добрый день. – Он холодно кивнул. – Ну что ж, продолжим занятия по поиску нужной информации. Барьер вы со мной вряд ли научитесь строить. Ну хотя бы так. Попробуйте увидеть, что я делал вчера.

– Хорошо, – кивнула Джейн. Сосредоточилась и... снова попала не туда.

Тобиас стоит у камина и разглядывает языки пламени. Его увлекает эта безумная игра, помогает отвлечься, не думать.

– Ну что, как у тебя дела? – спрашивает его величество король Ричард.

– Ты знаешь. Зачем спрашивать? – усмехается Тобиас и подкидывает дров в камин, глядя, как пламя жадно слизывает подачку. Огонь совсем как тогда...

Тобиас зябко ёжится и отворачивается от камина.

– Женить тебя, что ли... – вдруг задумчиво произносит Ричард.

Тобиас вздрагивает и поднимает глаза на короля.

– Пожалейте мою будущую жену, – усмехается он.

Вместо ответа Ричард подходит и пристально смотрит в его лицо. Что он там хочет найти? Тобиас не знает и знать не хочет.

– Ты ещё не забыл свою Кэти? Столько лет прошло...

– Не забыл и не забуду. Никогда, – жёстко отвечает он и снова отворачивается.

Он не хочет забывать. Даже если потеряет память, воспоминание о ней останется в душе навсегда, хотя, наверное, забыть было бы милосерднее.

Но Тобиас не хочет этого. Кэти можно стереть из его памяти только с жизнью. Она – единственная радость, что была в его жизни. Солнце, которое освещало ему путь. Без неё он блуждает во тьме.

Джейн вынырнула из воспоминаний, как обычно: резко, словно её кто-то вытолкнул.

– У меня не получилось, – тихо призналась она.

Нет. Он любит Кэти. И никогда не посмотрит в её сторону. Её мечты бесполезны.

Но профессор ответил на удивление спокойно:

– Попробуйте ещё раз, госпожа Фелина. – И снова протянул руку.

Тобиас

Вот сегодня. Сейчас. Иначе он больше не сможет сдержаться и натворит не пойми каких глупостей. А он... должен её отпустить. Она ничего не помнит. Значит, жизнь даёт ей второй шанс. Не для того, чтобы он испортил ей жизнь снова. Тем более пока жив Наставник и его прихвостни, с ним она будет в опасности. Если они догадаются, как она дорога ему...

Тобиас сжал губы. Пора.

Госпожа Фелина снова смогла прочитать его, и снова не то, что надо. Зачем она интересуется им? Зачем играет с огнём? У неё есть молодость, красота и состояние. Любой молодой человек её – стоит только захотеть. А впереди – безоблачная жизнь.

И всё же он не мог насмотреться на неё. Вот сейчас он оттолкнёт её. Вот сейчас. Он должен.

И госпожа Фелина, его Кэти, упростила ему задачу. Она вдруг потянулась к нему, словно не осознавая, что делает. Дотронулась до его волос и убрала прядь, упавшую на лицо.

Тобиас жадно смотрел на неё, впитывал её всю до капли. Ведь сейчас надо сделать то, из-за чего потом дороги назад не будет. Хотелось прижать её руку к губам, хотелось сказать о том, что он всё для неё сделает.

Но иногда лучше отпустить.

– Госпожа Фелина, не пытайтесь соблазнить меня. – Он резко оттолкнул её руку, стараясь не дотронуться до кожи. Свой голос показался хриплым карканьем. Он был сам себе противен. – В моей жизни была всего одна любовь, и это явно не вы.

Оттолкнуть посильней, сделать больно. Так, чтобы она никогда к нему больше не пришла. Так, чтобы возненавидела. Что-что, а ненависть он внушать умел.

Она вздрогнула, как от удара, и неверяще посмотрела на него. Он сам дурак, дал ей повод. Но лучше пусть думает, что он – чудовище и просто развлекался. Пусть так.

– Ненавижу вас! – прошептала она. – Как же я вас ненавижу!

– И правильно. Ненависть лучше любви, госпожа Фелина. А любовь достойна лишь женских романов.

Джейн несколько секунд смотрела на него. Но он стоял прямо и насмешливо улыбался. И, наверное, его улыбка напоминала оскал. Так надо. Прости, Кэти. Прости.

Вдруг она всхлипнула. По щеке прочертила дорожку одна слезинка, потом другая... Подойти, стереть бы эти солёные слёзы. И сделать так, чтобы она никогда больше не плакала. Но Тобиас заставил себя стоять и усмехаться, так что лицо превратилось в маску.

Несколько секунд – и Джейн резко развернулась и выбежала, хлопнув дверью. Так, что шторы взметнулись от порыва ветра.

– Удачи, госпожа Фелина на любовном поприще! – крикнул он вслед, чтоб наверняка. Потом закрыл дверь на ключ, прислонился к ней спиной и медленно сполз на пол. Ну вот и всё. Вот и конец. Она больше не придёт.

Лицо словно свело судорогой.

– Ну вот и всё, – прошептал он вслух, потом уронил голову на руки и замолчал.

Было больно. Очень. Словно он снова хоронил её. И одиноко. Вряд ли он теперь ещё увидит её так близко.

Он никогда не понимал, что в нём нашла эта красивая и богатая девочка, потомственная аристократка из рода Эмирансов, который восходит к самому королю. Но в детстве простительно совершать ошибки. А сейчас он этой ошибки не допустит. Потому что кто он – и кто она?

– Нищеврод!

Голос из прошлого вдруг зазвучал в голове так насмешливо ясно, что он вскочил и с грохотом опрокинул стул, только чтобы заглушить его.

– Иди к Фредди, госпожа Джейн. Иди. С ним ты будешь счастлива.

Джейн

Джейн выбежала из кабинета, хлопнув дверью. Да пусть подавится! Она ненавидит его! Ненавидит! Она влюбилась в призрак, в чудовище. Он всё видел! Знал – и молчал! Видел её как на ладони, смотрел её глазами, дышал её грудью, чувствовал её сердцем. Да он, верно, вообще ледяной. У него нет сердца!

Он читал её душу и пользовался ею. Развлекался, поддерживал – и вдруг раз! – и словно пощёчина. Ты слишком высоко взлетела, Джейн. Ты – не его покойная любимая и никогда ею не будешь. Никогда.

Она больше никогда не придёт к нему.

Ей было больно. Злые слёзы прочертили дорожки на щеках. Джейн подпустила профессора Ритара слишком близко, посмела надеяться, что он её полюбит. И получила замечательный урок. Лучший, чем все его уроки до этого. Полезнее, по крайней мере.

Джейн ненавидела его, злилась и бог знает что ещё. Только почему она тогда плачет? Почему ей так больно? Сможет ли она разлюбить, узнав, что человек, в которого она влюблена, оказался мерзавцем и циником? Или всё уже слишком далеко зашло?

Джейн выбежала из университета и бросилась прочь. Хотелось на воздух, стены душили. Уехать бы из этого города. Сбежать! Прочь отсюда хотя бы ненадолго!

– Джейн! – окликнул её Фредерик. – Джейн!

Но она только ускорила шаг. Она не хотела никого видеть и ни с кем разговаривать. Единственный человек, который был для неё важен... Оказалось, что этому единственному нет до неё дела.

– Да постой же ты, Джейн! – Фредерик догнал её и схватил за руку, чтобы остановить.

И Джейн не удержалась. Забыв про все барьеры, она снова провалилась в серые коридоры. Только в этот раз она читала вовсе не профессора.

– Говорят, приезжает наследница огромного состояния Грефонтейлов. Некая Джейн Фелина. – Арно Лис, как они привыкли его называть, поворачивается к нему.

– Да? Ничего об этом не слышал. Откуда только ты берёшь такие новости? – Роб пристально смотрит на Арно.

– Птичка на хвосте принесла, – усмехается Лис, а потом продолжает: – Говорят, она молодая и красивая... – Он мечтательно закатывает глаза. – А дядюшке её недолго осталось.

– Завидная невеста, стало быть? – Роб придвигается поближе к ребятам. – А ты что молчишь, Фредди?

– Я слышал что-то такое, – отвечает он словно нехотя. – По правде говоря, господин Грефонтейл давно уже намекал на свою племянницу моему отцу. Но я её ни разу не видел.

– О!!! Да ты у нас без пяти минут жених! – восклицает Лис.

– Да не хочу я жениться! – досадливо отмахивается он и пытается отшутиться: – Это не входит в мои планы.

Но от Арно так просто не отвяжешься.

– Говорят, эта девчонка – такая штучка, что на тебя и не посмотрит! Тем более с таким состоянием! Кому ты нужен, Фредди? Смирись! – Роб хлопает его по плечу.

– Э-э-э, нет. Наш Фредди не согласен. Верно, Фредди? – улыбается Лис.

Это вызов? А почему бы и нет? Он сдаётся.

– Чего вы хотите, ребята?

– Ставлю бутылку ставийского, что она на тебя и не взглянет.

– А я ставлю бутылку флери, что уже через полгода назову её невестой. – Фредерик улыбается и принимает вызов.

– О! Ну ты даёшь! У меня нет никакого желания ухаживать за колючкой, будь она даже три раза наследницей огромного состояния. Мне, знаешь ли, голова дороже денег. К тому же говорят, что она воспитывалась в провинции. В каком-то пансионе. И взгляды и манеры у неё небось монашеские. – И Лис хохочет.

– И всё же я рискну.

– О! Ну тогда по рукам! – Они с Лисом и Робом ударяют по рукам.

Джейн вынырнула из воспоминаний.

– Джейн! – Фредерик смотрел на неё.

Значит, и он тоже? Да сегодня просто безумный день! Есть ли в этом мире хоть кто-нибудь, кто не лгал бы ей и не притворялся?!

– Значит, бутылка флери, да? – Джейн с презрением взглянула на него. Она-то думала, что хуже поступка профессора ничего не может быть. Оказывается, нет, может. Фредерик, которого она с первых дней пребывания в городе считала другом, оказался куда хуже. Поспорил на неё, оценив в бутылку вина. Вина!

– Джейн! – Он в ответ мучительно покраснел. – Это было давно. Я ошибся! Прости! Джейн!

Но она развернулась, вырвала руку и, ничего больше не слушая, бросилась к дому. Она больше такого не выдержит.

И только влетев домой и бросив плащ в прихожей, Джейн разрыдалась. Слезы душили её. Злые слёзы, больные. Ей действительно надо уехать! Её больше ничего здесь не держит. Уроков нет, друзей нет. Разве что дом и состояние. Но она не удивится, если и это вдруг окажется пшиком. Вся её жизнь окажется пшиком.

Она никогда ничего не имела, и не надо вдруг обманываться. Хотела устроиться гувернанткой и честно, с чистой совестью, учить детей. Скопить потихоньку на домик где-нибудь у моря, открыть свою школу и доживать свои дни почтенной старой девой. Вот и нечего было менять планы!

Джейн печально усмехнулась, потом вытерла слёзы и посмотрела в окно на заснеженный сад. Зима в столице царила недолго. А совсем скоро должна будет отступить и отдать законное место весне.

Только вот она как профессор. Вряд ли весна скоро придёт в её сердце. По правде говоря, она так и не смогла возненавидеть его. Раз за разом говорила, что он просто воспользовался ею, что не любил её и даже отголоска чувств не испытывал, что просто развлекался... И всё равно не могла ненавидеть. Она видела его воспоминания, его боль, его мысли и мечты. Пусть о другой. Но она и не претендовала на её место. Просто он был слишком жесток. Ведь она ничего не хотела. Просто быть рядом, видеть его, заниматься. Всё. Ей больше ничего от него не надо было.

Разве не жестоко, что он высмеял её за то, над чем она была невольна? Разве человек может вот так, по дуновению ветерка полюбить или разлюбить?

Только за это она осуждала его. Но, пожалуй, больше заниматься с ним она не сможет. Не сможет смотреть ему в глаза и вспоминать эти жестокие слова. Как будто она когда-то пыталась его соблазнить!

Джейн скривилась, как от боли. Теперь придётся самой искать себе учителей. И попросить некого. К Тавиру она абсолютно точно не пойдёт.

Мелькнула мысль о Наставнике, но тут же пропала. Она дала обещание и не нарушит его. Значит, придётся искать Читающих за пределами столицы. Вот и повод нашёлся, чтобы уехать. И лучше прямо во время бала, когда все будут заняты на празднике и никому не будет до неё дела. Поехать в провинцию, снять небольшой домик и пожить там, спокойно и свободно. Там никто не будет знать о её даре и никто не будет от неё шарахаться.

Да. Точно. Так она и поступит.

Джейн вытерла слёзы и взяла тетрадь. Сейчас она запишет, что взять с собой, чтобы не забыть.

Открыла на первой странице и сжала губы. Перед ней красовался профиль профессора и подпись: «Профессор Тобиас Ритар». Она как-то сделала этот набросок и сама же забыла. А теперь он словно жёг ей глаза.

Вырвать и выбросить? Она не могла. В чём он виноват? В том, что жесток, ироничен и вообще противен до бешенства? Так она знала, что он такой. И всё-таки – он лучший. И другого ей не надо. Ненавидеть его вместе со всеми было бы спокойнее, тем более что её любви он не желает.

Но она не могла.

– Тобиас! – произнесла вслух, глядя на набросок.

Так глупо! Она разговаривает с портретом. И всё-таки это имя отдавалось в ней болью и радостью. Чем-то таким, чему она сама не могла дать названия. Словно она давным-давно его знала и так тесно переплела свою жизнь с его, что вовек не распутаешь. Если бы только она могла сказать ему, что чувствует! Но он ведь читал её. Значит, для него это ничего не значит.

Она вздохнула.

За ужином она почти ничего не ела. Ночь тоже не принесла покоя. Поворочавшись несколько часов в постели, Джейн встала, накинула плащ и вышла в сад.

Здесь уже чувствовалось дыхание весны. Аллея была пустынна, дом спал, и только фонари горели, разгоняя мрак. Неужели теперь такой мрак будет в её жизни всегда, а день так и не наступит?

Ответа на этот вопрос не было. Но стены дома душили, словно мешая дышать. Почти до рассвета Джейн в тишине и одиночестве бродила по заснеженному саду, а утром забылась беспокойным сном, в котором профессор Ритар снова и снова повторял ей обидные и колкие слова:

– Мне не нужна ваша любовь, госпожа Фелина, зарубите себе на носу. Вы – ничтожество. Я люблю только свою Кэти.

Он отворачивался и уходил, а она звала его и... не просыпалась. Сон просто повторялся сначала.

А утром к ней, бледной и невыспавшейся, с кругами под глазами и опухшими от слёз веками, постучала служанка.

– Госпожа, там господин Деверси просит его принять.

Глава 13

Фредерик, значит, явился! Джейн чувствовала презрение и злость. Профессора она хотя бы могла понять. А вот таких мотов и прожигателей жизни, как Фредерик и его друзья, – никогда.

– Передайте ему, что я не желаю его видеть. Ни сейчас, ни когда-либо впредь, – зло отчеканила она. О, теперь она, кажется, становится похожа характером на человека, в которого так неосмотрительно и глупо влюбилась.

Она усмехнулась, потом скривила губы. Слезы снова навернулись на глаза. Глупые и злые слёзы.

Джейн сглотнула их и отправилась завтракать.

К обеду список вещей был готов. Собираться, пожалуй, ещё рано. Надо сначала разузнать, где живут сильные Читающие, а потом уже думать о поездке туда. Снять домик она сможет и на месте, а проживёт пока в гостинице.

После обеда она надумала прогуляться до городской библиотеки. Правильно, где ещё искать информацию, если не там.

Джейн подошла к окну, желая вдохнуть свежий и уже почти весенний воздух, и увидела знакомую фигуру в саду. Фредерик маячил у неё перед окнами. Он что, так с утра тут и стоит?

Она сжала губы и отвернулась. Видеть его не хотелось. Никуда она сегодня не пойдёт. А если он и завтра продолжит тут стоять – вызовет гвардейцев. Всё-таки это её дом. Хочет гулять – пусть прогуливается за забором. Можно, конечно, приказать слугам вышвырнуть его, но... Джейн не хотела уподобляться богатым вершителям чужих судеб. Хочет стоять – пусть стоит. Это не её дело.

До вечера она нашла чем себя занять: перечитывала книги, решала, какие платья возьмёт с собой, а какие оставит. Это помогало хоть немного отвлечься, не думать о том, что она больше никогда не увидит профессора Ритара.

Никогда... Какое большое и чужое слово. А ещё в нём звучит отчаянье. За всю жизнь больше никогда.

Вечером Джейн выглянула в окно. Фредерик всё ещё стоял там. Сумасшедший!

Она поплотнее задёрнула шторы и легла спать. Как ни странно, спала она хорошо, вот только ей опять снился профессор, который разворачивался к ней спиной и уходил. Джейн бежала за ним, кричала, просила взять с собой. Но он неумолимо шёл вперёд.

Проснувшись она от собственного крика и со слезами на глазах. Кое-как собралась и отправилась на завтрак.

А после завтрака пришла служанка.

– Госпожа, – на её лице читалась растерянность, – господин Деверси просит принять его. Сказал, что никуда не уйдёт, пока вы не согласитесь. Он всю ночь простоял в саду. А на улице-то не лето.

Давит на совесть, значит? Но Джейн действительно не хотела, чтобы кто-то погиб из-за её жестокосердия. Фредерик не стоит того. Даже интересно, что он может ей сказать.

– Хорошо, – немного помедлив, ответила она. – Пусть войдёт.

И прошла в гостиную – ожидать его.

– Джейн! – Фредерик вошёл и сразу подскочил к ней. – Прости меня! Дай возможность объясниться. Я всё расскажу. Пожалуйста, только выслушай меня!

– Хорошо. – Она повернулась к нему. – Я слушаю тебя, Фредерик.

Он потупился, словно не знал, как начать. Смущение очень шло ему, делая такие ещё мальчишеские черты более мужественными. Но Джейн поймала себя на мысли о том, что смотрит на него как на друга или брата, не больше. Поэтому и его предательство не ранило так больно, как могло бы.

– Я... – начал он, а потом немного помолчал и словно ринулся в омут с головой: – Послушай... Твой дядя давно говорил, что у него есть замечательная племянница. Ещё года четыре назад начал такие разговоры. Мой отец, разумеется, их поддерживал. Они с твоим дядей были очень дружны. Я это всё слышал, но мне не хотелось жениться. Не на тебе, а вообще. Понимаешь, Джейн?! – Он умоляюще посмотрел на неё, словно прося прощения.

Но за что?

– И что? При чём здесь пари? – Ей действительно было интересно. Только ответит ли он?

– Понимаешь, я... Ну... – Фредерик замялся. – Я хотел доказать друзьям, что давно уже самостоятельный и могу сам принимать решения. Ничего личного. Что имею право как отказываться от

свадьбы, так и жениться. Понимаешь? Сам, а не по воле отца. Я ничего не имел против тебя. Я ведь тебя даже не видел. Думал, что объявлю тебя невестой, а потом... – Он снова замялся, видимо, подыскивая нужное слово.

– А потом скажешь, что только забавлялся и это было ошибкой, – жёстко закончила за него Джейн.

И вот за этого хлыща дядя хотел её выдать?

– Я не... – Фредерик потупился. – Ну да. Так и собирался сделать. Но, увидев тебя, не смог остаться безучастным. Да и кто бы смог, Джейн? – Он вдруг встал перед ней на одно колено. – Я влюбился в тебя сразу, как увидел. Тогда же сказал друзьям, что проиграл в споре и отдал им бутылку вина. Я не прошу тебя отвечать на мои чувства. Только одного прошу: не гони меня, пожалуйста.

Фредерик смотрел на неё с такой мольбой, что Джейн поневоле смягчилась. Только на одно мгновение – на одно несчастное мгновение! – вместо Фредди она увидела перед собой на коленях профессора Ритара и едва позорно не разревелась. Что ей до Фредерика и остальных, когда он никогда больше не посмотрит на неё!

Но господин Деверси, видимо, думал, что она обиделась на него. Или бог знает что ещё. Потому что вдруг подскочил с колен и протянул ей руку.

– Прочитай меня, Джейн! Пожалуйста! Я ведь не вру!

Джейн колебалась ровно одну секунду, а потом всё-таки взяла протянутую руку. Фредерик хотя бы сказал, что читать, какое воспоминание. Но потом она вспомнила уроки профессора. Как раз попробует, потренируется.

Он со стуком ставит на стол бутылку вина.

– Что это, Фредди? – Арно смотрит с изумлением.

– Вино. Ваш выигрыш. Я проиграл пари и заявляю, что больше в нём участвовать не собираюсь, – говорит он громко. Так, чтобы слышали и Арно, и Роб.

– Так-так! Ты отказываешься от пари?

– Отказываюсь!

– Что же произошло с мальчиком Фредди? Дай угадаю! – Лис начинает паясничать. – Мальчик Фредди решил, что обманывать бедную девочку нехорошо. Потому что мальчик Фредди влюбился.

– Арно, угомонись! – рывкает Роб. – Он отказывается от пари, но это не значит, что он отказывается от нас, верно Фредди?

– Верно, – кивает он. А в груди становится больно. Влюбился. Какое замечательное слово. Такое же, как и Джейн. И он добавляет, чтобы не было никаких недопониманий: – Это было бы нечестно по отношению к ней. Джейн – замечательная девушка.

– На свадьбу пригласить не забудь. – Лис уже остыл и хлопает его по плечу.

Джейн отпустила руку Фредерика. Она смогла прочитать воспоминания, которые были предназначены для неё, связаны с событием, о котором они говорили и думали. Всё, как учил профессор Ритар. К тому же услышала предназначенное ей признание в любви.

Она должна была радоваться, но чувствовала только тоску. Ничего похожего на тот сладкий восторг, который опутывал её после чтения профессора.

Пусть он и любил не её! Никогда не любил её!

– Спасибо, Фредерик, за доверие, – тихо и серьёзно ответила она. – Но я не могу ответить на твои чувства.

Он нахмурился, но тут же снова улыбнулся.

– Хотя бы не гони меня! Позволь быть рядом!

И Джейн не смогла ему отказать. Она догадывалась, на что он надеется. Наверное, на то же самое, на что надеялась бы она рядом с профессором Ритаром. Но в их случаях это бесполезно. Они оба полюбили не тех.

Они очень мило побеседовали, пока пили чай. Фредди словно чувствовал что-то и ни словом ни намёком не касался профессора Ритара. А она... не могла спросить. Хотя сейчас выслушала бы про него любые новости.

– А знаешь, Джейн... Я ведь не просто так пришёл. У меня есть для тебя маленькая радость.

И он улыбнулся так тепло, что Джейн даже стало немного стыдно за своё равнодушие. Но она не могла (да и не хотела, если уж быть честной) приказать своему сердцу полюбить Фредерика.

И всё-таки при его словах глупое сердце пустилось вскачь. А может быть...

Но нет.

– Что за радость? – Она даже заставила себя улыбнуться Фредерику. Хотя между ними больше не было той свободы. Джейн не знала, как он, но сама точно чувствовала неловкость.

– Его величество король Ричард в этом году решил отступить от правил. И устраивает бал для всех учащихся университета и всех преподавателей. И даже ты приглашена. Руководством университета мне поручено передать тебе приглашение. – И он протянул ей конверт с королевской печатью.

А Джейн слышала только слово «преподавателей». Может ли быть такое, чтобы профессор Ритар тоже пришёл на бал? Или он откажется от королевского приглашения?

Джейн не знала. Но точно поняла, что поездка откладывается. Уехать можно и после бала. Она не сможет спокойно жить, не узнав, будет ли на балу профессор Ритар. А значит, тоже обязательно на него пойдёт. Пусть он не будет танцевать, пусть просто постоит где-нибудь в стороне. Такой высокий, пугающий, похожий на ворона...

Ей всё равно. Главное, увидеть его ещё раз.

– Спасибо за приглашение, Фредерик. – Она почти искренне улыбнулась молодому человеку.

И он просто просиял. Наверное, отнёс это на свой счёт. Но что же ей делать? Он ведь тоже абсолютно глупо надеется. Так же, как и она.

– Я счастлив, что порадовал тебя, Джейн. Бал будет в это воскресенье, в пять часов вечера. Если ты не против, я заеду за тобой.

Джейн раздумывала недолго. Она может пойти на бал одна. Всё равно профессор никогда не пригласит её. Но к чему обижать Фредерика? Просто после бала она скажет ему, что уезжает и чтобы он больше не искал её. Наверное, он быстро утешится.

Джейн улыбнулась своим мыслям, кивнула Фредерику и решила готовиться к балу.

Дни до бала пролетели как один. Джейн делала всё, чтобы у неё не оставалось ни секунды свободы. Не думать о профессоре! Только не думать!

Она выбирала платье. Конечно, все портные в городе были разобраны заранее. К ним выстроилась очередь из клиенток, которые просто мечтали попасть на Королевский бал. А вдруг им улыбнётся удача? Король ведь не женат. Да и кроме него много кавалеров.

Но Джейн это было не важно.

Конечно, она могла потребовать, чтобы её пропустили вне очереди – положение в обществе и состояние позволяли это. Но она не хотела. В конце концов, с балом у неё не связаны никакие надежды. Она может выбрать и готовое платье, которое потом подгонят ей по фигуре.

Этим она и занималась. Узнав, кто перед ними, портные буквально рассыпались в извинениях и льстивых заверениях, что будет всё, что нужно, и чуть ли не завтра. Но Джейн осталась равнодушна к их словам и поймала себя на мысли, что ей всё равно, как она будет выглядеть. Потому что профессор знает её душу и видел её воспоминания. А до внешности ему, кажется, и дела нет. А ради других она одеваться не намерена.

Интересно, его Кэти была красивой?

Поэтому очень скоро платье было выбрано, и наступила утомительная череда примерок. Джейн знала, что приходить на бал в тёмном не принято. Но под её сегодняшнее настроение прекрасно подходили только тёмные цвета. Был соблазн остановиться на тёмно-синем (тем более что ей очень шёл именно синий цвет), но в результате она всё-таки выбрала нежно-голубое.

Фредерик хотел сопровождать её на все примерки и походы в магазин, но она отказалась. Конечно, с ним было бы проще забыться. Но не хотелось давать ему надежду. Ложные надежды убивают, превращают в пыль. Она это знает как никто.

Джейн так и не смогла выбраться в библиотеку. Ничего, после бала ещё будет время. Такие ослепительно долгие и скучные дни.

Она сжала губы и посмотрела на себя в зеркало. Никакой особой красоты. Обыкновенная. Джейн это всегда знала и никогда не расстраивалась. Но именно сейчас ей почему-то захотелось быть красивой. Для профессора – и только для него одного.

День перед балом выдался на редкость пасмурным, а дождь чередовался со снегом. Такая погода как нельзя кстати подходила к её мрачному настроению. И хотя Джейн делала всё, чтобы не думать о профессоре (потому что он потерян для неё навсегда, и вообще он мерзавец и чудовище), она всё-таки не могла его забыть. Может быть, время лечит. Но это время ещё не прошло.

А ночью ей опять снился профессор. Одержимость? Сумасшествие?

Джейн не знала. Он снился ей каждую ночь и каждую ночь уходил. И даже во сне она не могла на него насмотреться.

Утро следующего дня оказалось хлопотным. Наконец-то привезли платье и надо было успеть одеться и сделать причёску. Камеристки у неё не было, и Джейн вынуждена была попросить помочь нескольких служанок. А причёску вообще решила делать сама. В конце концов, это её дело и только её – как выглядеть.

Поэтому она не стала мудрить. Как учили в пансионе, лучшее украшение для молодой девушки – это живые цветы.

Странно, она могла купить себе любое украшение, но не желала этого. Поэтому после того, как ей помогли надеть бальное платье, Джейн просто распустила волосы, подколол их так, чтобы свисали на спину, а не мешались перед глазами. И украсила причёску и платье бордовыми розами. Розы она тоже заказала заранее, из королевской оранжереи.

Ну вот и всё. Только накинуть плащ – и вперёд, на бал.

Джейн посмотрела на себя в зеркало и даже вздрогнула. На неё строго смотрела незнакомка, которая словно забыла, как улыбаться. А ещё вдруг накрыло ощущением, что когда-то она уже одевалась на бал. Когда-то давно. И почему-то она была чётко уверена, что розы в прошлом она тоже очень любила.

Но Джейн тут же постаралась отвлечься. Если она попытается вспомнить, снова придёт приступ и головная боль. Наверное, надо смириться с тем, что она никогда уже не вспомнит. Смириться и жить дальше.

Но почему-то именно сегодня она остро почувствовала, что забыла что-то очень важное. Такое, без чего её жизнь изменилась безвозвратно. Жаль, что она ничего уже не может с этим сделать.

Джейн вздохнула, помедлила несколько секунд и направилась вниз. Там её ждал Фредерик.

– Ты прекрасна, Джейн!

Деверси посмотрел на неё с таким откровенным восторгом, что Джейн почувствовала себя неловко. Она ведь сказала ему, что никогда не сможет ответить на его чувства.

Буркнув что-то в ответ, она села в экипаж, стараясь устроиться как можно дальше от Фредерика. Он тоже выглядел очень красиво и костюм подобрал почти в тон её платью. Как будто знал, в чём она

пойдёт на бал, хотя Джейн специально молчала, чтобы избежать такого сюрприза.

И всё-таки она не могла на него злиться. Он ведь не хотел ничего плохого.

Джейн вздохнула.

В королевском саду былолюдно, а ещё – неожиданно тепло. Джейн с удивлением вдыхала такой тёплый, почти летний воздух.

– Нравится? – спросил Фредерик, подавая ей руку и помогая выбраться из экипажа.

Она только кивнула в ответ, изумлённая этим чудом.

– Говорят, всё здесь – плод стараний Создающих Иллюзии, пока те ещё существовали. В королевском саду всегда тепло. И фонтаны бьют, и цветы цветут круглый год. Правда, сейчас, скорее всего, более поздние, осенние.

– Огромная оранжерея, – тихо прошептала Джейн, с любопытством оглядываясь.

– Да, что-то вроде того, – улыбнулся Фредерик. – Пойдём на бал, а то пропустим самое интересное! Осмотреть сад, думаю, можно будет и позже.

Джейн согласно кивнула и направилась вслед за Фредериком, игнорируя его протянутую руку. Да, приехали они вместе, но дальше – каждый сам по себе. Так будет лучше.

В огромной бальной зале было настолько многолюдно, что она сразу же потеряла из виду Фредерика. И, наверное, это к лучшему.

Джейн постаралась пробраться ближе к колоннам, туда, где стояло несколько профессоров университета. Она видела их мельком, когда приходила на занятия с профессором Ритаром. Может, он тоже с ними? Разве он сможет послушаться короля и не принять его приглашение?

Джейн не знала, что будет делать, если увидит профессора. И зачем она вообще его ищет. Но отчаянно нуждалась хотя бы в одном взгляде.

Пробираясь к колоннам, Джейн слышала шепотки за спиной:

– ...богатая наследница...

– ...дядя умер и оставил огромное состояние...

– ...выгодная партия...

– ...Самая сильная Читающая...

– ...Такой ужасный дар... Говорят, это проклятие.

И её передёрнуло. Зачем вообще она здесь? Уехать туда, где никто её не знает и не слышал о ней и о её даре.

Джейн осторожно, бочком пробралась к колоннам, спряталась в их тени и наконец-то облегченно выдохнула. Потом осмотрелась. Профессора Ритара нигде не было видно. А резные двери наконец-то захлопнулись, пропустив последних гостей, прибывших на бал.

– Доброго вам дня, господа! – заговорил король, и в зале повисла тишина.

А Джейн вдруг почувствовала тоску. Бал без профессора Ритара обещал быть скучным и утомил её, ещё не начавшись. Что она вообще здесь делает? Лучше было бы остаться дома. Но теперь уже поздно, назад не уедешь.

Его величество произнёс краткую речь, поздравления первокурсникам и что-то о традициях. Но Джейн почти не слушала его. Она, не отрываясь, смотрела в зал, ища глазами профессора и отчаянно надеясь. Но его не было. Всё-таки не пришёл, посмел.

Наконец его величество закончил говорить и хлопнул в ладоши. Бал начался.

Глава 14

К ней тут же подошли несколько молодых людей. Видимо, их не смущали слухи, поэтому они попросили отдать первый танец именно им. Как ни странно, Фредерика среди них не было. Джейн беспомощно осмотрелась, ища пути к отступлению. Но их не было. Поэтому она с фальшивой улыбкой отдала руку какому-то кавалеру, и он утащил её танцевать.

Перед вторым танцем её наконец-то нашёл Фредерик. Приняв его извинения, Джейн, конечно же, отправилась танцевать с ним. Ей не было ни весело, ни грустно. Она чувствовала себя куклой, которую дёргают за ниточки. Говорят, где нужно смеяться, в каком месте повернуться, в каком – топнуть ножкой и улыбнуться.

Через несколько танцев она ощущала себя настолько вымотанной, что уже сотню раз пожалела о том, что приняла приглашение. Не впусти она Фредерика тогда, знать бы ничего не знала о том, что тоже приглашена на бал. А может, уже была бы далеко отсюда.

При мысли об этом стало так тоскливо, что Джейн едва не заплакала. Представлять, что их с профессором разделяют не несколько улиц или домов, а много десятков миль, было невыносимо. А ещё вдруг стало душно. Показалось, что стены давят.

Джейн отказалась от всех приглашений, сказав, что хочет отдохнуть. И когда начался очередной танец, улизнула через боковую дверь в сад. Музыка сюда доносилась приглушённо, как ей и нравилось. А ещё полумрак и в меру прохладно.

Конечно, уже загорелись фонари, освещая основные тропинки и дорожки, но никто ведь не мешает ей свернуть с дороги.

Правда, поплутав немного среди кустов и осмотрев старинную статую русалки с отбитой рукой и фонтан, Джейн порядком продрогла и решила вернуться в залу. Немного погреться и снова улизнуть, уже домой. Его величество ведь не будет настаивать на её присутствии? Никто не усомнится в том, что у неё разболелась голова.

Да так почти и было. Внезапно захотелось вернуться на несколько лет назад, в пансион. Туда, где всё было легко и понятно без слов, а будущая жизнь виделась только в радужных красках.

Джейн наконец-то нашла нужную тропинку и свернула на главную аллею. И только тогда заметила, как далеко забрела. Музыка уже не было слышно, фонарей стало меньше, а дворец сиял громадами огней где-то далеко впереди. Джейн направилась туда и вдруг услышала какой-то шорох, словно ветка хрустнула под ногой. Она обернулась и вздрогнула, замедлив шаг.

Её догонял профессор Ритар.

– Добрый вечер, профессор Ритар, – поздоровалась она, надеясь, что голос не дрожит.

Насмотреться бы на него и запомнить вот таким: в чёрной рубашке и чёрном плаще с красным подбоем, с морщинами на лбу и строго сжатыми губами.

Он ведь шёл во дворец. Может быть, знал, что она будет на балу?

Хотя Джейн тут же осекла себя. Делать ему нечего, как думать о ней! Нет, он чётко сказал и показал, что терпеть её не может. Какие уж тут могут быть мысли.

И всё-таки она смотрела на него и не могла насмотреться. Пыталась угадать в его глазах... что? Не знала и сама. Но причудливые тени падали ему на лицо, делая его загадочным и словно потусторонним.

– Добрый вечер, госпожа Фелина. – Его голос неожиданно прозвучал обманчиво мягко, заставив её задрожать и напомнив об их последних занятиях.

Только приветствие – и больше ничего. Джейн показалось, что он хотел сказать что-то ещё, но промолчал, поравнялся с ней, а потом даже прибавил шаг.

Джейн сжала губы и сморгнула упрямые слёзы, почему-то навернувшиеся на глаза. Она не будет плакать. Не из-за него.

Сделала пару шагов, испытывая дикое желание догнать его, а потом вдруг услышала явственный шорох и вздрогнула. В темноте было плохо видно, но ей показалось, что кто-то есть там, в кустах, и этот кто-то смотрит на неё. Она хотела крикнуть, догнать профессора, но получился только шёпот.

А потом... Странный свист – и сгусток ослепительного света прорезал темноту. Мгновение Джейн словно зачарованная смотрела, как он летит к ней, а потом кто-то сбил её с ног и толкнул с тропинки в

темноту. Она упала, больно ударившись коленом, и тут же вскочила на ноги. Понимание обожгло как огнём.

Профессор Ритар, это он толкнул её!

Джейн обернулась и увидела, как он мягко оседает на траву. На его груди расцвело и тут же погасло ослепительное пламя. И тут она поняла, где видела этот свет и пламя. Исторгающие Энергию!

Джейн бросилась к профессору. Нельзя медлить! Исторгающие убивают почти мгновенно. Но зачем, боже! Ответь, зачем?! Она кусала губы, опускаясь на колени перед профессором, нещадно пачкая и комкая бальное платье.

– Профессор Ритар! – позвала его, робко дотронувшись рукой в перчатке до его руки.

Но он молчал. Джейн всхлипнула. Он спас ей жизнь. Этот заряд несомненно предназначался ей. Видимо, она увидела то, что не следует. Он ведь не может вот так умереть! Не может!

– Профессор! – позвала его ещё раз.

Бесполезно. Она попыталась нащупать его пульс, но перчатки только мешали.

Джейн стащила их и бросила на землю, а потом взяла его за руку и провалилась в воспоминания. Вот только не в его, а в свои.

Словно прорвало огромную плотину, и на неё обрушились все её воспоминания до семнадцати лет. Всё, что она забыла. Воспоминания ослепляли, оглушали, били по больному, не давали прийти в себя. И каждое было как немой укор.

ТЫ! ЗАБЫЛА! ЕГО!

Джейн отпустила его руку, сходя с ума. Сердце гулко билось в груди, в ушах шумело. Неужели она должна потерять его теперь, когда всё вспомнила?

– Тобиас! – позвала она тихо и всхлипнула. А потом уже громче: – Тоби!

Слёзы застилали глаза, и она почти не поверила, когда услышала тихое и такое родное:

– Не плачь! – в ответ.

Профессор смотрел на неё. И Джейн видела... знала, что он понял всё.

– Зачем? – только и спросила она, кусая губы.

– Я стану твоим рыцарем, – вместо ответа с трудом сказал он. Каждый вздох давался ему тяжело. На губах появилась кровавая пена. Тобиас улыбнулся уголком рта. – Навсегда!

И закрыл глаза. А кровь струйкой потекла с уголка губ вниз, по щеке.

Джейн зарыдала, уже не сдерживаясь.

– Эй, кто-нибудь! – крикнула. – Позовите Исцеляющего Тело!

Но дворец веселился. Играла музыка, танцевали пары. Им всем не было дела до какого-то профессора, лежавшего тут в темноте и пыли.

И Джейн вдруг почувствовала злость. Она ослепляла, застилая глаза. Не зная сама, зачем это делает, она рванула рубашку на груди у Тобиаса и положила руки ему на грудь.

Перед глазами тут же появилось его тело словно изнутри: изломанное, повреждённое, сожжённое безжалостным огнём, но ещё живое.

Жизнь едва теплилась в нём.

Не понимая, что она делает и зачем, Джейн всё же представила, как исправляет, словно сметает кистью повреждения и боль. В глазах вдруг резко потемнело, голова закружилась, и она провалилась в темноту.

Тобиас

Он очнулся и сначала не мог понять, где находится. Темно, тихо и холодно. Он мёртв? Но мёртвые не чувствуют холода. Что случилось, Тобиас не знал и не хотел знать. Но кажется, каким-то чудесным образом смерть снова убежала от него. А ведь он был готов.

Кэти! Он вспомнил её заплаканное лицо и похолодел. Она должна быть где-то рядом. Скорее всего, это Наставник вышел на охоту, и это его Исторгающие снова чуть не лишили его Кэти. Он не может потерять её снова!

Тобиас открыл глаза, сел и огляделся. Раскинув руки, рядом на траве лежала Кэти, и он поразился бледности её лица. Что с ней? Она должна быть жива!

Он вскочил и дотронулся до её руки, стараясь не прочесть. Пульс был, сердце билось. Она просто в обмороке. И вся ледяная. Наверное,

замёрзла.

Тобиас снял с себя плащ, завернул в плащ её и поднял на руки. Невесомая, лёгкая как пушинка. Его Кэти.

Он прошёл несколько шагов, свернул с основной аллеи – здесь может быть опасно – и уложил Кэти на первую попавшуюся скамейку. Положил её голову себе на колени.

Так хотелось убаюкать её, как ребёнка. Чтобы не знала бед. Никогда и никаких.

Бледная, с закрытыми глазами, сейчас она казалась ему ещё красивее. Он уже забыл, как выглядела ТА, прошлая Кэти, но эта была прекрасна до боли в сердце. И как он раньше мог думать, что она некрасива? Это нежное голубое платье шло ей, делая её ещё воздушнее и прекраснее.

Она вспомнила его, он был уверен. К ней вернулись воспоминания. И она не оттолкнула его, не убежала. Значит ли это, что она простила? Или просто не до конца осознала то, что он виновен в смерти её семьи?

В любом случае сейчас он уже не может от неё убежать, спрятаться или обидеть. Даже если бы и хотел. Не после того, что он сделал. И Тобиас догадывался, что сделала она. Вместе с воспоминаниями в ней снова «вдруг» проснулся дар. Просто кто-то хорошо поработал над тем, чтобы эти дары оставались заперты. Кто-то очень сильный. И он обязательно это выяснит. Только Кэти нельзя волновать раньше времени.

Тобиас смотрел на неё, не в силах насмотреться. Он не может вечно бегать от неё и от себя. Наверное, если бы ничего не случилось, если бы этой встречи в саду не было, он смог бы... А сейчас уже слишком поздно.

Он прикоснулся рукой к её волосам. Кэти вздохнула, но не очнулась. Нежные, такие мягкие на ощупь. Причёска растрепалась, и розы выпали из неё. Осталась только одна. В причудливом свете фонарей она казалась почти чёрной на фоне её тёмных волос.

– Кэти... Любимая... – прошептал тихо то, что так и не осмелился сказать вслух. Зачем слова, если она читала его, а он – её?

И всё-таки он вряд ли осмелился бы сказать это ей. Говорить то, что думаешь, то, что спрятано глубоко внутри, всегда тяжело.

Так хотелось дотронуться до неё, не читая. Ощутить снова её прикосновение, прижать к себе, защитить от всего мира.

– Кэти! – прошептал он снова.

Она вздохнула и открыла глаза.

Джейн

Сначала вернулись звуки. Шорох листвы, далёкая музыка... Потом запахи ночного сада и ещё почему-то – полыни. А потом уже и ощущения, как будто с опозданием. Сильно болела голова. Джейн чувствовала слабость во всём теле, в каждой его точке. Что с ней случилось? Что произошло? Где она?

И вдруг вернулись воспоминания, заставляя сердце биться быстрее, почти оглушая.

– Быстрее, Кэтрин! Ну же! – Отец стоит напротив неё в комнате. Внизу шум, крики, запах дыма. Дом горит.

– А как же... – Она сглатывает и хочет сказать «Как же Тобиас?», но молчит. Если он ушёл, а потом привёл их, значит ей больше не о чем с ним разговаривать.

И всё же она сомневается. Тоби не мог так поступить. Он – не убийца. Она верит в него, несмотря ни на что. Она вернула ему кольцо, но это ведь ничего не значит? Он найдёт её, и они помирятся. Обязательно. Он был не прав, но и она тоже...

– Кэтрин, я всё понимаю! – отец сердится. – Но ты слишком долго думаешь. Надо бежать. Скоро здесь будут друзья твоего разлюбезного жениха.

– Почему... – Она вздрагивает. – Почему ты думаешь, что это он?

– Я разве слепой и не вижу, чем он занимается? Пойдём быстрее. Мама уже ждёт нас внизу. Ну же!

Она кивает и даёт отцу руку. И они бегут, но не вниз, откуда поднимаются клубы чёрного дыма, а куда-то в сторону, в старое крыло, которое она и не знает-то толком.

В коридоре уже тяжело дышать, и отец то и дело останавливается и кашляет. Наконец он открывает дверь в комнату,

полную каких-то старинных картин, гобеленов и рыцарских доспехов. Всё лежит здесь вперемешку.

Странно, но она не чувствует страха. Словно всё происходит не по-настоящему, не с ней. Словно этот пожар – всего лишь иллюзия. Когда она уходила с бала после разговора с Тоби, она ведь не думала, что всё так сложится.

Интересно, останься она сейчас внизу, успела бы выбежать или нет?

– Быстрее! Быстрее! – торопит отец то ли себя, то ли её.

Ей кажется, она уже слышит, как трещат перекрытия, а огонь лижет крышу.

Отец отодвигает старые картины и открывает неприметную дверь в углу.

– Быстрее! Внутрь!

Кэтрин юркает в тёмный проём первая, а отец – за ней. И едва не спотыкается на лестнице. Он тихо ругается сквозь зубы.

– Здесь где-то есть факелы, но сейчас нет времени их зажечь. Иначе мы все превратимся в один большой факел...

Они бегут вниз, всё дальше и дальше, и Джейн кажется, что конца этому спуску не будет. Они, наверное, уже под землёй.

Спуск прекращается, но они всё ещё бегут вперёд. Отец продолжает торопить: быстрее, быстрее... Она и так уже бежит из последних сил и едва не падает от облегчения, когда впереди показывается полоска света.

Отец нащупывает дверную ручку и открывает дверь. Кэтрин едва не падает от холодного ветра, сбивающего с ног.

– Где мы? – спрашивает она, тщетно пытаясь согреться. Бальное платье совсем лёгкое.

– За городом, в лесу, – рассеянно отвечает отец. – Где же Рея? Она должна ждать нас здесь.

Он оглядывается, пытаясь отыскать маму, а в мысли змеёй заползает липкий страх. И вдруг становится страшно, да так, что сердце начинает стучать, как у пойманного зайца. Мамы нет, отец боится, их дом сейчас горит где-то в центре города...

Кэтрин обхватывает себя руками, чтобы согреться и успокоиться. Неужели в этом виноват Тобиас? Мысли мечутся, как испуганные птицы.

Слышится крик отца. Кэтрин бежит к нему и видит, как он наклоняется над чьим-то телом на земле.

Мама! Кэтрин останавливается и прижимает руку ко рту. Крик рвётся наружу.

– Она мертва! – поднимается собранный и как-то разом постаревший отец. – Скорее всего, разбойники. Обокрали богатую даму в бальном платье и с драгоценностями. И лошадей забрали. Я дурак, что отпустил её одну. Но если они добрались до неё, то могут добраться и до тебя.

Он поднимает на неё глаза, и Кэтрин поражается какому-то странному загнанному взгляду отца.

– Слушай меня внимательно. Сейчас я отведу тебя в безопасное место, но перед этим ты всё забудешь. Всё, что было до этой ночи.

– Как это? – спрашивает Кэтрин. – Разве такое возможно?

– Не только возможно, но и необходимо ради твоей безопасности. Так уж вышло, что я – последний Создающий Иллюзии. И то, что могу делать я, не делал никто до меня. И надеюсь, никто об этом уже не узнает.

– Но я же забуду тебя и маму... и... Тоби. – Из груди рвётся рыдание. Слишком много боли на сегодня. Очень много. А ещё накатывает усталость.

– Я напомню тебе, – тягуче говорит отец. Его голос звучит как-то слишком мягко и чарующе, как никогда до этого. – А Тобиас... Зачем тебе жених, который виновен в смерти твоей матери и в смерти многих незащищённых людей? Неужели ты простишь ему это?

– Это не Тобиас! – тихо говорит Кэтрин. – Он не мог!

– Не мог, но сделал! – яростно восклицает отец. – Не бойся. Если хочешь, потом я расскажу тебе всё, что тебе нужно помнить.

– И про Тобиаса?

– И про него.

Ей кажется или отец усмехается? Но он ведь не будет ей лгать! Он ведь дал согласие на их с Тоби помолвку.

– А я когда-нибудь вспомню всё это? – Она обводит руками лес вокруг и отца.

– Вспомнишь, когда-нибудь.

Кэти пытается сказать, что не хочет забывать. Может, есть какой-то другой способ? Может, можно жить как-то, не забывая?

Но мысли путаются. Она вдруг понимает, как устала. Легче уступить, чем ругаться с собственным отцом. Ведь есть Исцеляющие Тело, они помогут всё вспомнить.

Кэтрин хочет настоять на своём, но глаза закрываются. Отец мягко что-то рассказывает, и она уплывает в блаженную тьму.

Глава 15

– Это отец! – Джейн резко открыла глаза и встретила взглядом с профессором Ритаром. – Это он всё сделал!

Она лежала на скамье, и её голова покоилась у него на коленях.

Джейн посмотрела на него и разом забыла всё, что хотела рассказать. Все воспоминания, которые не были связаны с Тобиасом, вдруг стали ненужными и не важными. Он был жив. Джейн вдруг вспомнила, как он падал на траву, как текла кровь из уголка губ. А теперь он сидит и смотрит на неё. Они мертвы оба? Или оба живы? Но тогда как?

Она по привычке потянулась к медальону и застыла. Медальон раскрылся прямо по трещине, полностью. Она дёрнула за цепочку, и та беззвучно открылась, словно только этого и ждала.

С тех пор как отец надел его, Джейн ни разу не снимала медальон. Внутри на одной стороне был семейный портрет: мама, отец и маленькая она. Она помнила, как приезжал художник. Он рисовал сначала большой портрет, а потом – несколько миниатюр. Но Джейн не знала, что в медальоне – одна из них. А на другой стороне – надпись. Всего два слова: «Прости меня».

Что это значит? Ведь медальон отец надел на неё задолго до её семнадцатилетия. Что-то крутилось в голове, но она никак не могла найти этому названия.

– Что это значит? – спросила она вслух.

– Дай посмотреть, – попросил профессор. (Или Тобиас? Ведь это её Тоби!)

Джейн, робея, протянула ему медальон. Так хотелось прикоснуться к Тобиасу, но... сейчас он снова казался ей таким неприступным. Словно всё, что между ними было, ей только приснилось.

– Скорее всего, это артефакт, запирающий дар. Я слышал, Создающими Иллюзии велись похожие опыты. Твой отец не... – Он вопросительно посмотрел на неё.

– Да, отец был последним из Создающих Иллюзии, – ответила Джейн на невысказанный вопрос. – Но я не знала об этом до того

рокового дня семь лет назад. – Она сжала губы. – Получается, это он сделал так, чтобы у меня не проснулся дар. Но для чего?

– Потому что обладать таким даром (а в твоём случае – двумя дарами) – это действительно не дар, а проклятие. Плюс связанные с этим ограничения.

– Двумя? – переспросила Джейн.

И тут она поняла. Всё, что было, ей не приснилось. Тобиас действительно спас её и действительно был смертельно ранен. А она спасла его благодаря дару. В ней открылся новый дар: Исцеляющих Тело.

– Но разве такое возможно? Два дара в одном человеке?

Ей даже не было страшно. Изумление уступило место пониманию: если бы не этот дар, Тобиас сейчас не разговаривал бы с ней, а лежал бы мёртвый.

Джейн представила вдруг, что Тобиаса больше нет на этом свете. Сейчас, вспомнив всё, она поняла, что просто не может его потерять. Что угодно, только не потерять. Как он жил все эти годы, считая её мёртвой?! Как он выдержал?!

– Такое бывает, – тихо ответил профессор Ритар и снова замолчал.

Джейн повернулась и встретила с ним взглядом. Его чёрные глаза затягивали в свой омут и говорили намного больше того, что дозволено словам.

Тобиас вдруг протянул руку, дотронулся до её волос, погладил. И Джейн почувствовала слёзы на глазах. Такая простая ласка, но в неё словно вылилась вся нерастроченная за долгие годы любовь. Неужели все эти жестокие слова были нужны лишь для того, чтобы оттолкнуть её, обмануть, заставить уйти? Неужели то, что она видела в его воспоминаниях, – правда и он действительно все эти годы ТАК любил её?

Джейн поймала его руку и прижала к губам.

– Тоби! – прошептала тихо и смущённо.

– Кэти!

И снова молчание. Но даже молчать с ним было радостно.

– Ты...

Она споткнулась об это «ты». Слишком много всего стояло между ними, и слишком быстро сейчас исчезли все преграды. Но он не сказал ни слова против. Только смотрел.

– Ты рад, что я всё вспомнила? – наконец продолжила она.

– Я ничего не могу с этим поделать...

Прозвучало так обречённо, что Джейн сжала губы. Она села на скамье и попыталась отодвинуться от него. Она же знает, что он чувствует, а он – видит её мысли. Почему между ними всё так странно и зыбко?

– Не уходи, Кэти! – Он подвинулся ближе. В голосе застыла такая мольба, что Джейн сразу же простила ему всё.

– Зови меня Джейн, – тихо ответила. – Моё полное имя – Кэтрин Джейн Эмиранс. Но я привыкла к Джейн. Последние семь лет оно каждый день со мной.

Она печально улыбнулась. Между ними стояли годы. И отец, который сделал всё, чтобы она забыла Тоби. Может, так будет лучше для него? Она думала, что воспоминания всё прояснили. Но она больше не наивная девушка семнадцати лет, а он больше не молодой влюблённый юноша.

Слёзы снова навернулись на глаза и потекли по щекам. Так глупо было верить...

– Джейн! – Тобиас опустился на колени перед ней, прямо в пыль садовой тропинки. – Я недостойн тебя.

Профессор Ритар! Перед ней! На коленях! В пыли!

– Встань, Тоби! – Она попыталась поднять его, но профессор отказался.

Тогда Джейн опустилась на колени сама. Лицо напротив лица. Их глаза встретились.

– Не плачь! – тихо произнёс профессор. Его бархатный голос звучал глухо. И (может ли такое быть?) в глазах тоже застыли слёзы. – Не плачь, Джейн, – повторил он. И осторожно, кончиками пальцев, стёр слёзы с её глаз. – Я всегда спрашивал себя, почему богатая девочка выбрала нищего мальчика, который обладал только скверным характером и ничем больше. И не находил ответа.

– Потому что богатая девочка любила в своём мальчике то, чего не было у других: верное сердце и чистую душу, – тихо ответила Джейн.

– Мальчик уже не тот, Джейн! – усмехнулся Тобиас, но усмешка вышла какая-то кривая, словно приклеенная. – Знаешь, увидев тебя, я сначала подумал, что сошёл с ума и мне везде видится Кэти. И поэтому взъялся на тебя. А потом уже, когда узнал тебя, понял, что это

– твой шанс на свободную жизнь. Это – твоя возможность сделать выбор. Ты так и осталась наивной девочкой, а вот я больше не тот мальчик, которого ты знала. И в моей душе столько мерзости, что я даже спать спокойно не могу.

– Значит, я разделю эту мерзость с тобой! – Джейн чувствовала боль Тоби, как свою собственную. И она сделает всё, чтобы помочь ему. Прогонит прочь плохие воспоминания! Лишь бы ему не было больно!

Джейн потянулась к нему и тут же оказалась в кольце его рук.

– Если ты говоришь правду, то думай, что предлагаешь. Я ведь не смогу тебя теперь отпустить! – глухо выдохнул он и прижал её к себе так крепко, что Джейн слышала стук его сердца. Оно билось так часто, что казалось, сейчас вылетит из груди. Так же, как и её собственное. Одно сердце на двоих.

Вместо ответа она прижалась к Тоби ещё сильнее. Родной! Любимый! Никогда больше она не покинет его. Даже если он прогонит её. Ведь теперь она точно знает, что нужна ему. Как воздух нужна.

От него пахло травами, немного полынью, немного мятой и чем-то ещё, таким неуловимо горьким и знакомым, как в детстве.

– Джейн!

Тобиас гладил её по волосам, а Джейн уткнулась носом в его плечо. Ей казалось, что время остановилось. Они в межвременье. Только они двое, и больше никого.

– Ты ведь знаешь, что я виноват в их смерти. Только я. На мне больше вины, чем на Наставнике. Мои руки в крови. Это я сделал так, что Сайн-стрит стёрта с лица земли. Я хотел умереть вместе с тобой, когда понял, что сотворил, но мне не дали. Я читал их всех и рассказывал всё Наставнику. Меня не зря боятся и называют убийцей. И за глаза, и в глаза. И знаешь, без тебя терпеть это было невыносимо.

Он вздрогнул. Может ли быть такое, что всхлипнул?

Джейн подняла глаза на Тобиаса и застыла. В темноте ночи его лицо казалось восковым. Бледное, словно неживое, с большими застывшими глазами, в которых плескалась застарелая боль, которой он не мог ни с кем поделиться.

И слёзы. Мужчины не плачут. Никогда. Но Джейн видела, как плакало его сердце, чувствовала его боль, как свою. Ей было тяжело, но, если она сможет хоть чем-то облегчить его боль, она это сделает.

– Теперь я с тобой! – прошептала она. – Ты знаешь, меня всегда мучило ощущение, что я забыла что-то очень важное. Что-то такое, без чего вся моя жизнь не имеет смысла. И только увидев тебя в первый раз, я поняла, что живу. Сначала ненавистью, потом ненависть превратилась в любовь. Тёмную, без надежды, вопреки всему – но всё же любовь. Как ни старался отец разлучить нас (а он ведь и есть мой недавно почивший дядя, который все семь лет был рядом со мной), ни словом, ни взглядом не выдавая мне, что ты существуешь на свете, у него ничего не вышло. Я влюбилась в тебя, даже не зная, не помня тебя. Влюбилась заново. И если мне снова сотрут воспоминания, я встречу и снова полюблю тебя. Не пытайся убежать от меня теперь!

И она крепче вцепилась в Тобиаса, словно боясь, что он опять что-то придумает и исчезнет.

– Тихо, Джейн! Разве я смогу теперь исчезнуть, убежать куда-то без тебя? Это невозможно. – Он прижался губами к её волосам. – Какая ты красивая! Изменив твою внешность и ничего не оставив от моей прежней Кэти, твой отец, наверное, и подумать не мог, что я узнаю тебя. Но я узнал бы тебя даже в облике лесного зверя.

– Отец тоже, наверное, желал мне счастья. Так, как видел его он, – кивнула Джейн. Наверное, когда-нибудь она сможет понять отца. Простить-то она его простила, но вот понять...

Несколько минут они сидели молча. Тобиас гладил её по волосам и баюкал в объятиях. Только несколько минут. Потом их уединение нарушили крики, шорохи, топот ног.

Тобиас вскочил и дал ей руку. И её поразило превращение её Тобиаса в резкого и желчного профессора Ритара. Он снова надел маску. И только она знала, что там, под маской, на самом деле.

– Идти сможешь? Нам надо добраться до Ричарда, и как можно быстрее. Наставник вышел на охоту.

– Смогу, – кивнула Джейн. От былой слабости не осталось и следа.

– Хорошо. Держись рядом. От меня ни шагу!

Они свернули на главную аллею и прошли лишь несколько шагов, как вдруг словно из ниоткуда появились люди в тёмных плащах с капюшонами. В руках они держали железные резные трубочки, и кто-то уже поднёс их к губам.

– Не делайте резких движений! Господин профессор, госпожа, вас желает видеть Наставник.

Тобиас

Ну вот и всё. Мышеловка захлопнулась. Как они с Ричардом ни пытались просчитать все ходы, у них ничего не вышло. Ну почти. Тобиас сжал в кармане кнопку разговорника. Ему всё равно, что будет дальше с ним самим, но если с Джейн снова что-то случится, этого он Наставнику не простит.

А ещё ему было страшно. Тобиас давно забыл, что такое страх, но теперь, глядя на Джейн, которая надеялась на него, которая спасла его, он чувствовал, как страх липким пауком заползает в сердце.

Он сделает всё, что потребует от него Наставник, лишь бы с Джейн ничего не случилось. Всё, что произошло, – лишь череда досадных случайностей. И всё же если бы он знал, что всё произойдёт сегодня, – и сам бы не пошёл на бал, и Джейн бы не пустил. И даже более того: сделал бы всё, чтобы они оказались как можно дальше отсюда.

Да, он хотел поквитаться с Наставником. Да, он обещал служить его величеству. Но самым важным для него было то, что он нашёл её. И теперь просто не может потерять.

Пока они ехали в экипаже, окружённые Исторгающими Энергию, Тобиас держал Джейн за рукав платья, стараясь не читать. Не сейчас. И смотрел на неё, не мог насмотреться. Неужели она действительно сказала ему, что, зная всё, всё равно любит в нём того самого мальчика из бедного квартала? Неужели такое возможно?

Ему было страшно и хорошо одновременно. Может, когда всё закончится, они смогут обрести покой где-нибудь подальше от столицы?

Вдруг экипаж резко остановился. Джейн вздрогнула, и Тобиас на краткий миг прижал её к себе. И не выпустил бы, если бы не приказ выходить.

Он знал, кого сейчас увидит, догадывался. На самом деле он знал Наставника лучше, чем тот думал. Экипаж привёз их к его старому

дому. Дому, с которого всё началось и где, кажется, должно закончиться.

Он помог вылезти Джейн и тихо шепнул:

– Держись за мной и ни на что не соглашайся. Наставник не знает милосердия.

Они прошли в старый дом, который, видимо, совсем недавно принял жилой вид. Рассохшийся пол, скрипучие доски под ногами, паутина под потолком... Только с мебели смели пыль. Большая и такая знакомая комната. Наставник в чёрном плаще, совсем как из воспоминания Джейн, и Исторгающие по углам.

«Как паук и его верная паутина», – поймал себя на сравнении Тобиас и усмехнулся.

– Ну здравствуй, Тобиас. Давно не виделись.

А вот и знакомый голос из его кошмаров. Тот, что он почти наяву слышал все эти семь лет.

– Добрый день, – кивнул он. Пусть Наставник сам играет в свою игру.

– А где же твоё уважение? А где же твоё «Наставник»? Или ты не знаешь, как меня зовут?

Угрожает? Тобиас хмыкнул. Что ж, он тоже умеет угрожать. Ему бы продержаться до приезда Ричарда. А в том, что его величество скоро будет сам или пришлёт гвардейцев, он был уверен. Всё-таки это и его бой тоже. Надо только потянуть время.

– Почему же, знаю. Альфред Даррели.

– А ты отрастил зубы, щенок, – усмехнулся Наставник и откинул капюшон.

Тобиас и забыл уже, как выглядит Наставник. Хотя, пожалуй, он изменился. Стал старше и безумнее.

Он смотрел на лысую голову, глубоко посаженные, почти белесые глаза, тонкие губы и шрам, тянувшийся через левую щёку, и не мог понять, как оказался настолько слеп много лет назад. Безумный Читающий – вот кем был Наставник на самом деле. Безумный и гениальный.

– Что ж, зубки я выдирать умею.

Наставник кивнул. Двое Исторгающих появились словно из ниоткуда. Один схватил Тобиаса за руку и наставил свою трубку на

него, а второй – на Джейн, которую он так и не отпустил. И ещё с десяток не мигая смотрели на него и ждали только знака Наставника.

– Чего ты хочешь? – выдохнул Тобиас сквозь зубы.

Если Наставник тронет Джейн, он сотрёт его в порошок. В груди взметнулась ненависть, опаляя и сжигая. Он найдёт его и уничтожит.

– Ну неужели я скажу тебе о своих желаниях, Тобиас? Мы столько лет не виделись. Может, я просто хочу поговорить. – Наставник улыбался. Ему нравилось издеваться и упиваться чужой болью.

– Нам не о чем говорить.

– Прямо так и не о чем? Вижу, ты нашёл себе новую подружку. Что ж, похвально. Но в нашей жизни не должно быть места чувствам.

Исторгающие как бы невзначай передвинулись поближе к Джейн.

Интересно, он успеет закрыть её собой или нет? Сбылся его самый страшный кошмар. Всё, что снилось, всё, от чего он вскакивал в поту, происходило наяву. У него появился шанс всё изменить, а он снова ничего не может.

– Что ты хочешь? – повторил он вопрос.

– На колени! – рявкнул Наставник. – И проси у меня прощения за то, что предал меня и наши интересы в угоду своим чувствам. А я уже подумаю, простить тебя или нет.

Тобиас замешкался, видя ужас на лице Джейн. Снова всё повторяется. И он согласен не выйти отсюда живым. Только бы жила она.

– Ну же!

Исторгающий поднёс железную палочку к губам и наставил на Джейн.

И Тобиас опустился на колени. Он ненавидел себя за это. Но... что угодно, лишь бы она была жива. Лишь бы Наставник оставил Джейн в покое.

– Проси прощения!

– Простите меня, Наставник. – Собственный голос казался жалким, а он сам – презирал себя. Наверное, и Джейн презирает его. Но он будет защищать её даже против её воли.

– За что простить? – Наставник хищно улыбнулся.

– За то, что предал наши идеалы, – выдавил Тобиас.

– Замечательно! – Наставник хлопнул в ладоши. – А теперь мы повеселимся.

Глава 16

Тобиас

Он вскочил на ноги. «Веселье» в устах Наставника звучало пугающе.

Наставник хлопнул в ладоши. Всё напоказ, не так, как раньше. Или, может, раньше ему нужно было скрывать себя и свою сущность, чтобы обмануть доверчивых дурачков, а сейчас в этом уже нет нужды?

Исторгающие Энергию подобрались поближе к ним. Сейчас они с Джейн стояли в кругу. И ей здесь отводилась роль жертвы. Через неё они влияли на него.

Тобиас сжал губы и бросил быстрый взгляд на Джейн. Она хорошо держалась, его Джейн. Боялась, да, но стояла молча. Быстрее бы этот кошмар закончился, и тогда уж он точно её не отпустит.

– Тобиас... – Наставник улыбнулся так, словно они добрые друзья.

Мальчик Тоби верил этой подкупающей улыбке. К тому же Наставник замечательно умел играть на человеческих страстях. Но сейчас он в его воле и в то же время неподвластен ему. И он больше не мальчик.

– Ты ведь предал нас. Я знаю, что эти семь лет ты верой и правдой служил нашему злейшему врагу – королю Ричарду. А за предательство нужно платить. Ты ведь знаешь об этом?

Наставник ждал ответа.

– Я не считаю себя предателем, – спокойно ответил он. Только бы протянуть время.

– Мне без разницы, что ты считаешь. Главное – то, что думаю я. А я заставлю тебя заплатить за предательство. Хотя... – Наставник сделал вид, что задумался. Он наслаждался своим представлением. – Ты можешь не платить, но тогда заплатит она. – Наставник указал пальцем на Джейн.

Исторгающие подобрались.

Тобиас выпустил руку Джейн и шагнул вперёд, закрывая её собой. Интересно, нескольких секунд ей хватит, чтобы спастись от прямого удара, или нет?

– Так что? – Наставнику доставляло удовольствие наблюдать за его движениями.

Проклятие! Наставник видел его слабость. Разглядел, наверное, ещё тогда, когда к нему пришла Джейн. И теперь пользуется ею. А он ничего не может сделать. Хотя нет – может заплатить он. Это даст Джейн отсрочку. Почему так долго добираются йордовы гвардейцы?!

– Я готов заплатить! – Он надеялся, что голос не дрожит.

– Тоби, – всхлипнула сзади Джейн.

– Тогда ты получишь своё наказание от Исторгающих. А когда ты умрёшь, мы продолжим с твоей подружкой.

Один из Исторгающих (почти все были из новых, он их не помнил) поднёс трубку к губам. Яркая вспышка – и боль. Ослепительная, сводящая с ума.

Тобиас знал, что дар Исторгающих использовали для пыток, но на себе никогда не испытывал. И вот... Было больно. Настолько, что он едва не закричал. Сжал зубы, а потом не выдержал, пошатнулся и упал на одно колено. Боль сводила с ума и не кончалась. Но он не закричит. Не доставит Наставнику этого удовольствия.

Перед глазами плясали кровавые всполохи.

Боль кончилась так же резко, как и началась. Растворилась в нём без остатка. И он смог выдохнуть. Встал, распрямился и осмотрелся, ища глазами Джейн. Да где же она?

– Тоби, всё хорошо? – Заплаканная, она была совсем рядом.

От её слов дышать сразу стало легче. Тобиас улыбнулся, только улыбка, кажется, вышла кривая. Ну и к йордам!

– Ну что, как впечатления? Понравилась плата за предательство? – Наставник открыто смеялся. Теперь было ясно видно, что он безумен. – Хочешь ещё? Ну-ка! Скажи! – потребовал он.

Тобиас сжал губы. Что бы он ни сказал – ответом станет боль. В любом случае всё уже решено. И если его величество не поторопится, они останутся здесь оба. Главное – успеть забрать с собой как можно больше Исторгающих.

– Ты сам знаешь, – ответил он. Не нравится – пусть спрашивает по-другому.

– Хм, значит, не будешь говорить! – Наставник сделал вид, что задумался. – Что ж, тогда будешь умолять меня на коленях!

На этот раз боль была настолько сильной, что он почти задохнулся, ослеп и оглох. В висках набатом стучало только одно: облегчить боль любым способом. А потом ещё мысль: Джейн же Исцеляющая, она может. Но он не должен ни словом, ни взглядом выдать, что она Исцеляющая, лучше умереть.

И Тобиас молчал. Закусил губу до крови. Эта боль немного перебила ту боль, что разрывала изнутри. Кажется, он упал навзничь, сгибаясь пополам. Но не издал ни звука. Он сдохнет, но не даст Наставнику шанса посмеяться над ним! Потому что как только тот получит своё – их с Джейн жизни уже ничего не будут стоить.

И снова боль кончилась так же внезапно, как и началась. Он лежал на полу, а рядом на коленях стояла Джейн. Её мокрое от слёз лицо было первым, что он увидел, когда с глаз спала пелена.

– Не показывай, что ты Исцеляющая. Иначе он тебя не отпустит, – прошептал он.

– Он и тебя не отпустит, – тихо ответила она. – А я без тебя жить не смогу.

– Сможешь и будешь! – зло ответил Тобиас.

– О чём там детки шепчутся, а?

Снова этот противный голос. Он словно вкручивался в голову. Интересно, Тобиас сможет его забыть, если захочет? Или этот голос теперь с ним навсегда?

– Голубки, о чём вы воркуете? О том, кто следующим будет платить за предательство? А, Тоби? У вас же любовь! Почему твоя девушка не хочет разделить с тобой эту боль? Госпожа Фелина, ведь верно? Такая сильная Читающая. Отказалась от уроков со мной ради уроков с тобой. А ты не ценишь этого, Тобиас! Ай-яй-яй! – И Наставник укоряюще покачал головой.

– Оставь её! – зло выдохнул Тобиас. – Пока я жив, я буду терпеть боль.

И боль пришла снова. В этот раз он не запомнил уже ничего. Может, он кричал и плакал, может, чего-то просил – он не помнил. Провалился в чёрное беспмятство, которое даже там, в глубине, сводило с ума болью.

Когда боль ушла, Тобиас даже не сразу понял. Скрученное спазмами тело отказывалось повиноваться.

Он с трудом вдохнул. Воздух резал лёгкие, каждая мышца болела. В глаза словно насыпали песка. Он лежал на спине на деревянном полу. Над ним хороводом кружились какие-то тени. Наконец сумасшедшее кружение кончилось, и он увидел Джейн. Она сидела рядом с ним. Увидев, что он очнулся, подняла руку.

– Не смей! – выдохнул он, сообразив, что она хочет применить свой дар. Нельзя. С трудом поднял руку, пытаюсь поймать её пальцы, и повторил: – Не смей!

И задохнулся. Говорить было тяжело. Язык в воспалённом рту ворочался с трудом.

– Дурак! – Джейн всхлипнула. – Йордов рыцарь!

– Рыцарь, – улыбнулся он. Несмотря на то что всё тело болело, она была рядом. А значит, всё было хорошо.

– Ну что, голубки? – Наставник улыбался. Ему нравилось наблюдать за их мучениями.

Если Ричард упустит его в этот раз, Тобиас не будет ждать. Он сам найдёт его, хоть на другом конце света.

Тобиас поднялся. Он не доставит Наставнику такой радости. Как можно меньше счастливых минут для этого чудовища.

Вставать было тяжело. С трудом припал сначала на одну ногу. Она подворачивалась, отказываясь повиноваться. Потом на вторую. Качнулся. Рядом тут же оказалась Джейн и подставила ему руку.

– Уйди! – Он мотнул головой.

Пусть обижается. У него не было больше ласковых слов в запасе. Лишь бы она не подвернулась под горячую руку Исторгающих.

Но Джейн только сильнее сжала ему плечо. Её рука была горячей, обжигала даже через ткань. Голова кружилась, перед глазами плясали чёрные точки. И он даже не сразу рассмотрел Наставника.

– Ну что, ты готов, Тобиас? Или всё-таки хватит? А? Попроси меня как следует, на коленях, и я дарую тебе прощение.

– Я не верю в твоё прощение, – выдохнул он.

– А зря.

Наставник махнул рукой, и снова тело накрыла боль. Только в этот раз он почувствовал, как кто-то нежно обнимает его, не отдаёт в объятия боли, туда, где тьма и безумие.

Джейн! Зачем она это делает? Зачем?! Она же выдаст себя!

Он пытался оттолкнуть её, отодвинуть, но не смог, проваливаясь в темноту.

А когда боль закончилась, он услышал крики и с трудом открыл глаза. Комната превратилась в сумасшедшую карусель. Всё вертелось, полыхали вспышки. Мелькнула знакомая форма. Гвардейцы его величества! Пришли всё-таки.

Он попытался сесть, сдерживая рвущийся наружу стон. Где Джейн? Она же была рядом!

– Джейн! – с трудом разлепил пересохшие губы, заставив себя произнести её имя.

– Я... – Она ахнула.

Тобиас повернулся и едва сдержал рвущийся крик. Кто-то из людей Наставника прижал её к стене.

Встать, броситься к ней! Он вскочил на ноги и... снова упал. Перед глазами заплясали тени, а мир превратился в сумасшедшую круговерть. И всё-таки он заставил себя подняться, хотя бы на четвереньки. Пусть ползком, но он успеет!

Но гвардеец уже прикончил этого молодца и освободил Джейн. Она было ринулась к нему, но вдруг вскрикнула и осела на пол.

Он всё-таки опоздал!

Сердце сжалось от ужаса и боли. Тобиас на секунду забыл, как дышать. Он не может потерять её снова!

Он заставил себя встать. Сначала на колени, потом выпрямился в полный рост и кинулся к Джейн. Простое движение, а отняло так много сил! Ему бы лишь несколько секунд! И только этих секунд и не хватило!

Тобиас опустился перед ней на колени.

– Джейн!

Она не отвечала. Голова безвольно запрокинута, глаза закрыты. Почему он не Исцеляющий?! Почему?!

Дотронулся до её руки. Пульс был, но слабый.

Тобиас повернулся, стараясь разглядеть Наставника. Это был его приказ – нанести удар тогда, когда он не может защитить. Подлая тварь! Но Наставника не было.

Всего лишь мгновение Тобиас боролся с искушением броситься за ним и утолить жажду мести. Но Джейн была рядом и нуждалась в

помощи.

А здесь всё уже было кончено. Гвардейцы короля заполнили комнату.

– Профессор Ритар! – приветствовал его капитан.

– Мне нужна лошадь. И во дворец. Срочно, – отрывисто сказал Тобиас. Если где и могут помочь Джейн, то только во дворце. Ричарду служили лучшие Исцеляющие.

– Но... – Видимо, капитан имел что-то против.

– Живо! – рявкнул он.

Тобиас не помнил, как забрался на лошадь, поддерживая одной рукой безвольно висящее тело Джейн, как пустил галопом лошадь, как скакал по тёмным, пустынным улочкам. Память выхватывала настоящее фрагментами, а в голове стучало только одно: он не может потерять её снова!

Только не сейчас, когда он узнал, что такое ответная любовь. Только не сейчас, когда Джейн так близко и он может дотронуться до неё, прижать к себе и никогда не отпускать. Только не сейчас!

В королевский сад он внёсся вихрем. Гвардейцев на воротах не было, они стояли распахнутые. Плохой признак. Впрочем, чего скрывать, наверное, Ричарду тоже досталось.

Он прижимал к себе Джейн, молясь только о том, чтобы успеть. Иногда она слабо постанывала, но так и не очнулась. И всё же она была жива! И это давало маленькую, но надежду. Иначе он давно сошёл бы с ума. Второй раз её смерть он не перенесёт.

Исцеляющим всё подвластно. Вытащила же она его почти с того света. Значит, и её вытащат. Он попросит лучшего Исцеляющего. Он всё отдаст. Не откажет же ему Ричард?

Перед дворцом он спешился, осторожно подхватил на руки Джейн и бросился внутрь с чёрного хода. Музыка уже не звучала, дворец казался тёмным и пустым. Он знал здесь все закоулки как свои пять пальцев. Сколько он вот так заходил к Ричарду через чёрный ход?

Интересно, его величество в кабинете? А может, лучше сразу пройти в бальный зал? Или найти слугу и позвать Исцеляющих?

Тобиас думал, просчитывал варианты, а ноги сами шагали по знакомым коридорам к кабинету короля.

И наивно было бы думать, что его там не ждали.

– Стой! Кто идёт?

Гвардейцев было двое. Интересно, сможет ли он объяснить им, кто он такой? Не все знали его в лицо, да он и не стремился к славе. И даже меча с собой нет.

Он подошёл к гвардейцам вплотную.

– Профессор Ритар. Мне нужен Исцеляющий Тело. Срочно! – Он прижимал к себе Джейн. Минуты отчаянно утекали сквозь пальцы.

– Профессор чего? Мы вас здесь раньше не видели. – Один из гвардейцев начал медленно доставать меч из ножен.

Джейн снова застонала, и для него перестало существовать всё остальное. Если бы он был Исторгающим Энергию, он бы не церемонился сейчас с этими двумя. И пусть потом Ричард упрячет его в темницу. Ему было бы всё равно!

Тобиас прикидывал, сможет ли справиться с двумя сразу, когда тишину нарушил такой знакомый звук шагов.

Он резко развернулся.

– Ваше величество, – склонил голову.

– Оставь. – Король выглядел усталым и потрёпанным. Под глазами залегли тени, правая рука забинтована. Он тоже сражался?

Удивление мгновенно сменилось страхом. Джейн снова заворочалась и застонала.

– Исцеляющего Тело, срочно, – повторил Тобиас.

Его величеству хватило одного взгляда.

– Приведите Исцеляющего. Быстро! В гостевую спальню!

– Слушаюсь, ваше величество! – Один из гвардейцев оставил свой пост и бросился за Исцеляющим.

– Сюда, – позвал его Ричард.

А Тобиас так устал... Болела каждая клеточка тела. Наверное, ему тоже надо сейчас отдохнуть. Но он не мог.

Зашёл вслед за королём в гостевую спальню и осторожно уложил Джейн на кровать. Она тут же застонала и заметалась. Он дотронулся до её лба. Лоб обжигал огнём. Словно она сгорала изнутри. Да так оно и было.

Быстро осмотревшись, Тобиас нашёл кресло и придвинул к кровати. Сел рядом и взял Джейн за руку. Он безумно хотел хоть как-то облегчить её боль, но не мог.

Ричард стоял рядом и молчал. И Тобиас был только рад этому. Ему нечего было сказать королю, кроме упрёков. Почему так долго?

Исцеляющий явился действительно быстро. И, судя по его запыхавшемуся виду, бежал он всю дорогу. Джоран Стари. Тобиас знал его, и неплохо. Ещё не старик, но уже в возрасте, один из лучших Исцеляющих.

– Доброй ночи! – произнёс Стари, ни к кому не обращаясь.

Потом быстро подошёл к кровати и взял Джейн за руку. Вторую положил ей на лоб и нахмурился.

Тобиас зачарованно наблюдал за тем, как Стари, прикрыв глаза, творит своё невидимое волшебство. Самое тонкое и самое сильное. Сильнее, наверное, и Исторгающих, и Читающих. Уж важнее, во всяком случае, точно.

Джейн перестала стонать и метаться по кровати, но в себя так и не пришла. А Исцеляющий резко убрал от неё руки и пошатнулся. Лоб его был покрыт испариной. Видимо, ему тяжело далось это лечение, слишком много силы потратил.

– Как она? – спросил Тобиас нетерпеливо, только чтобы не молчать, чтобы словами отогнать самое страшное.

Стари неопределённо пожал плечами, но потом всё-таки ответил:

– Я сделал всё, что мог, но повреждения слишком большие. У неё молодой организм, но он ослаблен страхами и переживаниями. К тому же в ней борются две силы. И тоже ослабляют её. Эта девушка – Читающая, верно?

– Да, – кивнул Тобиас. – А ещё недавно в ней проснулся дар Исцеляющих.

– Тогда всё ясно. Это очень тяжело. Одно наложилось на другое. Эти дары подтачивают её силы, и организм не может справиться с внутренними повреждениями.

И снова неопределённость. Он так устал от неё!

Тобиас вскочил с места.

– Она будет жить? Вы можете сказать хоть что-то определённое?!

К йордам выдержку! Всё летело в пропасть. Всё, чего он достиг, вся его ледяная маска, всё, чторосло за эти семь лет – смело отчаянием как снежный ком.

Тобиас видел, как Ричард удивлённо поднял брови. Ну да, конечно, королю не приходилось видеть его таким. Он привык скрывать свои мысли. Все эти несчастные семь лет. Жить как в аду и держать всё в себе!

Господин Стари посмотрел на него и тяжело вздохнул.

– В моей практике никогда не было ничего подобного. Могу с уверенностью сказать лишь одно: если она не очнётся до утра, я уже ничем не смогу помочь.

– А почему вы не можете помочь? – Он не мигая смотрел на Стари.

Лжёт? Нет. Он не чувствовал лжи. Исцеляющему нет нужды лгать, нет выгоды. Но почему же тогда?

– Когда в меня попали Исторгающие Энергию, в Джейн проснулась сила. И она, даже не зная, как правильно её использовать, всё-таки вытащила меня с того света. Почему она смогла?

– Не могу сказать точно, – вздохнул Стари. – Но думаю, дело в том, что первое спонтанное проявление дара всегда очень сильное. Во-вторых, она помогла вам сразу. В нашем деле имеют значение минуты и даже секунды. Моё почтение.

Исцеляющий поклонился королю и вышел.

До утра осталось всего ничего. Тобиас уронил голову на руки и глухо застонал. Это «до утра» жгло, словно огнём. Тем самым, которым пытал Наставник. Лучше бы он остался там, в этом доме. А она бы жила.

– Всё будет хорошо. – Король похлопал его по плечу.

Он поднял голову.

– Я не могу её снова потерять. Не тогда, когда нашёл. – Он покачал головой в ответ на слова короля. Всё будет хорошо, если она доживёт до утра.

– Если что, я в своём кабинете. – И Ричард вышел, правильно поняв, что Тобиас хочет побыть один.

Тобиас снова уронил голову на руки. Принесёт ли утро надежду? Или снова одарит проклятием? Он вспомнил то утро, когда искал Джейн на руинах дома. Искал – и не мог найти.

Он взял её за руку. Жар спал, и рука была ледяная, словно самое страшное уже случилось. Но нет. Джейн дышала. Тихо, едва слышно. Наверное, ей уже не больно. Может быть, она сейчас за Гранью. И оттуда слышит его.

– Джейн! – позвал он тихо. Никакого ответа. – Что же мне делать без тебя? Как снова научиться жить?

Он прижался губами к её руке и замер. А в голове теснились видения прошлого.

Её долго нет. Кэти долго не приходит. Интересно, где она?

Тобиас осторожно, ночью, чтобы не узнал Наставник, выходит из дома, словно вор, и пробирается тёмными улочками к богатому дому Эмирансов. Это сильнее любопытства. Почему она не приходит? Обещала же прийти.

Он сам не знает, что чувствует, но в груди тревожно. Возле богатого дома – странная суета. Ярко освещены окна. У дома стоит экипаж. Не богатый, но и не бедный. Какой-то не такой. Тобиас не знает, кому он принадлежит.

Он подкрадывается ближе, ещё ближе... А в голове бродят странные мысли. Интересно, Кэтрин рассказывала родителям про него? Или она не хочет их расстраивать? В голове вдруг появляется глупая мысль: Кэти не говорит про него, потому что она скоро перестанет общаться с мальчиком из бедного квартала.

Но потом он вспоминает её слова, её взгляд. Да нет! Это просто нелепо. Она никогда не предаст его!

Вдруг он слышит голоса и тут же ныряет в кусты.

– Бедная девочка! – всхлипывает кто-то.

– Да! Исцеляющий Тело говорит, что надо быть готовыми ко всему.

– Но как же так? Где она могла подцепить эту заразу?

– Говорят, простудилась.

– Да не верю я в эту простуду!

– Сглазили нашу малышку как пить дать, – снова всхлипывает женицина.

В груди становится больно, когда он понимает, о ком они говорят. Да такого просто быть не может! Его Кэти не может умереть. Не может!

Тобиас осторожно выглядывает из кустов и видит двух женицин. В одной он узнает гувернантку Кэти, а вторую – полную и низенькую – видит первый раз. Он подкрадывается ближе, жадно вслушиваясь, но они только всхлипывают.

Это же не может быть правдой, чтобы его Кэти сейчас умирала от какой-то неведомой болезни! Он просто обязан её увидеть!

Тобиас уже не раз наблюдал за её домом. Он знает, где окна её комнаты. Они смотрят в сад. Осторожно, стараясь, чтобы ни одна ветка не хрустнула, он ползёт обратно в кусты. А оттуда – почти бегом до её окна. Подтянуться, подпрыгнуть, потом взобраться наверх – и вот он уже стоит на её подоконнике.

Теперь самое сложное: открыть окно и влезть внутрь. Счастье улыбается ему: оно не закрыто до конца, только прикрыто. Тобиас приоткрывает фрамугу и быстро проскальзывает внутрь.

Он первый раз в её комнате. На большой кровати лежит его Кэти, бледная, почти до синевы. На столе горит свеча, бросая на её лицо красноватый отблеск. А в кресле у кровати спит сиделка.

Он тихо подкрадывается к кровати.

– Кэти! – зовёт он.

Надежды почти нет. Так говорили они. И всё-таки он зовёт. Снова и снова. Она молчит. Тогда он осмеливается и дотрагивается пальцами до её лица.

– Кэти! – Всего лишь мгновение. А потом что-то неуловимо меняется. И она открывает глаза.

– Тоби! Ты пришёл! – Она радостно улыбается ему. – Мне было так плохо. Я так тяжело болела.

– Теперь ты выздоровеешь. Я же здесь. – И он сам верит в то, что говорит.

– Сейчас я верю в это. – Она улыбается ему и снова закрывает глаза. Видно, что она совсем обессилела.

– Кэтрин! – Ему вдруг становится страшно. А вдруг она умерла. Но она снова открывает глаза.

– А ты будешь приходить ко мне, Тоби?

– Конечно. Каждый день. Пока ты не выздоровеешь, – отвечает он уверенно.

– Теперь я точно поправлюсь, – улыбается она.

Глава 17

Утро не принесло надежды. Тобиас сам это видел. Бессмысленно было звать ту, что уже одной ногой была Там. С первыми рассветными лучами пришёл Исцеляющий. Положил руку ей на лоб и покачал головой.

Тобиас понял его без слов. Надежды на Исцеляющих нет. Ну тогда он сам будет надеждой! Просто так он её не отпустит! Эта ночь вымотала его. И всё же он вспомнил кое-что. И пока есть хотя бы малейшая возможность, он её использует!

Исцеляющий ушёл. Ричард остался стоять.

– Дай мне ключ от бассейна! – Тобиас обернулся к королю. Он исправит всё, пока ещё не поздно.

– Нет, – жёстко ответил его величество. – Я жалею, что рассказал тебе об этом. Не стоит даже пытаться.

– Позволь мне решать, что мне делать. – Тобиас застыл, холодно глядя на короля.

Если он откажет... что ж, одним королём сегодня станет меньше, вот и всё. И, наверное, его безумный взгляд заставил Ричарда заговорить.

– Я мог бы сейчас позвать стражу. – Король медленно повернулся к Тобиасу. – Но подумай... разве стоит всё то, что ты имеешь сейчас, жизни одного человека?

Он пытался искушать, но разве это было искушением, когда Тобиас уже давно всё решил?

– Стоит, – жёстко ответил он.

– Даже если я прикажу заключить тебя в темницу на остаток дней?

– Дай мне ключ, и потом можешь делать всё, что тебе угодно, – спокойно ответил Тобиас.

Злость схлынула, осталась лишь усталость и боль. Тем более король и так в своём праве. В конце концов, он участвовал в перевороте. Пусть и не сейчас. Но он уже заметил, что Ричард никогда и ничего не забывает.

– Ты знаешь, я завидую тебе, – усмехнулся его величество. – На, держи! И посмей только не вернуться ко мне живым и здоровым! – Он вытащил из-за пазухи цепочку с маленьким серебряным ключом, расстегнул её и перебросил ему. – Удачи!

И вышел.

Тобиас опустился в кресло возле кровати и вспомнил день, когда король впервые рассказал ему про то, что скрывает запертая дверь в саду.

– Ты слышал что-нибудь о смерти моих родителей? – Ричард поворачивается к нему.

На улице бушует метель. Слишком ранняя метель и слишком злая для этого месяца. Всё перемешалось в природе. Так же, как и у него в голове.

Сегодня первая годовщина без Кэти. Боль не притупилась, только стала острее. Тобиас почти не слышит то, что рассказывает король. Словно тот говорит не ему. И, только уловив слово «смерть», прислушивается.

– Нет, – он качает головой.

Кэти. Даже дышать без неё тяжело.

– Тогда я расскажу тебе. У нас есть королевская реликвия – бассейн, в котором бьют ключи с волшебной водой. Говорят, это дар первых фей королевскому роду. Тогда, когда феи ещё жили в нашем мире. – Король делает паузу, потом, вздохнув, продолжает: – Эта вода может возвращать жизнь человеку, находящемуся при смерти. Но есть два условия: просящий должен искренне любить того, за кого он просит, а ещё должен быть готов отдать взамен всё, без условий и оговорок. За сотни лет этот бассейн оброс кучами недомолвок и легенд. А воду из него называли живой водой. И только королевская семья знала правду и потому не спешила им пользоваться. За всю историю королевского рода истории о волшебной воде встречались только пару раз. И я, право, не знаю, чем в них всё кончилось.

Надо ж было такому случиться, что, родив мою сестру, моя мать оказалась при смерти. Королевский Исцеляющий в этот день был далеко: исполнял поручение моего же отца. А обычный городской не смог помочь. Моя младшая сестра умерла сразу после рождения, а отец почти обезумел. Бог не давал им дитя много лет. Мне было уже четырнадцать, и королевские советники говорили отцу, что ему надо

поберечь здоровье королевы, тем более что у него есть наследник. Но он не хотел никого слушать. И после родов я помню, как он упал на колени возле маминной кровати и кричал, что сам во всём виноват.

Вот тут-то он и вспомнил про бассейн. Тогда тот ещё не запирался. Любой мог войти в королевский сад и попытаться счастья. Отец любил мать. По крайней мере, за свои четырнадцать лет я не помню ничего плохого. Они почти не ругались. А если ссоры и случались, то мелкие, незначительные. Такие, наверное, бывают в любой семье.

Но, видимо, всё-таки его любви не хватило. То ли он не готов был от чего-то отказаться ради матери, то ли ещё что-то. Но на следующий день возле бассейна нашли мёртвых короля и королеву. Так я за один день лишился и отца, и матери.

Ричард вздыхает и отворачивается. Тобиас видит, что ему тяжело говорить. На мгновение собственная тяжесть притупляется.

– После этого я приказал сделать крепкую дверь и запереть эту часть сада. А ключ от неё всегда ношу с собой. Видимо, любви уже не осталось в мире. А дар фей превратился в проклятие.

Тобиас смотрит на Ричарда и не узнаёт его. Король – далеко не старик, не сильно старше его самого – сейчас кажется ему древним старцем.

Солнце взошло. Его лучи проникли в комнату и осветили бледное лицо Джейн. Время пришло. Лучше он умрёт вместе с ней, чем будет жить без неё.

Тобиас повесил королевский ключ себе на шею, взял Джейн на руки и вышел из комнаты.

Пока он спускался вниз, к выходу в сад, Джейн даже ни разу не застонала. Она висела в его руках, словно в ней уже не было жизни.

Только не думать о том, что всё может оказаться бессмысленным. Только не думать!

Тобиас кивнул гвардейцам и вышел в сад. Бассейн с волшебной водой находился в самой отдалённой части сада. И он должен успеть.

Сначала идти было легко. Потом с каждым шагом всё тяжелее и тяжелее. Сказался вчерашний день и бессонная ночь. И всё-таки он шёл вперёд.

Миновал главную аллею, свернул к королевскому пруду, решив сократить путь, и тут услышал голоса.

– Его величество просто обязан знать, где она находится. И я добьюсь от него аудиенции! Потому что на балу во время нападения Исторгающих Джейн не было.

– О, Фреди, она для тебя уже Джейн! Поздравляю! Когда свадьба?

– Перестань дурачиться!

Тобиас узнал голос говорившего. Фредерик Деверси, дружок Джейн. Накатила злость, даже ярость. Захотелось заставить этого аристократа заткнуться. Чтобы не порочил имя его Джейн своими словами. Она теперь только его, и он никому её не отдаст.

Тобиас зашагал быстрее, чтобы случайно не встретиться с Деверси.

И всё-таки они столкнулись. Как раз тогда, когда он свернул на тропинку, ведущую к бассейну.

– Профессор Ритар!

Кажется, их было трое, студентов академии. Безмозглых тупиц, которые прожигали свою молодость дольше, чем учились.

Тобиас скривился, но не замедлил шаг ни на секунду.

– Эй! Это же Джейн! Куда вы несёте Джейн, профессор? Она без сознания! Да по стойте ж вы!

Тобиас слышал, как его нагоняют эти ребята. Но сейчас никто и ничто не могло ему помешать. Он увидел заветную дверь. Она словно венчала лабиринт садовых тропинок. Высокие каменные стены, заросшие мхом и увитые плющом. И сама дверь – маленькая, неприметная. Если не знать, что здесь есть дверь, можно и не найти. Ещё немного – и он либо спасёт Джейн, либо умрёт вместе с ней. Ещё несколько шагов...

Вот и дверь.

Он прижал Джейн к себе и достал ключ. С трудом, со скрипом, но ключ всё-таки вошёл в замочную скважину. И дверь распахнулась, открывая взгляду поляну с небольшим бассейном с прозрачной водой. В воду вели мраморные ступени.

Он знал, что должен сделать.

– Профессор, стойте! – Деверси попытался схватить его за руку, но Тобиас вывернулся. У него не было желания сейчас выяснять отношения.

Надо успеть, пока ещё не поздно. Или умереть вместе с Джейн. Другого не дано.

И тогда мальчишка встал у него на пути.

– Стойте профессор! Вы не имеете права! Это же бассейн с живой водой! Вы хотите, чтобы она умерла?

– Фредди! – Друзья попытались схватить его за руки, но он вывернулся.

– Вы что, не понимаете? Он же хочет убить её! Он же её не любит! Вы что, не помните легенды?

Его отчаяние даже смешило Тобиаса. Возможно, он бы поговорил с мальчишкой, если бы не время. Оно бездарно утекало сквозь пальцы. Ничто не важно, кроме Джейн!

– Отойди!

Наверное, в его голосе звучала усталость вместо ярости. Иначе почему тогда мальчишка не послушался?

– Отдайте мне Джейн, профессор! Она – моя невеста. Я люблю её. Зачем она вам? Отдайте её мне!

– Отойди! – Он не стал ждать и объяснять. Просто оттолкнул мальчишку. Если тот попробует сделать глупость – он сам разделается с ним.

– Я люблю её! Верните мне её! – донеслось отчаянное в спину. – Пустите! Да пустите же меня! – Видимо, его дружки держали крепко.

Ну и правильно. Нечего вставать у него на пути.

– Фредди, не кипятись!

– Вы хотите убить её! – Деверси не успокаивался.

Тобиас сам не знал, зачем развернулся к мальчишке, теряя драгоценные секунды.

– Я всего лишь хочу умереть вместе с ней, если иначе нельзя! – ответил устало.

И шагнул вперёд, к заветному бассейну, который так и манил прозрачной водой. Скинул сапоги. Осторожно перехватил Джейн и начал спускаться вниз по ступеням. Некогда было раздеваться. Он видел, как бледнеют щёки Джейн, как всё тише и тише вздымается грудь. Если он и в этот раз не вырвет её из лап смерти, то ему больше нечего здесь делать.

Вода была обжигающе холодной. Настолько, что перехватило дыхание. И всё же он сделал шаг вниз по ступеням. Потом ещё один

шаг... и ещё один... Всё ниже и ниже. Бассейн был неглубоким, а ещё – не очень большим. Поплавать здесь явно не вышло бы.

Тобиас спустился по ступеням и ступил на дно бассейна. Вода доходила ему до пояса. Он поднял Джейн повыше. Чего он ждёт? Сам не знал. Но на негнувшихся ногах шагнул вперёд. И вдруг услышал голос, так явственно, что, казалось, всё заполнило им одним.

– Чего ты хочешь? – Древний и мощный, он звучал словно везде и сразу и в то же время нигде.

– Чтобы она жила, – прошептал тихо.

– Что ты готов за это отдать? – Голос спрашивал строго, словно взвешивал его на весах и находил готовым или нет.

– Всё, – выдохнул он. – Всё, что захочешь.

– И жизнь?

– Да. – Он был готов к этому, действительно готов. Если он должен умереть, чтобы Джейн жила, пусть так и будет. Не было ничего, что он не отдал бы за жизнь Джейн. Ничто не имело для него такого значения.

– Хорошо, – снова прозвучал голос.

И Тобиас понял, ЧТО должен делать дальше.

Он шагнул туда, где прямо из дна бассейна били ключи, и, прижимая к себе Джейн, погрузил её в воду. С головой, полностью. И сразу же вытащил, развернулся и направился к выходу из бассейна.

Джейн слабо застонала. Вода стекала с её волос и платья.

Тобиас сделал шаг, и острая боль пронзила всё его существо. Он был готов и лишь усмехнулся. Так быстро и нелепо. А впрочем, чего он ждал? Джейн без него не пропадёт. Выздоровеет, выйдет замуж за этого мальчишку, Деверси. Тем более тот, кажется, действительно её любит. И будет у них всё хорошо. И она забудет его.

Только для этого сначала надо выбраться из бассейна. А каждый вдох давался ему с трудом. Ноги будто налились свинцом. Может, он и должен остаться здесь, в этой воде, но Джейн он не отдаст.

Закусив губу, Тобиас из последних сил сделал шаг вперёд. Потом ещё один... и ещё...

Ухватился за бортик, подтянулся одной рукой, выполз на траву. Бережно опустил Джейн на землю, прислонился спиной к каменной ограде и провалился в темноту без сновидений.

Джейн

– Джейн! – Голос звал её, будил, заставлял очнуться.

Она помотала головой. Возвращаться упорно не хотелось. Она отмахнулась от знакомого голоса и снова провалилась во тьму.

Она стоит на поляне в условленном месте и ждёт Тоби. Ну почему же он не приходит? Разве не знает, чего ей стоило сбежать от гувернантки? Или он теперь такой важный стал из-за своего дара и не хочет с ней общаться? Или с ним что-то случилось?

Ей тут же становится страшно. Решено. Ещё несколько минут, и она пойдёт его искать.

– Эй! – окликает её противный мальчишеский голос.

Она знает его – это Бенджи, сыночек мэра. Они встречались пару раз на родительских приёмах.

– Не этого ли нищерброда ты ищешь?

И он пинком вталкивает на поляну Тобиаса. Волосы у того растрепались, глаз подбит, нос в крови. И смотрит волком.

– Что вы с ним сделали? Отпустите его сейчас же! – вскрикивает она, но забывает, что здесь, без помощи родных, она не аристократка, а такая же, как они.

– Да ну! С чего это мы должны его отпустить? Мы ещё не повеселились. Верно, Рони?

Его дружок улыбается и сплёвывает сквозь зубы. Потом подходит и пинает Тоби. Тот вскидывается и тут же получает кулаком в нос.

– Прекратите! – Она бросается к мальчишкам, не в силах на это смотреть. – Перестаньте сейчас же!

– А то что? Что ты нам сделаешь? Маменьке с папенькой расскажешь, а? – нагло улыбается Бенджи. Да так, что хочется стереть эту улыбку с его лица. – Хотя, пожалуй, мы прекратим, если ты поцелуешь меня... ну, пока, скажем, в щёчку. И попросишь его отпустить.

– Кэти! Не надо! – вскрикивает Тоби, и тут же получает кулаком в живот.

– Хорошо, я согласна, – торопливо отвечает она, пока Бенджи не передумал.

– Ну тогда проси! – Бенджамин с наглой ухмылкой на противной прыщавой роже стоит, задрав голову, и смотрит на неё.

– Бенджи, отпусти его, пожалуйста. – Она мило улыбается. Главное, чтобы этот самовлюблённый дурак ничего не заподозрил.

– Отпустите его! – милостиво кивает Бенджи.

Мальчики отпускают Тобиаса. Кэтрин поворачивается к нему и улыбается. Только бы он понял. Тоби стоит и хмурится. Один глаз заплыл, по губе течёт кровь.

– Теперь поцелуй, – противно улыбается Бенджамин.

– Конечно. Ты такой красивый, – мило улыбается она ему.

Подходит ближе, приобнимает Бенджи. Тот даже прикрывает глаза. Вот сейчас. Кэтрин со всей злости кусает его в щёку, потом бьёт ногой.

– Бежим! – кричит Тобиасу.

Он тут же хватает её за руку, и они бегут в лес. А вслед им летят совсем не аристократические эпитеты.

– Фух. Больше не могу. – Она падает на траву, когда вопли Бенджи затихают вдалеке.

– Ловко ты его! – смеётся Тоби. – Я даже и подумать не мог, что ты так умеешь.

«И что сделаешь это ради меня», – говорят его глаза.

И Кэти всё понимает.

– Тебе больно? Давай я помогу! – бросается она к Тобиасу.

– Чем? – Он улыбается.

– Да хоть промою рану! Нянюшка читала мне как-то про лечебные травы. Ну-ка, дай посмотрю!

Ей так жалко Тобиаса... Они не имеют права над ним издеваться! Ничего, он вырастет и покажет им всем!

– Я думал, ты бросишь меня, – вдруг бурчит он. Видно, что ему стыдно.

– Я – тебя? – изумляется она. – Никогда! Ты – мой самый лучший друг.

– Ох, ну и влетит тебе из-за меня! – Тобиас внимательно осматривает её наряд, весь помятый, рваный и кое-где даже в крови. – Аристократка не должна бегать по лесам с нищим мальчишкой.

– Не влетит, – отмахивается она. Подумаешь! Поругают и на пару дней посадят под замок. Всё равно ничего ей мама с папой не сделают. – Давай лучше поищем малину. Ты знаешь, как выглядят малиновые кусты?

Джейн очнулась, как будто резко вынырнула из глубокого сна. Что с ней произошло? Прошое так сильно перемешалось с настоящим, что она с трудом вспомнила события последних дней.

– Джейн! – Её снова кто-то позвал по имени. И это точно был не Тобиас!

Она открыла глаза и увидела наклонившегося над ней Фредерика. Рядом стояли двое его друзей.

– Ты очнулась! – Он просиял. – А как ты себя чувствуешь?

– Всё хорошо! – Она удивилась вопросу. Что-то было не так, совсем не так. Этот вопрос должен был задавать ей Тобиас.

Она обернулась, ища профессора. Он полусидел рядом с ней, опираясь на каменную ограду. Глаза его были закрыты. Спит? Или...

В глазах потемнело от страха.

– Тоби! – Она быстро передвинулась к нему и взяла его за руку. Сейчас весь мир перестал для неё существовать, кроме него. Куда-то отделились Фредерик с друзьями, их изумлённые вопросы... Всё вдруг стало ненужным и не важным. – Тоби! – позвала она ещё раз и попыталась нащупать пульс.

Всё повторялось. Началось в саду и там же должно закончиться. Только в этот раз над головой сияло яркое солнце, а от света даже стало больно глазам.

Она не заметила, как исчез Фредерик. Главное – тут был Тобиас. И он был жив. Значит, всё хорошо.

Она постепенно вспоминала, что произошло. Этот ужасный вечер, когда его пытал Наставник. Вечер закончился для неё болью и полной темнотой. Что случилось потом, она не знала. Но они вдвоём, и оба живы. А это – самое главное.

Джейн осторожно провела пальцами по его лицу и сделала то, о чём так давно мечтала: убрала седую прядь волос с лица. И поразились тому, какой же красивый её Тоби. Она никогда не смотрела на него так, и вот сегодня ей даже стало больно от этой красоты. Нет, наверное, он

красивый не для всех, не той канонической красотой, к которой все привыкли. Но и она, положив руку на сердце, вовсе не красавица.

– Тоби! – позвала она его ещё раз.

И он наконец открыл глаза. Увидел её, улыбнулся и перехватил её руку.

– Джейн! Мы живы, ведь верно?

– Да, – кивнула она. – А что случилось?

– Я расскажу тебе позже. – Было что-то, о чём он не хотел говорить.

Но и она не настаивала.

Джейн смотрела на него и не могла отвести глаз, растворяясь в его глазах. Чёрные, в глубине которых словно вспыхивали искорки. Вспыхивали и таяли только для неё.

Тобиас молча притянул её к себе, погладил по голове, а потом прижался губами к волосам.

– Ты пахнешь счастьем, – прошептал тихо.

Но Джейн слышала. И стало жарко от радости.

Сколько минут они так сидели, она не знала. А потом Тобиас вдруг высвободился из её объятий.

– Что такое? – Она посмотрела на него. Напридумывает себе чего-нибудь, с него станется.

Но Тобиас не ответил. Только сидел и молча рассматривал её. А потом вдруг попросил:

– Дай мне руку.

Глава 18

Она протянула ему руку. Тобиас осторожно перехватил её, и Джейн снова провалилась в его воспоминания. Зачем он хотел её прочитать? Хотел увидеть что-то важное? Что-то, что она забыла?

Ей было это не важно. Она доверяла Тоби. И не стала ставить барьер. Ей надо было узнать, что произошло за последние часы. И она увидела всё. Тобиаса перед ней на коленях, его безумную скачку, его отчаянье, его боль, его решимость... Его надежду, наконец. А потом этот бассейн, возле которого они сейчас сидели. И... он снова спас её.

Она вынырнула из его воспоминаний растерянная, но счастливая. Его боль и его любовь переполняли её. Теперь она знала, что это она – его Кэти. И... наверное, она не заслуживает такой любви.

Джейн не сразу поняла, что профессор Ритар смотрит на неё как-то растерянно и грустно.

– Что?

Всего одно слово, но ей снова стало страшно. Может, он нашёл что-то в её мыслях, что-то неподобающее? Может, что-то увидел... Интересно, наступит ли когда-нибудь время, когда она сможет не бояться, а он – перестанет закрываться от неё?

– Я больше не Читающий, – ответил он просто.

– Как это? – тихо переспросила она. Быть такого не может!

– За всё надо платить. – Тобиас устало улыбнулся.

И Джейн не могла понять, что было в этой улыбке. Радость? Боль? Обречённость? Усталость?

– Это из-за меня, да? – вскинулась она. – Это я виновата. Ты снова спас меня. Я видела. Эта вода забрала твой дар.

– Не говори ерунды. Мой дар – ничто по сравнению с твоей жизнью. По правде говоря, это слишком хорошо для того, чтобы я смог в это поверить. – Он коротко усмехнулся. – Это не дар, это – тяжёлое бремя. Особенно если использовать его так, как я. Я понимаю твоего отца, Джейн. Жаль только, что дар либо есть, либо нет. Никто не даёт нам права выбора – родиться с ним или без него.

Он замолчал и посмотрел куда-то вдаль. И ей вдруг стало печально. Всё, что было между ними, оно... зыбко. Словно есть только

в воспоминаниях. Ни один из них не может сказать другому вслух то, что чувствует. Раньше Джейн думала, что одного дара достаточно, чтобы быть счастливым с любимым. Как же она ошибалась.

И всё же она не могла на него насмотреться. Лицо Тобиаса за эти дни осунулось и похудело, морщины прорезали лоб. Он ненамного старше её, а пережил... Боже, как много всего он пережил! Если это в её силах – хотя бы возместить ему то, что он выстрадал. Быть рядом, помочь.

– Джейн! – вдруг прорезал тишину его голос. – Это – твоё.

Он снял с шеи цепочку, на которой висело знакомое кольцо. То самое, помолвочное – россыпь бриллиантов среди роз. И протянул ей на ладони, смотря на неё так, что Джейн невольно покраснела. Он ведь всё знал. Зачем спрашивает? Зачем проверяет? Разучился доверять?

Она осторожно взяла кольцо и надела себе на палец. Странно. Подошло, как будто он только вчера купил его.

– Спасибо тебе, – ответила тихо. И застыла, не зная, что сказать.

– Оно твоё по праву. Я все эти годы корил себя тем, что ты не взяла его. Хотя, по правде сказать, тогда ты была права.

– Не надо об этом! – торопливо перебила Джейн. – Я была глупой девчонкой. Если бы я знала, какую боль причиняю тебе, я бы никогда так не поступила.

– А теперь ты согласна стать моей невестой? – Его голос звучал мягко и глухо. Знакомый бархат.

И Джейн вспомнила, как в первые дни в пансионе, после того как отец заставил её забыть, просыпалась в слезах. Ей снился этот вкрадчивый бархатный голос. Он звал её по имени. А она не понимала, кто её зовёт, не помнила.

– Да, конечно, да! Сотню раз да! – Она подняла на него глаза. Так странно... Читать его мысли и бояться посмотреть ему в глаза. Но...

Тобиас тут же прижал её к себе.

– Моя Джейн! – сказал глухо. В его глазах плясали искры. Золотое на чёрном.

Она потянулась разгладить морщины.

– Я теперь всегда буду с собой! Ты никуда от меня не денешься, профессор Ритар! – шутливо ответила она.

И тут же его взгляд помрачнел.

– Я больше не профессор.

– Ты будешь профессором в нашем пансионе. – Только стереть эту грусть с его лица! Стереть, чтобы никогда больше не видеть, как Тобиас грустит. – А ещё будешь учить наших детей!

– Я – и дети! Джейн! – Он покачал головой и улыбнулся.

Джейн восторженно смотрела, как улыбка преобразует его лицо, сразу разглаживая морщины. А профессор Ритар стал мальчишкой Тоби, с которым они вместе бродили по лесам и полям.

Подул слабый ветерок, над головой зашумели ветки, а ей резко стало холодно. Она вдруг почувствовала, что платье на ней мокрое и что со вчерашнего дня во рту ни крошки не было.

– Замёрзла? – Тоби тут же оказался рядом. – Я – дурак. Забыл, что ты промокла. Спас тебя для того, чтобы заморозить. Пойдём быстрее во дворец.

– Зачем туда?

Во дворец не хотелось. А вот увидеть дом, где столько лет прожил Тобиас, было жизненно важно. Вот, правда, приличия... Хотя какие между ними могут быть условности?

– Это быстрее. Тебя и накормят и согреют. А я наконец-то выясню подробности произошедшего вчера.

А Джейн со стыдом подумала, что он, наверное, и не ел вчера ничего – не до того, кажется, было.

– Можешь идти? Или тебя донести?

– Я пока живая и могу пройти несколько шагов! – возмутилась она.

И как он так выводит её на эмоции?! Всегда. И мальчишкой, и профессором. Как у него это так замечательно получается?

Тобиас только посмотрел на неё и усмехнулся. Потом подал руку, и они так быстро, как только могли, направились ко дворцу.

– Тоби, – она решилась спросить, пока они шли, – как ты меня узнал? Ведь я не похожа на ту Кэти...

Джейн смутилась. Она помнила, как в семнадцать лет смотрелась в зеркало. А зеркало показывало неотразимую молодую девушку. Она считалась самой завидной невестой. Золотые волосы, точёная фигура, идеальный овал лица, ясные синие глаза. На неё заглядывались, когда она проходила мимо. И это совсем немного, но кружило голову. От той семнадцатилетней кокетки ничего не осталось. И это было почти больно.

Тобиас без слов угадал, о чём она думает, и осторожно пожал ей руку. И никакие воспоминания были не нужны.

– Ты вскидывала голову в знакомом жесте. А ещё крутила медальон и вытирала платком подол платья. И ещё куча и куча мелочей, которые делала только моя Кэти. А внешность – это только оправа для души. Я говорил тебе, что узнал бы тебя в любом виде, и повторяю это снова.

Джейн стало жарко от его слов и от его голоса. Чувствовать себя настолько любимой было даже больно!

Во дворце было тихо и пусто. Джейн удивилась бы этому, если бы не усталость. Хотелось лечь в кровать, укрыться тёплым одеялом, свернуться клубочком, и чтобы рядом был Тоби, как в детстве.

Но Тобиас всё вёл её хитросплетениями коридоров. Наконец они остановились перед дверью. Тоби постучал, дверь тут же распахнулась, и на пороге появился король.

– Тобиас! – ахнул он. – Госпожа Фелина!

Ей показалось или король был изумлён?

– Джейн надо отдохнуть и переодеться, – кивнул на неё Тобиас. – И вот, держи, это твоё. – И он протянул королю цепочку с маленьким серебряным ключом.

Тут же появился слуга и отвёл её в небольшую комнату, где ей предложили сначала принять ванну, а потом принесли завтрак. Джейн до сих пор казалось, что она – в сказке. Как будто сбылась её мечта. Даже не верилось. Всё хотелось дотронуться до Тобиаса. Неужели это правда? Неужели она действительно его невеста?

Она прижала руки к горящим щекам и улыбнулась.

Служанка услужливо указала ей на кровать. Джейн прилегла. Она ведь только на чуть-чуть. И сон сморил её. И почему-то во сне рядом с ней сидел кто-то невероятно похожий на Тобиаса и гладил по волосам.

Тобиас

Когда Джейн ушла, он даже не сразу понял, почему вдруг так темно стало в комнате, словно солнце померкло. А потом понял. Она – его солнце.

– Ну что? – Ричард предложил ему присесть. – Я готов выслушать тебя. А тебе, думаю, интересно, что произошло вчера.

– Мне нечего рассказывать. – На душе в первый раз было безоблачно. – Только то, что я больше не Читающий.

– Плата, – кивнул король. – Жаль. Ну, у меня есть твоя невеста. Ведь верно?

– Не впутывай её в это! Эта мерзость! То, что видел я, не для неё!

– То есть всё-таки невеста, – довольно улыбнулся король.

Тобиас смутился. Он не говорил Джейн о любви. Между ними всё было просто. Никаких секретов. И всё-таки... Может, ей этого мало?

– Разве могло быть иначе? – тихо ответил он.

– Могло, судя по тому, насколько смурной ты ходил.

– Я не хотел впутывать её во всё это. Она и так слишком пострадал из-за меня.

– Угу, – хмыкнул Ричард. – Лишилась памяти и одного богатства, чтобы обрести второе и ещё силу. Но совет вам да любовь, как говорится. С таким желанием утешать друг друга вы будете безумно счастливы, чего я вам и желаю. Когда, кстати, свадьба?

– Не знаю, – пожал плечами Тобиас. – Пусть это будет её праздник. Я лишил её этой радости в день помолвки. Пусть же порадует сейчас. Но всё-таки хочу как можно скорее.

– Через неделю? В королевской часовне? Вас устроит?

– Меня устроит всё, – усмехнулся Тобиас. – Но я спрошу Джейн. Ждал семь лет – и подожду ещё.

Король снова хмыкнул, но ничего не сказал. Потом встал, отодвинул недопитый бокал и подошёл к окну.

– Мы поймали почти всех. – Он посерьёзnel. – Но Наставник, как всегда, улизнул. Только в этот раз туда, откуда не возвращаются.

– Яд?

Король кивнул.

Тобиас даже не сомневался. А разве могло быть иначе? Если бы он сам ловил Наставника, возможно, он смог бы прочитать и не допустить такого исхода. Но тот (случайно ли?) вывел его из игры. Теперь уже никто не узнает его истинную цель и то, зачем он затеял целых два переворота.

– А остальные?

– Половина в тюрьме, половина погибла.

– Смотрю, ты сам был ранен. – Тобиас кивнул на правую руку короля, которая всё ещё лежала на перевязи.

– Тут было горячо, – усмехнулся Ричард, – поэтому я и опоздал.

Тобиас кивнул, принимая ответ. Сейчас они с его величеством были почти на равных.

– Не забивай себе голову. Подумай лучше о свадьбе.

– Если нужно будет допросить кого-то... – начал Тобиас и осёкся. Он теперь не Читающий.

– Не бойся, без тебя обойдёмся, – усмехнулся Ричард.

– А что с Авени? Знаешь ли, неприятно, когда у тебя на глазах погибают студенты.

– Там не всё чисто, – вздохнул его величество. – Студент сам оказался виноват. Наставник наобещал ему с три короба и поставил следить за профессорами, и за тобой в частности. А потом то ли студент оказался не так усерден, то ли Наставник захотел предупредить тебя и продемонстрировать, как он относится к предателям, но в итоге Авени оказался мёртв.

– Пешка в его игре. Очередная. – Тобиас посмотрел через окно на королевский сад и отстранённо подумал о том, сколько на самом деле людей погибло от руки Наставника и по его воле. – Хорошо, что он больше никому не сможет навредить.

Король согласно кивнул и встал.

– Ну, не буду тебя задерживать. Если у тебя есть ещё какие-то вопросы – задавай. Я же вижу, что тебе не терпится вернуться к своей госпоже.

Тобиас усмехнулся, пытаясь за усмешкой скрыть смущение. Ему действительно не терпелось увидеть Джейн. Он не мог на неё насмотреться. Неужели жизнь действительно повернулась к нему белой стороной?

Он ещё немного порасспрашивал Ричарда о подробностях того вечера, а потом откланялся и направился в комнату Джейн. Хотелось спросить у неё про свадьбу. Он всё ещё не до конца верил, что это возможно. Что его Кэтрин-Джейн действительно его и больше никуда не денется.

Но в комнате было тихо. Джейн спала на кровати, смешно свернувшись клубочком. Такая маленькая и такая сильная. Только его.

Тобиас сел рядом с ней и погладил по волосам. Так странно... Он не говорил ей о любви. Она прочла это в его воспоминаниях. Наверное, надо сказать. Но он не мог, не умел. А вот быть рядом каждую минуту – мог.

А ещё – никогда не оставлять.

Глава 19

Джейн

Джейн проснулась с ощущением того, что абсолютно выспалась. А ещё не чувствует усталости, вот совсем. И ничего не болит. Вспомнив вчерашнее (или, может, ещё сегодняшнее?), она открыла глаза. И тут же взгляд упал на Тобиаса. Он спал в кресле возле её кровати. Наверное, присел рядом, да так и уснул.

Во сне его морщины разгладились. Выражение лица стало почти безмятежным. Надо им скорее пожениться, чтобы больше никто и ничто не смогло разлучить их.

Будить Тобиаса Джейн не хотела, но и чем заняться, не знала. Встала. Над королевским садом догорал закат. Вечернее солнце вызолотило всю комнату и предметы в ней.

А Джейн вдруг подумала, что здесь всё такое роскошное... Как и в особняке, который оставил её лжедядя. А ей никогда не нравилась эта роскошь и пышность. После свадьбы они с Тоби купят какой-нибудь маленький домик, в котором всё будет напоминать об уюте и их любви. И она обязательно обставит его по своему вкусу. Если он, конечно, захочет.

Она присела на кровать, и тут Тобиас пошевелился.

– Джейн! – Он открыл глаза и застыл, глядя на неё.

А она так же застыла напротив, замороженно глядя в его глаза. Потом качнулась к нему, и Тобиас прижал её к себе.

– Я люблю тебя. – Он уткнулся носом ей в волосы.

Джейн закрыла глаза, наслаждаясь запахом полыни и горьких трав.

– Как я люблю тебя, моя Джейн! – Его голос звучал глухо и хрипло. – Я никогда не говорил тебе об этом. Не хватало слов.

– Я тоже люблю тебя, Тоби!

Сколько они так сидели, пока наконец Тобиас не отпустил её, Джейн не знала.

– Когда ты хочешь пожениться?

Казалось ему ещё тяжело открыто говорить всё, что он думает. И Джейн понимала его и принимала. Но как ей хотелось, чтобы уже сейчас между ними не было никаких условностей! И существовало только доверие, которое выше всего.

– Как можно быстрее!

– Через неделю устроит? Его величество предложил нам королевскую часовню.

– Конечно. – Как можно быстрее стать его женой!

– Тогда выбирай гостей, платье и всё, что ещё хочешь. А я пойду обрадую его величество.

И Тобиас ускользнул от неё.

* * *

Неделя пролетела как один день. Надо было спешить. Уложить вещи, закончить все дела с наследством отца, который для всех являлся её богатым дядей, и всё такое прочее.

Тобиас тоже был занят. Джейн почти не видела его. Тут-то и помог тот список, который она написала перед балом. Теперь она методично собирала по нему вещи.

Сразу после свадьбы они договорились уехать в Вайлезтаун, небольшой прибрежный городок так далеко от столицы, как только возможно. Тобиас шутил, что его величество разом лишился двух своих самых сильных Читающих. И это было правдой.

Джейн боялась, что король не отпустит её. Но в любом случае рядом будет Тобиас. Какая, в сущности, разница, где жить? Главное, чтобы вдвоём.

И всё-таки сердце рвалось прочь от столицы. Хотелось дышать свободно и не думать о том, что она что-то должна. А ещё – немного, совсем немного отдохнуть. И её Тоби... Он заслужил этот покой.

Поэтому Джейн собирала вещи и даже не думала о свадебном платье. Хотя нет, думала, но совсем немного. Приглашать на торжество было некого. И кроме его величества короля Ричарда, который предложил стать её посажёным отцом, больше никого видеть не хотелось. Только скромное торжество и они с Тобиасом.

Поэтому она заказала самое простое белое платье. Такое, что можно сшить за неделю. А ещё – розы. Она знала, что Тоби будет рад увидеть её с розами в волосах. И никаких украшений.

Тобиас заехал за ней утром перед свадьбой. Да, невеста не должна видеть жениха в день свадьбы, а он – не должен видеть её до встречи в храме. Но у них не осталось родных. Некому было следить за соблюдением условностей.

– Ты готова? – Тобиас вошёл в гостиную.

Неизменно в чёрном. Даже цвет рубашки не сменил. И этот цвет невероятно шёл ему. В белом или голубом, как Фредерик, он смотрелся бы смешно и нелепо.

Она повернулась и улыбнулась ему, чтобы тут же поймать ответную улыбку.

– Джейн! – воскликнул он. И столько восторга было в его голосе, что сердце невольно зашлось от счастья. – У меня для тебя подарок.

– Какой же? – Она улыбнулась. Оставалось только приколоть белые розы к волосам и надеть вуаль. – Ну же, Тоби, не томи!

– Закрой глаза!

Джейн подчинилась и ощутила робкое прикосновение. Тоби что-то надевал ей на волосы. Так странно, но она снова чувствовала себя девчонкой, весёлой и озорной Кэтрин. С Тоби она словно возвращалась в детство. Радостно наблюдая, как улыбка преобразует его черты.

– А теперь можешь открывать.

Она открыла глаза. На голове красовался венок. В нём блестели белые лилии и розы – знак чистоты и доверия. Они были словно живые, и всё же...

Джейн прикоснулась к венку и ощутила пальцами холодный металл.

– Тоби! – ахнула она и бросилась к нему на шею. – Где ты взял такую красоту?

– Не скажу. – Он довольно улыбнулся. – Не всё же моей Кэти меня удивлять. Ну а теперь, если ты готова, пойдём!

Он подал ей руку и повёл в карету. Так получилось, что на свою собственную свадьбу они ехали вместе. И снова вопреки традиции.

Они никому не говорили о свадьбе. Но, видимо, сплетни всё же разошлись. Может, виной тому была портниха. Но когда Джейн

садилась в карету, она расслышала шепотки за спиной:

– ...богатая аристократка – и этот ворон...

– ...не пара!

– ...говорят, он любимчик его величества...

Было не больно, но неприятно. Вряд ли эти сплетники когда-нибудь оставят их в покое. Как же – она одна из самых богатых аристократок в столице! Было немного не по себе. Но Джейн только выше подняла голову. Какое ей дело до сплетен, если у неё есть Тоби?!

– Не обращай внимания! Я привык. И ты скоро привыкнешь, если выйдешь за меня замуж.

– Почему – если? Ты ещё сомневаешься во мне, Тобиас Ритар?! До сих пор?! – Она подняла глаза, с возмущением глядя на него. Хотелось одновременно и сказать ему, как сильно она его любит, и встряхнуть, чтобы не смел думать всякие глупости. – Просто сразу после свадьбы мы уедем туда, где нас никто не будет знать, вот и всё.

Тобиас в ответ только вздохнул. Джейн не знала, о чём он думает. Но он больше не один, а значит, просто не имеет права печалиться!

Возле дворца их уже ожидал его величество. Сегодня на нём был парадный камзол. И он бы затмил своей красотой жениха, если бы Джейн думала об этом. Но она смотрела только на Тоби, когда король взял её под руку и первым повёл под своды часовни.

В часовне было полутемно. Только одинокий луч света из небольшого оконца проник сюда и лёг прямо им с Тоби под ноги.

Джейн улыбнулась. Ей казалось, это радостный знак.

Служитель начал церемонию. А Джейн смотрела и не могла насмотреться на Тобиаса. Таким красивым он ей казался. И она снова тонула в его глазах.

– Согласен ли жених, Тобиас Ритар, взять в жёны Джейн Фелину, любить, заботиться и беречь её, пока смерть не разлучит вас?

– Да, – кивнул её Тобиас.

И медленно надел ей на руку кольцо. Обычное, без украшений. Просто закрученная полоска ладала – специального свадебного металла.

Кольца им подарил король. «Свадебный подарок в честь того, что всё хорошо закончилось», – сказал он.

– Согласна ли невеста, Джейн Фелина, взять в мужа Тобиаса Ритара, любить, заботиться и беречь его, пока смерть не разлучит вас?

– Да, – кивнула она и надела на палец Тобиаса кольцо. Его рука дрожала, а в глазах ей показались слёзы. Они оба слишком долго этого ждали. Но теперь они наконец вместе, и никто их не разлучит.

Одинаковые клятвы для двоих. Так и должно быть.

Джейн вдруг почувствовала на губах солёные капли. И поняла, что тоже плачет. Свадебный обряд завершился. Они теперь муж и жена.

– Ты плачешь? – Лицо Тобиаса так близко. Он дотронулся до неё и стёр слёзы с глаз. – Я такой плохой муж?

– Ты знаешь, что нет. – Она покачала головой. – Просто я слишком долго этого ждала.

– И я. Теперь ты моя. И я никому не отдам свою маленькую аристократку.

– Ну, поздравляю вас. – Его величество оказался рядом.

Джейн показалось – всего на секунду, – что в глазах короля промелькнула печаль и что-то похожее на зависть.

– Совет да любовь, как говорится. Надеюсь, вы будете хоть изредка навещать старого холостяка в столице.

– Будем, но только изредка, – усмехнулся Тобиас.

Они вышли из часовни в сад. Тобиас отпустил её руку и отошёл на пару шагов. Им надо было о чём-то поговорить с королём. А Джейн почувствовала, как её заполняет тёплая радость, которая, казалось, скоро перельётся через край.

Яркое весеннее солнце играло бликами на мраморных статуях, переливалось через край с брызгами фонтана. А птицы словно для них одних распевали торжествующую песню.

– Джейн! – вдруг позвал её кто-то.

Она обернулась – и улыбка угасла на лице. Рядом стоял Фредерик.

– Я всего на пару слов.

– Говори, – кивнула Джейн.

Он не поздравил её. Да она и не нуждалась в поздравлениях. И всё-таки совсем немного, но было обидно.

– Скажи честно – он околдовал тебя? Или угрожал? Или шантажировал чем-то? А может, его величество отдал приказ? Почему ты вышла за... него? – Фредерик скривился, словно не в силах даже выговорить имя её теперь уже мужа.

Джейн сначала посмотрела на мужа. Но Тобиас разговаривал с королём, не глядя на неё. Хорошо. Значит, сейчас она выскажет господину Деверси всё, что о нём думает.

В груди разгоралась холодная ярость. Он не имеет права так отзываться о самом лучшем на свете человеке!

– Фредди, – начала она тихо. Но голос, наверное, прерывался от волнения, выдавая её. – Тебе всё равно, что у меня сегодня свадьба? Ты пришёл, чтобы испортить мне этот день, верно? Как ты смеешь задавать мне такие вопросы? Я дала тебе какое-то право для этого?

Джейн подошла к Фредерику вплотную, наслаждаясь изумлением на его лице. Да, видит бог, она не злопамятная. Но Тобиас и так слишком много страдал, чтобы выслушивать такие глупости. И за вот этого человека отец хотел её выдать?!

– Но... Но постой, Джейн... Ты же не хочешь сказать... – Он замялся.

– Не хочу сказать что? Что я всей душой люблю Тобиаса Ритара? И любила всегда, только его одного? Разве я скрывала от тебя, что ты, Фредди, только мой друг? Или ты настолько ослеп от своей влюблённости, что никого, кроме себя, не видишь?!

– Любишь? – Он потрясённо взглянул на неё.

Ну просто обиженный ребёнок. Джейн даже стало его ненадолго жаль. Она знала (чувствовала, пусть и недолго), что это такое – любить безответно. И всё же Фредерик перешёл все грани.

– Но послушай, – сделал он последнюю попытку. – Ты уверена, что будешь с ним счастлива? Разве он – тот, кто тебе нужен? Не знаю, как он заколдовал тебя, но я люблю тебя гораздо сильнее! – произнёс он с жаром, а потом схватил её за руку.

Наверное, он надеялся, что она прочтает его. Но Джейн не горела желанием читать ничьи воспоминания, кроме Тоби. Только его. Даже в мыслях.

Она сразу поставила барьер, как учил её супруг, и отбросила чужую руку.

– Прости Фредерик, но ты действительно не понимаешь.

Джейн отвернулась и шагнула к мужу. Было одновременно и смешно и печально. Если они останутся с Тобиасом в столице, сколько ещё таких слов ей придётся выслушать?

Тоби наконец-то поговорил с королём и повернулся к ней. Увидел рядом Деверси, который упрямо стоял чуть позади, и нахмурился. Брови сошлись на переносице.

– Что случилось? – спросил тихо. – Что он тут делает?

– Спрашивает, чем ты меня приворожил, – усмехнулась Джейн.

– И что же ты ему ответила?

– Сказала, что это всё чушь! – Она упрямо сжала губы. Наверное, её супруг (так сладко звучало это слово, что ей даже в мыслях было радостно повторять его) скучает по своему дару. – Тоби, у меня от тебя нет секретов.

– Теперь ты читаешь меня? – Морщинка на лбу разгладилась.

– Нет. Я и так знаю, о чём ты думаешь. Мне не нужно читать для этого.

– Это не прекратится, Джейн, пока мы не уедем отсюда.

Она согласно кивнула. Пока они шли к карете, Джейн немного отстала, сделав знак мужу. Тоби усмехнулся, но пошёл вперёд, ничего не сказав. Он ей доверяет. Да может ли быть ещё большее счастье?!

Как она и чувствовала, Фредерик быстро нагнал её.

– Джейн, если тебе вдруг понадобится помощь, ты знаешь, где меня искать!

Она развернулась к нему.

– Фредди! Я знаю, что ты мне неверишь, потому что хочешь видеть только свои иллюзии. Но мне не нужна помощь. Запомни это, пожалуйста, и смирись, – выдохнула она.

И, даже не посмотрев на Фредерика, бросилась догонять Тобиаса. Она сегодня счастлива, и никто не помешает их с Тоби счастью!

Эпилог

– Госпожа Ритар, прибыли новые ученицы.

– Хорошо, заселите их в свободные комнаты. Я приду посмотреть на них чуть позже.

Она кивнула госпоже Ливен и вышла из пансиона.

– Никак не можешь привыкнуть к тому, что ты теперь госпожа Ритар? – Тобиас подкрался бесшумно и обнял сзади за талию.

Знакомый запах полыни. Джейн улыбнулась.

– Уже почти привыкла.

Они молча пошли по дороге от пансиона. За два года жизни здесь, у моря, они успели столько, сколько другие не смогли бы сделать, наверное, и за несколько лет. Купили и обставили дом – сначала для себя. А потом открыли и пансион для сирот, обладающих даром.

Сначала Джейн даже не думала об этом. Она хотела помогать всем. Но так получилось, что первыми девочками-сиротами, которых привезли в их пансион, были сестрички-близняшки с даром, как у неё – Читающие Души. Ну и дальше так повелось. Скоро уже и не только сирот отправляли в её пансион. А его величество обещал поддержку, в том числе и финансовую.

Но если бы не Тоби, ей пришлось бы очень тяжело. Он замечательно разбирался в бумагах, счетах и всём таком. А Джейн видела, как он страдает без дела и как оживился, попав в родную стихию. Он не говорил с ней об этом, но всё равно скучал и по дару, и по преподавательской деятельности. Он ведь упрямый, её Тоби.

Джейн улыбнулась.

– А пойдём прогуляемся к морю! Ты, надеюсь, закончил свои дела!

– Закончил, – буркнул он и снова замолчал.

Что-то было не так. Джейн не понимала, но за эти два года научилась без всякого чтения улавливать мысли и чувства Тоби.

– Что случилось? – спросила, как только они ступили на песчаный берег. Море сегодня неистовствовало. Наверное, будет буря.

– Скажи, Джейн, – он развернул её к себе, – тебе не скучно здесь, со мной?

И его пристальный знакомый взгляд, проникающий в душу.

Он лишился дара? Нет уж! Друг для друга они всегда останутся Читающими, даже безо всяких даров. Слишком сильно они связаны.

– Ты что придумал?! Нет и ещё раз нет! Без тебя мне было бы здесь скучно. Но только не с тобой. – Джейн положила руку ему на грудь, чувствуя, как под рубашкой стучит его сердце. Стучит для неё. – Опять какие-то письма?

Раз в несколько месяцев то ему, то ей приходили анонимные письма. То шантаж, то попытки вызвать на ревность или причинить боль. Два года прошло. Неужели это Деверси никак не уймётся?

– Не обращай внимания! – Тоби улыбнулся. И морщинка на лбу разгладилась. Волшебство какое-то.

– У меня, кстати, нет никого на примете, чтобы помочь девочкам обучиться управлять даром.

– Ну ты сама и Исцеляющая, и Читающая. А Исторгающих у тебя в пансионе пока что нет.

– И, надеюсь, не будет, – вспомнила Джейн и поёжилась. Её общение с Исторгающими было отнюдь не радостным. И хотя любой дар можно использовать как на пользу, так и во зло, она всё-таки не любила Исторгающих. – Я не Исцеляющая – только учусь, – тихо ответила она.

Тоби знал, насколько тяжело иметь дар. И почти заставил её пойти учиться у Исцеляющего. Всё-таки иметь дар и не пользоваться им – это, наверное, преступление. Но, конечно, до того, чтобы лечить любую болезнь, ей ещё далеко.

– Но ты Читающая и можешь рассказать девочкам, как пользоваться даром.

– Нет, – покачала головой Джейн. – Я могу показать, я могу прочитать, но рассказать не могу.

Она немного лукавила. Но она действительно владела даром всего ничего. Тобиас предлагал найти ещё учителя, но Джейн не хотела. Представить, что придётся читать кого-то ещё, раскрывать перед кем-то свою душу... Нет уж, увольте. Вот Тобиас знал больше и намного дольше был Читающим и профессором. А ещё он совсем немного, но загрустил.

– И что ты предлагаешь? Ведь ты же не просто так это сказала? – И он развернул её к себе.

Джейн лукаво улыбнулась.

– Предлагаю тебе помогать мне обучать этих девочек. Я показываю, а ты объясняешь, как надо делать.

– Я и девочки?! – непритворный ужас отразился в глазах Тобиаса. – Я умею общаться только с одной девочкой так, чтобы она не убежала от меня. – И он прижал Джейн к себе.

Да, Тоби умел внушать ужас одним своим появлением в пансионе. Пансионерки вжимались в парты и старались сидеть тише воды ниже травы. Он был таким и, наверное, другим уже никогда не станет. Но Джейн и любила его именно таким.

– Ну, ты можешь хотя бы попробовать помочь мне. А, Тоби?

– Я подумаю над этим.

– Ответ «нет» не принимается. – Она рассмеялась.

Разве могла она подумать, что когда-нибудь будет вот так абсолютно неприлично счастлива, несмотря ни на что?

Она стоит на берегу реки и бросает камешки в воду. Один, потом второй.

– Кэти!

– Что? – Она оборачивается к Тобиасу.

– Смотри, что я тебе принёс. – Он протягивает что-то на ладони.

Она оборачивается к нему, но Тобиас тут же прячет руку за спину.

– Нет, так не пойдёт. Закрой глаза и подставь руку!

Она закрывает, и тут же ей на руку падает что-то маленькое и холодное.

Кэтрин открывает глаза и восторженно выдыхает. На руке у неё несколько речных жемчужин. Необработанные, маленькие, мокрые, все в водорослях. Но какие же красивые!

– Тобиас, где ты это нашёл?

– Так здесь же, в реке.

– Ты нырял туда? – ахает она. – Но там же глубоко и водовороты!

– Ничего там страшного нет. Я уже не первый раз ныряю.

– Я, конечно, очень рада твоему подарку, но, – она строго смотрит на него, – не нужно мне таких жертв. Я не хочу, чтобы

ради меня ты рисковал своей жизнью.

Она серьёзно смотрит на него. Тоби смущённо отводит глаза. С мокрых волос течёт вода.

– Да нет там никакого риска.

– И всё же пообещай мне, что не будешь рисковать.

– Обещаю, – отвечает он тихо. А потом подходит ближе. – А чего ты хочешь?

– Ну... – тянет она. – Хочу жить долго, счастливо, на берегу моря и обязательно с тобой.

– Вот глупая, кто же нам даст? Ты же аристократка, а я – нищеврод.

– Не говори так. – Она гордо вскидывает голову. – Мой жених не может быть нищевродом.

– Ты шутишь? – усмехается он. – Как будто ты пойдёшь за меня замуж, если я предложу.

– Я? Шучу? – искренне изумляется она. – Никогда! Я выйду за тебя замуж, Тобиас Ритар, когда ты сделаешь мне предложение.

И она смотрит на жемчуг в ладони, представляя, как там, впереди, они обязательно пожениются. И она убежит от надоедливой гувернантки, от учителей этикета, от всех, кто говорит ей, что делать и как жить. И построит свой дом, в котором они будут жить вместе и так, как хочется только им двоим. И жемчужины переливаются на ладони, словно это не простой речной жемчуг, а россыпь бриллиантов.